

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

ВАЛЕНТИН ВЛАВРОВ

ЭШАФОТ
И ДЕНЬГИ
ИЛИ
ОШИБКА АЗЕФА

Валентин Лавров

**Эшафот и деньги,
или Ошибка Азефа**

«Центрполиграф»

2020

УДК 82-312.4(02)
ББК 84(2Рос-Рус)6-44я5

Лавров В. В.

Эшафот и деньги, или Ошибка Азефа / В. В. Лавров —
«Центрполиграф», 2020

ISBN 978-5-227-07914-5

Эта захватывающая книга о терроре, кровавой волной разгулявшемся по Российской империи в начале прошлого века. Герой книги – легендарный Евно Азеф, невероятным образом совмещавший руководство Боевой организацией эсеров и службу секретным агентом Департамента полиции. Впервые в мировой литературе Азеф предстает не как «исчадие ада», а как умный и расчетливый борец с терроризмом. Книга написана на основе архивных материалов, весьма познавательна, полезна всем, кто интересуется российской историей.

УДК 82-312.4(02)
ББК 84(2Рос-Рус)6-44я5

ISBN 978-5-227-07914-5

© Лавров В. В., 2020
© Центрполиграф, 2020

Содержание

От автора	7
Часть 1. Дорога в пропасть	9
Переполох филеров	9
Загадочное исчезновение	9
Необычный ученик	12
Гиппопотам с тростью	13
Юное дарование	15
Наставления старого Фишеля	15
Богатая торговля	16
Вундеркинд	16
Прикладная математика	18
Прокламация для сортира	18
Набег на Европу	20
Пиво с сушками	20
Гениальный замысел	21
Опасный дебют	23
Секретные сочинения	23
Вдохновенные послания	24
Перемена обстоятельств	25
Любовь нечаянно нагрянет	27
Сладкое тело	27
Признание в чувствах	29
Первый сигнал	30
Душа общества	31
Дорога дальняя	34
Смертельная тревога	34
Актеры и зрители	36
Москва подпольная	39
Свет и тени	39
Полицейская стратегия	40
Секрет успеха	43
Приятное знакомство	43
Партийная рекомендация	47
Странные люди	49
Трудовые будни	49
Ценный работник	50
Часть 2. Томление духа	52
Курьезная девица	52
Женские прелести	52
Пристрастия великого князя	52
Съезд на Остоженке	53
Политические враги	55
Смещение народов	56
Несколькими днями раньше...	58
Отвлеченный вопрос	60
Царственный поэт	64

Насмешка над лошадьми	64
Актерская зависть	65
Страшная месть	66
Пушкин и слабительное	66
Князь Дундук	66
Хитрости буфетного мужика	68
Брызги шампанского	68
Вынос тел	70
Задумчивые социалисты	70
Мороз крепчал	70
Командировка в участок	73
Пугающая беспредельность	74
Любовь и революция	77
Мудрость секретного сотрудника	77
Клетка для народов	78
Наживка	79
Да не оскудеет рука берущего!	80
Главное – напугать	81
Тяжелая наследственность	83
Семейная война	83
Беспорядок в голове, беспорядок в квартире	83
Юные безобразники	87
Бесстыдство в манеже	87
«Погребальный список»	89
Осада	91
Желанный друг	92
Вещественные доказательства	92
Полезный совет	93
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Валентин Лавров

Эшафот и деньги, или Ошибка Азефа

© В.В. Лавров, 2020

© «Центрполиграф», 2020

* * *

Вся Россия стонет от ужаса вырвавшихся наружу, ничем не сдерживаемых зверских инстинктов, побуждающих людей совершать самые ужасные, бессмысленные убийства.

Л.Н. Толстой. Не убий никого

От автора

О Евно Азефе созданы горы книг – ученых и художественных, – ставились пьесы, снималось кино. Об Азефе писали многие известные мастера: Максим Горький, Алексей Толстой, Марк Алданов, Роман Гуль, Борис Николаевский и другие. И все они, повторяя один другого, дружно называли Азефа «Иудой XX века», «величайшим предателем и негодяем».

На мой взгляд, такие суждения однобоки, более того – глубоко ошибочны. Прошло достаточно времени, чтобы дать трезвую оценку той эпохе и тем людям, которые творили ее. Те, кто называет Азефа предателем, не утруждают себя встать на объективную позицию, отрешиться от сложившегося и очевидно ошибочного мнения.

С позиций экстремистов, готовивших кровавый переворот в России, Азеф – негодяй, ибо он, по сути, в одиночку сумел развалить мощную и жестокую Боевую организацию эсеров. Весь мир смеялся над революционерами с их заговорами, шептаниями по углам, псевдонимами. И всю эту клику сделал посмешищем Евно Азеф.

Азеф не предатель. Да, он был членом ЦК партии эсеров, формальным руководителем Боевой организации (фактически ею руководил Борис Савинков), но в первую очередь он являлся штатным сотрудником Департамента полиции. Террористов он не предавал, а выявлял. Азеф не организовал ни одного убийства – почему-то исследователи дружно прошли мимо этого факта, хотя после разоблачения Азефа террористы пытались приписать ему преступления, которые он не совершал. Ни один человек, привлеченный Азефом к Боевой организации, никогда не подвергался аресту.

Благодаря усилиям Азефа Департамент полиции сумел предотвратить множество террористических актов, в том числе и против государя Николая Александровича и премьер-министра П.А. Столыпина. Азеф, постоянно рискуя жизнью, служил делу укрепления великой Российской империи. Легенду о «кровожадном животном» пестовали террористы и революционеры – враги человечества и беззащитные луны.

Об этом доказательно сказал Столыпин в своей речи, посвященной «Делу Азефа» и произнесенной в Государственной думе 11 февраля 1909 года, подчеркнув: «У меня нет... данных для обвинения Азефа в так называемой провокации».

Впрочем, в последнее время застарелая точка зрения начала меняться. В первую очередь я имею в виду серьезное исследование Анны Гейфман (США) «В сетях террора» (2002). Весьма любопытен интересный труд З.И. Перегудовой «Политический сыск России (1880–1917)» (2000). Из мемуаров своей объективностью и доброжелательным подходом к Азефу выделяется книга руководителя охранного отделения Петербурга с 1905 по 1909 год А.В. Герасимова «На лезвии с террористами» (на немецком и французском языках впервые увидела свет в 1934 году). Именно Герасимов, плотно сотрудничавший с Азефом, утверждал: «Если бы я не имел в это время своим сотрудником такого человека, как Азеф, занимавшего в партии центральное положение, политической полиции... почти наверное не удалось бы так успешно и так систематически расстраивать все предприятия террористов. А трудно себе представить, что случилось бы с Россией, если бы террористам удалось в 1906–1907 годах совершить два „центральных“ террористических акта. Надо знать, какое смятение вносили такие террористические акты в ряды правительства... Если бы в дни Первой Государственной думы был бы убит Столыпин, если бы удалось покушение на Государя, развитие России сорвалось бы гораздо раньше».

Азеф любил деньги и женщин, мировые курорты, ресторанные застолья и хорошую одежду. У него была размашистая натура, порой напоминавшая разгульной широтой русского купца. Он помогал родственникам и бедным людям.

Читатель спросит: так что заставило Азефа вступить на опасный путь секретного агента, постоянно грозивший ему разоблачением и смертью? Любовь к аванюре? Жажда денег? Ненависть к жестокости и террору? Желание одновременно властвовать над террористами и правительством? А может, все это сплелось в единый клубок человеческих страстей? Или, как говорит народ, «так уж случилось, знать, судьба»? Об этом наша книга.

Ясно одно: Азеф – одна из самых загадочных и прекрасных фигур борцов с русской революцией и терроризмом.

Часть 1. Дорога в пропасть

Переполох филеров

Загадочное исчезновение

В помещении московской охраны, что в Гнездиновском переулке, шло жаркое обсуждение не совсем обычного происшествия. В просторном, с низкими потолками кабинете стояли длинный стол для совещаний и с обеих сторон дюжины две массивных стульев. Вдоль стены – шкафы с бумагами и каталожными ящиками.

Видавший виды филер Геннадий Волков, имевший должность старшего разведчика, за свою неумолимость получил кличку Волчок. Упершись ладонями в край обитого зеленым сукном стола, с ангельской невозмутимостью глядя в лицо легендарного начальника московской наружной службы Евстратия Медникова, Волчок рассказывал о том, как вчера он с двумя помощниками упустил фигуранта по кличке Толстый.

Проступок был тяжелым, однако в голосе Волчка звучали не нотки раскаяния и вины, а скорее удивления.

– В девять семнадцать утра Толстый вышел из гостиницы «Альпийская роза», крикнул лихача с номером на коляске сто семь, погрузился и покатил вверх по Тверской. Мы с Федуловым и Загоровским тоже взяли лихача – номер триста восемьдесят – и проследовали за объектом. У магазина Елисеева коляска остановилась, Толстый покрутил, покрутил головой, как я понимаю, насчет слежки: нет ли? На нас он внимания не обратил, потому как мы встали за подводой, груженной пустыми пивными ящиками. Затем Толстый спрыгнул на тротуар, витрину зеркальную изучал, а глазами – зырк, зырк – во все стороны. Но нас на мякине хрен два проведешь – мы среди людей в толпе растворились. Толстый потопал внутрь «Елисеевского», я – за ним.

Медников, пятидесятилетний человек с густыми усами-палками, с серыми усталыми глазами и мужественным лицом римского гладиатора, разглядывал «Карту наблюдения». На небольшого формата плотном листе – десять сантиметров на двадцать – написано: «*Фамилия. Азеф. Имя. Евно. Отчество. Фишель. Звание. Мещанин местечка Лысков Гродненской губернии. Вероисповедание. Православный. Революционные клички. Француз, Плантатор, Гастон Леви, Иван Николаевич, Валентин. Клички наблюдения. Раскин, Толстый. Организация. Социал-революционер. Аресты и обыски. Не подвергался. Агентурные сведения. Весьма серьезный активный представитель партии эсеров, ее Боевой организации. Принадлежал к кружкам Юделевича, Мееровича, Аргунова. Принимал весьма деятельное участие в рабочей пропаганде. Имея возможность постоянно разъезжать под видом торговых дел в разные города империи, оказывал немаловажные услуги „Ростовскому кружку“ доставлением нужных сведений. Крайне опасен*».

Медников раскрыл другой рабочий документ-гармошку – «Альбом филера», пробежал взглядом фотокарточки наблюдаемых лиц, нашел Азефа. С фото – что в профиль, что анфас – глядело странное лицо, весьма широкое, полное, с мясистыми губами, с крупными, навывкате маслинами глаз, с короткой шеей и двойным подбородком.

В альбом заглянул Волчок.

– Евстратий Павлович, это он, Толстый. – Расхохотался. – Ну и рожа!

Медников пресек:

– Ты, братец, на свою полюбуйся! И мозги мне не конопать.

– Слушаюсь! Попить можно? – Волков налил из сифона шипучей воды и большими глотками осушил стакан.

Медников поторопил его:

– Итак, Толстый зашел в магазин, а что вы, гении прослежки, сделали?

Волков бодро отвечал:

– Как вы, Евстратий Павлович, учили: заняли наблюдательные позиции: Загоровский со стороны Тверской, а Федулов побежал в Козицкий переулок. Я – за Толстым в магазин. Он прошел мимо колбасного ряда и отправился вправо к винному разделу, что ближе к выходу в Козицкий. Я, значит, осторожно продвинулся за Толстым. Тот нырнул в служебное помещение. Думаю: «Буду тут ждать, все равно обратно выйдет, потому как хода ему никакого другого нет!» А в витрину вижу Носа, то есть Федулова, – он с подворотни глаз не спускает. Ведь мы, Евстратий Павлович, «Елисейевский» во как отшлифовали, – показал ладонь, – вдоль и поперек все излазили, каждый кирпич по имени-отчеству знаем.

Медников оборвал:

– Хвастать нечего! Что дальше?

– Я, значит, контролировал выход Толстого. Ждал полтора часа, нет и нет. И Федулов, вижу, киснет. Что за оказия? Отправился в служебную дверь, вслед за Толстым.

– И чего, Волчок, любопытного увидел там? – ядовито усмехнулся Медников.

– Там коридор и несколько кабинетов – бухгалтерия и приказчики. На меня никто внимания не обратил, потому как за поставщика приняли.

– А еще там старший кассир – вторая дверь слева, а дальше – кабинет главного бухгалтера. В торце коридора – чуланчик, где уборщики инструмент оставляют, а прямо – выход во дворик! – уточнил Медников, и все филеры с удовольствием посмотрели на начальника: все знает!

– Так точно, Евстратий Павлович! Я, значит, во все двери сунулся. Что за наваждение? Сгинул Толстый, испарился. Прошел я, значит, до конца, заглянул даже в чулан – нету нашего персонажа! Вышел во дворик. Дворик маленький такой, со всех сторон домами замкнутый, ни одной двери, ни даже пожарной лестницы. Там были две арки – слева и прямо, но там давно склады, и они закрыты. Тьфу, что ж это такое? Верите, Евстратий Павлович, в своем разуме даже сомневаться начал: истинно наваждение! Вы правильно подметили: деться Толстому некуда, но ведь нет же его! Справа – арка, проход в Козицкий, а там на точке Нос, то есть Федулов. Он мне знак подает: Толстый не выходил! Я, значит, обратным путем, снова во все двери заглянул – исчез, паразит, как под землю провалился.

Два других филера (по штатному расписанию – разведчики), Загоровский и Федулов, дружно подтвердили:

– Коли бы Толстый вышел, мы его не упустили бы, да и пиджак на нем в полоску, издали приметный.

Медников с ехидством протянул:

– Надо же, какой паразит этот Толстый, не вернулся к вам! Ай-яй-яй! Ночевать, может, у Елисеява остался, а?

Филеры, которых разбор не касался, заржали. Они почитали Медникова за отца родного и все его нагоняи воспринимали без обиды. Медников свел брови:

– Цыц! Что тут, цирк, что ль?

Провинившиеся молча засопели. Волчок вздохнул, утупил взгляд, обреченно повторил:

– Объект не выходил, вот истинный крест, – перекрестился. – Когда что, мы все по правде докладываем, а тут – фокус и истинное наваждение.

Филер Загоровский задумчиво разглядывал потолок и докладывал:

– Извозчик, который Толстого доставил, выражался, дескать, не господа нынче пошли – змеи гремушие. И впрямь, какая-то загадка натуральная...

Медников верил рассказу своего любимого филера – Волчку и сам был весьма озадачен. Он ткнул кулаком Волчка в нос:

– Чем пахнет, ну?

Волчок понял: простил! Радостно крикнул:

– Евстратий Павлович, смертью, значит, пахнет!

– Правильно, Геннадий Иванович! В другой раз я тебе нос лепешкой сделаю, будешь как гиппопотам африканский. – Повернулся к филерам: – Конечно, эта тройка виновата, но в нашем деле честность – главное. Прошляпил фигуранта – прямо скажи, винись, кайся, а не юли – пойму. Я сам в вашей шкуре не одну пару сапог стесал, знаю, как вам трудно бывает. Но обязаны быть внимательны, действовать – как учу вас, балбесов. Уразумели?

Филеры дружно загудели:

– Обязательно, Евстратий Павлович! За науку вашу весьма обязаны и потому по службе усердствуем.

Медников продолжил:

– Я вас так не учил – бросать фигуранта. Он в магазин – и ты за ним, он в служебный коридор – и ты туда же, он в сортир – и ты садись рядом, кряхти. Может, в магазине за дверями у него важная встреча, может, он динамит кому передал? А ты в торговом зале окусываешься и ворон считаешь. Ты понял, Волчок? Да гляди мне, засранец, в глаза, я с тобой разговариваю, а не с памятником Минину и Пожарскому. Ты старший группы, ты и отвечаешь.

Волчок покорно глядел в лицо начальника. Тот продолжал:

– К наблюдаемым не приближайся, разговоров их не подслушивай, дабы не провалить наблюдение. Коли следуешь пешком, так смешайся с толпой, а лучше того – следуй по другой стороне улицы. В вагон конки вспрыгнул, стой на площадке у дверей, а внутрь не лезь, издали осуществляй визуальный контроль. Поняли?

– Так точно, Евстратий Павлович! – кивали головой филеры.

– Скажи-ка, Волчок, если фигурант зашел, скажем, в трактир или ресторан, ты что будешь делать?

Филер резво поднялся со стула и отчеканил:

– Останусь, значит, на улице и буду наблюдать за выходом!

– А если у фигуранта встреча за графином водки с подельником-террористом?

– Зайду внутрь и займу место поодаль от наблюдаемого. – Улыбнулся. – Но это только в том случае, ежели вы, Евстратий Павлович, приказали кассе выдать мне денег на трактир. Но вы экономию теперь наблюдаете!

Филеры дружно раскатились смехом. Медников отмахнулся:

– Ну, шастать по трактирам вы мастаки. Волков, тебя, как старшего, для начала штрафую на трешник, а другой раз накажу крепче. – Задумчиво оглядел соратников. – Жаль, мы никогда не узнаем, как Толстый от проследки соскочил. Я-то посрамил бы вас, ибо уверен: Толстый вернулся из служебного коридора обратно в магазин, может, шляпу или пиджак другой надел, очки на нос нацепил, то есть сделал маскарад, а ты, Волчок, лопухнулся. Понял?

Волчок упорствовал:

– Маскарада не было, я всех выходивших по ботинкам проверял, у Толстого светлый нос на коричневом штиблете. Трешник напрасно реквизировали...

Медников успокоил:

– Если, Геннадий Иванович, докажешь, что Толстый на небо вознесся или под землю провалился, трешник верну.

Необычный ученик

В этот момент дверь приотворилась, и в кабинет вошел Зубатов, начальник Московского охранного отделения. Медников крикнул:

– Встать!

Филеры, поднимаясь, задвигали тяжелыми стульями по натертому до зеркального блеска паркету.

Зубатов совершенно не был похож на военного человека. Все в нем было скромно, неброско: среднего роста, небольшая бородка на умном, интеллигентном лице, гладко зачесанные назад каштановые волосы, серые смеющиеся глаза, чаще всего спрятанные за дымчатыми очками. Попав однажды в ряды полицейских, Зубатов сразу же выделился неумемной энергией и исключительными способностями. Сделал карьеру, стал начальником Московского охранного отделения. И тут Зубатов развернулся вовсю. Он ввел фотографирование всех арестантов, первым в России стал применять дактилоскопию, разработал и привел в систему наружное наблюдение и вообще поднял технику раскрытия преступлений на небывалую до того высоту. Европа вполне могла завидовать.

Зубатов махнул рукой:

– Садитесь! Слышу, весело у вас тут. Думаю, надо зайти, узнать, чему разведчики радуются.

– Это смех сквозь слезы. На ошибках учимся, Сергей Васильевич! К сожалению, не на чужих, а на собственных, – отвечал Медников.

– Вы заканчиваете летучку? Наряды на прослежку раздали?

– Так точно! Наряды раздали, дела обмозговали, теперь свободные от дежурства по домам пойдут.

– Вот и хорошо! Евстратий Павлович, мне с тобой двумя словами надо перекинуться. – Голос Зубатова звучал подозрительно ласково.

Медников сказал филерам:

– Все свободны.

Филеры дружно поднялись, переговариваясь, посмеиваясь над опростоволосившимися товарищами, поспешили из кабинета.

* * *

Зубатов продолжал все тем же медовым голосом:

– Ну как, Евстратушка, поживаешь? Что твое здоровье?

Медников устало потянулся, хрустнув ревматическими суставами, и произнес:

– Эх, Сергей Васильевич, вчистую замучился на службе государевой, а годы мои немолодые, скоро пятьдесят справлять буду, коли доживу.

– Доживешь, обязательно доживешь, гордость ты наша, Евстратушка.

– Потому и терпим, что государю служим. Люди словно обезумели, бояться перестали. Нынче повсюду недовольство, не таясь ругают государя, проклиная полицию. А что вытворяет интеллигенция? Деньгами субсидируют социалистов. Вон, в газетах пронюхали, напечатали: сынок чайного короля Цетлина эсерам-террористам громадные тысячи передал. Я бы таких господ за шкуру и этапом в Сибирь, на вечное поселение.

– Не помешало бы! – поддакнул Зубатов. Он вкрадчиво запел: – Дорогой Евстратушка, сделай доброе дело, прими, как сына родного, одного человечка...

– Куда принять? – буркнул Медников. – К себе на службу?

Зубатов усмехнулся:

– Нет, он уже служит! Дай несколько уроков наружного наблюдения. Он должен освоить азы науки, которой ты, Евстратий Павлович, владеешь в совершенстве: умением распознать проследку, избавиться от нее... Ты ведь у нас профессор наружной службы.

Медников, с начальством безропотный, вдруг заартачился:

– Сергей Васильевич, мне дыхнуть некогда, не то что кого учить. Я, пардон, в туалет бегом бегаю, обедать забываю – нету времени, а тут, видите ли, филерскую школу для одного неграмотного открыть должен. Могу посоветовать кого-нибудь из своих ребят, того же Волчка, он научит нашим премудростям.

Голос Зубатова вмиг переменялся, обрел жесткие, начальнические нотки.

– Я не могу этого человека раскрывать перед рядовыми филерами. Два-три урока, и все! Он очень способный, все схватывает на лету. Дело требует этого. Как думаешь, кто отдал приказ этого ученичка направить именно к тебе? Тебе кланяется просьбой сам директор Департамента полиции...

– Лопухин? – изумился Медников. – А он не приказал мне жалованье увеличить?

– Я сам тебе за этот месяц премию выпишу...

Медников задумчиво протянул:

– Во-от оно что! Птица, поди, важная?

– Не обычный ученик! От твоей учебы зависит не только жизнь этого человека, но, быть может, государственное спокойствие. Ты, Евстратий, масштаб осознай. Его зовут Иван Николаевич.

– Хоть Иван Васильевич Грозный. – Медников с молодых лет взял себе за правило: начальству не перечить, от службы не бегать. – Пусть войдет!

Зубатов широко улыбнулся, с чувством пожал Медникову руку:

– Спасибо, Евстратушка! Вот за что тебя уважаю – за понимание государственных интересов. – Он поднял вверх палец. – Еще раз прошу, пожалуйста, ничему не удивляйся. Приказ начальства не подлежит обсуждению и удивлению. – Заливисто рассмеялся.

Гиппопотам с тростью

Не прошло и минуты, как дверь открылась. В кабинет вплыла фигура вида необычного. На вошедшем был дорогой костюм, в одной руке – небольшой кожаный портфель, в другой – трость с серебряным набалдашником в виде человеческого черепа. Темные маслины умных выпученных глаз настороженно глядели исподлобья.

Глава филеров, выдавший виды, на сей раз испытал потрясение. Если бы в его кабинете застучал копытцами с хвостом и рогами, пахнувший серой нечистый, то знаменитый филер удивился не больше. Подумалось: «Господи, это что, у меня уже грезы начались?»

Этого человека он знал по филерским фотоальбомам. По многолетней привычке сличать натуру с описаниями примет моментально вспомнил запись в полицейской картотеке: «Толстый, сутуловатый, выше среднего роста, ноги и руки непропорционально маленькие, шея толстая, короткая. Лицо круглое, одутловатое, смуглое, череп сверху сужен, волосы темного цвета, прямые, жесткие, обыкновенно подстрижены коротко. Лоб низкий, брови темные, густые, глаза карие, навывкате. Нос большой, чуть приплюснутый, скулы выдаются. Губы толстые, выпяченные, чувственные. Бороду обычно бреет, усы носит подстриженными». Подумалось: «Монументален, словно гиппопотам».

Сомнений не было – перед Медниковым стоял тот самый наблюдаемый по кличке Толстый, за потерю которого Волчок и его двое товарищей только что получили взбучку. Настоящее имя – Евно Азеф, один из руководителей эсеров-террористов, член ЦК.

Азеф держался уверенно, с апломбом.

– Позвольте, сударь, представиться – Иван Николаевич. – И не протянул руки.

– А меня – Евстратий Павлович. – Тягостная мысль испортила настроение: «Это дурной сон! Я должен сообщать секреты наружного наблюдения махровому бомбисту! Ничего не понимаю... Но ведь начальство приказало! Что ж, стану исполнять».

Азеф полез в брючный карман. Медников с напряженным вниманием следил за гостем. Азеф рассмеялся:

– Это не револьвер! Такой важный учитель мне пока нужен живым. – И наконец вытянул большой носовой фуляр, вытер потное лицо и тяжело опустился на диван.

В предвкушении интересного разговора эти люди с любопытством разглядывали друг друга. И разговор, который вошел в историю криминалистики, начался... Впрочем, к встрече этих замечательных людей мы еще вернемся.

Юное дарование

Наставления старого Фишеля

С этой удивительной персоной – Евно Азефом – нам предстоит провести значительное время. Так что бросим беглый взгляд на его молодые годы, на те скромные истоки, которые в конце концов ввергли эту замечательную личность в бушующий океан смертельных приключений и мировой славы.

И начать ее стоит с папаши Азефа – Фишеля, которого даже в захолустном еврейском местечке Лысков Гродненской губернии до поры до времени держали за фуфеля, то есть за пустякового человека.

Это был тощий старик в чесучовом, выгоревшем до седого цвета лапсердаке, который он носил так долго, что казалось – родился в нем вместе с седыми пейсами, угрями на тощей шее и глазами, в которых будто отражались все мировые несчастья со времен Ноя.

У Фишеля была, кажется, профессия. По крайней мере, сам себя он называл портным. Более того, он целыми днями сидел на столе с согнутыми ногами в своем логове, полном нищей безысходности, что наискосок от Старого базара, и что-то шил иглой. Он шил иглой потому, что если у него что и было, то это геморрой и язва, но «Зингера» никогда не было. Его заработков едва хватало на прокорм жены Сары, а швейная машинка была недоступной роскошью и мечтой, как, скажем, двухэтажный дом с колоннами местного полицмейстера Викентия Буракевича.

Фишель окидывал взглядом свои нищенские углы и тяжело вздыхал:

– Конечно, Бог очень любит бедных, но помогает почему-то богатым.

Но, видимо, Фишель иногда отрывался от шитья, ибо цветущей весной 1869 года у Сары родился младенец (в конце концов, их станет семеро!), и этого младенца назвали Евно. Согласно обычаю, на восьмой день этому ребенку искусный моэль Герцик, у которого осложнения и заражения хотя и случались, но не так, чтобы каждый раз, обрезал Евно крайнюю плоть. Это означало заключение союза между еврейским младенцем и праотцем Авраамом. Это уже было что-то, на это можно было надеяться.

* * *

Как другая знаменитость, Яша Хейфиц, едва в младенчестве прикоснулся к скрипке, так сразу обнаружил яркое дарование, так и наш герой Евно уже в пять лет блеснул талантом, который всю развернулся позже и сделал его имя знаменитым на десятилетия вперед.

Случилось это так. Папа Фишель однажды пригласил в гости каких-то знакомых и по этому случаю в лавке Соломона Ниточкина на последние деньги купил фунт хороших конфет. Конфеты от голодных детей были спрятаны на кухне в пустую кастрюлю, но разве от смышленного не по возрасту и всегда голодного Евно можно чего утаить?

Тот тайком слопал все конфеты. Возмездие родителей готово было пасть на его голову, как на грешников пламя, сошедшее с небес, но на умного Евно снизошла благая мысль. Все фантики он загодя спрятал под подушку трехлетнего братца Натана. Подозрение все же пало на Евно, который в тот день почему-то много пил воды и имел подозрительно сытый вид. Когда отец с ремнем в руках начал следствие, Евно ему шепнул (в детстве он всегда почему-то говорил громким шепотом):

– Натан жрал, я сам видел!

Обыск быстро обнаружил под подушкой младенца вещественное доказательство преступления – фантики и одну слегка обсосанную конфету. Натан был выдран, тем более что по причине задержки речи он не мог сказать в свою защиту оправдательного слова.

Но тут случилось чудо. Маленький Натан, возмущенный человеческой несправедливостью, вдруг крикнул сквозь слезы свои первые слова:

– Не я! Это Евно...

Мать Сара была приятно удивлена прорезавшейся речью Натана и поцеловала его. Зато старый Фишель на всякий случай выдрал и Евно, хотя последний был достоин поощрения: с его легкой руки брат начал хорошо говорить.

Евно пожалел невинно пострадавшего братца и отдал ему припрятанную конфету:

– Лопай, обжора!

Богатая торговля

Вскоре Евно вновь блеснул мудростью. С не детской наблюдательностью он как-то философски заметил:

– Хорошо тем, кто чем-нибудь торгует! У них и товар есть, и деньги им несут...

Отец Фишель услышал эти слова и был ими поражен не меньше, чем услышал бы с неба глас Иосифа Египетского. Именно тем утром Фишель получил письмо от родственницы, которую, как и жену, звали Сара. Она вдовствовала в Ростове-на-Дону, и у нее был сын Нисан, ровесник Евно. Сара писала, что хочет продать свою лавку красных товаров.

Фишель решил круто изменить судьбу и разбогатеть. Он побежал на почту, и телеграфист под его диктовку передал текст: «Сара перестаньте продавать лавку сам куплю». Фишель получил какие-то деньги за свой домишко и перебрался в хлебный город Ростов-на-Дону. Портняжную иглу он с удовольствием сменил на лавку под живописной вывеской «Красный товар». Однако и тут, кроме головной боли, ничего не нашлось. Разоренный нелегкой жизнью, но обогащенный мудростью, старый Фишель наставлял своих чад:

– Дети, запомните: если вы родились евреями, то гораздо лучше быть богатым и ученым, чем нищим и презираемым! И зарубите на собственном носу: от гоев добра не ждите – никогда! Или вы хотите со мной спорить?

Никто с этим не хотел спорить. И тогда Фишель добавлял:

– Очень замечательно, когда еврей изучает Тору и Талмуд. Прекрасно дитя, читающее по вечерам возле керосиновой лампы своему отцу откровения Гемары. Но если вы хотите жить в радости, то думайте, как заработать гелд. А я вам скажу: чтобы иметь хорошее богатство, надо усердно учиться. Вы меня поняли или что?

Вундеркинд

Старый Фишель выбивался из последних сил. Он ходил к директору Петровского реального училища, он бесплатно сшил для него две жилетки в цветочек, он падал на колени, он умолял, но своего добился. Теперь все четверо сыновей обучались за государственный счет, а самый умный – Евно – всех поражал способностями.

У мальчика были внимательно глядевшие выпуклые блестящие глаза, а ум был жадным до знаний.

Этот ребенок умел слушать учителей, ни на мгновение не отвлекаясь. Когда приезжали инспектора, то учитель непременно вызывал к доске Евно, и тот поражал памятью и математическими способностями.

Когда Евно учился в четвертом классе, на урок пожаловал среднего роста человек с бритым лицом, в очках и с тростью в руке. Это был профессор математики из Оренбурга, уни-

верситетский товарищ директора гимназии, и директор не мог упустить такую возможность – показать своих учеников. Сияя, словно самовар, начищенный к Пасхе, директор обратился к классу:

– Дети, запомните это мгновение. К нам пожаловал знаменитый на весь мир математик, ученик великого ученого Николая Ивановича Лобачевского – Виктор Иванович Ломакин.

Гость оказался добрым, он никого не ругал и не вызывал к доске. Он рассказывал всякие интересные истории о математиках и математике.

– Я сейчас вам дам остроумную задачу, для решения которой нужна смекалка.

Ученики перестали дышать, а Ломакин сказал:

– Дети, сколько получится, ежели сложить все числа от одного до ста?

Весь класс лихорадочно заскрипел перьями, лишь Азеф задумчиво глядел громадными черными глазами на ученого. Тот спросил:

– Мальчик, тебе непонятно условие?

Азеф поднялся из-за парты:

– Нет, господин ученый, условие мне понятно. Мне непонятно, зачем целый класс так долго решает столь легкую задачку.

Ломакин удивился:

– А ты уже решил? Где твои записи?

– Записей не надо. Задачку легко решать в уме, разве вы не знаете?

– Хм! И сколько же у тебя получилось?

– Пять тысяч пятьдесят.

– Верно! – воскликнул Ломакин, удивленный так, будто встретил живого Ломоносова. обратился к классу: – Дети, этот мальчик – как тебя зовут? – Евно Азеф дал правильный ответ. Евно, как тебе удалось решить? Дети, внимательно слушайте – это очень занимательно.

Азеф бойко отвечал:

– Если к единице прибавить сто, получится сто один. Далее к двум прибавляем девяносто девять, в результате имеем опять сто один, к трем – девяносто восемь – тоже сто один. И так до конца. Понятно, что всего получится пятьдесят пар по сто одному. Если пятьдесят умножить на сто один, то результат – пять тысяч пятьдесят.

Дети не любили Азефа, но и они не удержались от восхищения:

– Какой ты умный, Евно!

Ломакин достал из своего портфеля книгу, торжественно произнес:

– Первым показал такое решение знаменитый немецкий математик Карл Фридрих Гаусс. Я тебе, Евно Азеф, дарю труд Гаусса о теории чисел, посвященный квадратичным вычетам. Он, к сожалению, на немецком языке, да и сложен пока для тебя, но ты когда-нибудь изучишь язык Гете и Канта и прочтешь эту книгу.

Директор гордо вскинул подбородок:

– Азеф прекрасно владеет немецким языком.

Евно сказал по-немецки:

– Я люблю этот прекрасный язык! Он прост и чист, как идиш.

– И где вы, мой юный друг, успели выучить его?

– Напротив нашего дома живет госпожа Елена Цыбина. Она сказала: «Евреи могут иногда между собой не ладить, но они всегда должны помогать друг другу». Вот тетя Лена уже третий год бесплатно занимается со мной немецким.

Ломакин был восхищен:

– Миром управляет математика. Тщательный анализ собственных обстоятельств и точный расчет последствий наших поступков помогут обрести жизнь совершенную. Так что, маленький Азеф, правильно высчитывайте последствия собственных решений, и вы сумеете достичь в своей жизни максимального успеха.

После урока знаменитый математик передал директору училища некоторые деньги и сказал:

– Пожалуйста, это для родителей Азефа. Я вижу, ребенок из бедной семьи, пусть родители купят ему что-нибудь из одежды. Мне кажется, его ждет великое будущее.

...История с решением задачи прокатилась по всему городу. На какое-то время учащийся Евно Азеф сделался популярной личностью. Но потом все стало, как прежде: товарищи по учебе при всяком случае норовили обидеть некрасивого, стремившегося к уединению мальчугана Евно Азефа. Тот тихо плакал по ночам, зарывшись головой в подушку.

Что касается великого ученого Ломакина, то Азефу еще предстояло встретиться с ним совсем в другие времена и совсем в другой стране.

Прикладная математика

С блеском окончив гимназию, Евно ринулся в погоню за капиталом: давал уроки, был репортером местной газетки, служил писцом, ссужал небольшие деньги под хорошие проценты, но это были копейки. Настоящий капитал упорно шел в другие руки, например владельцу большого продовольственного магазина Фишману, с сыном которого, Димой, он дружил.

...Счастье всегда приходит неожиданно, когда его совсем не ждешь. Там, где для других была тюрьма и позор, Евно поджидало большое счастье. Все началось в начале девяносто второго года, когда его лучший друг Дима Фишман сказал:

– Евно, я имею вам сказать пару слов! Пришла пора взяться за дело.

Азеф оживился:

– Да? Какой будет гешефт?

– Гешефт будет таким, что его и сосчитать невозможно. Евреи – народ великий, но порабощенный проклятым царизмом. Надо сражаться за свои права.

Услыхав слово «сражаться», Азеф сразу же заскучал и хотел уйти. Фишман успокоил:

– Подожди бояться! Неужели ты не устал носить ярмо проклятого самодержавия? Оно, это ярмо, пьет из нас все соки!

Азеф подумал: «Ну, Фишман, из тебя много не пили, вон какую ряшку отожрал!» – и ничего не отвечал. Фишман настаивал:

– Так что вы скажете за это несчастье?

– Я, конечно, скажу, но кто будет кормить моих стариков, если меня в цепях отправят на каторгу?

– Авось не отправят! Сегодня в восемь вечера собираемся у Мееровича, прибегай посмотреть. И приводи Нисана, сына тети Сары.

– Приду! – согласился Азеф, и сердце почему-то забилося в тревожном предчувствии.

Прокламация для сортира

Собственно говоря, этот кружок вовсе не был собранием серьезных революционеров, и ничего там подрывного не происходило: дело ограничивалось пустой болтовней да раз прочитали какую-то непристойную книжульку «Как поповская жена мужику горизонт показывала», так что все едва не померли от смеха.

Молодым людям хотелось быть смутьянами. По этой причине решили на деле показать ненависть к самодержавию: коллективно составили прокламацию, которую назвали бойко, но не оригинально – «Долой самодержавие!». Каждый из революционеров переписал по три экземпляра и сам же их тайком развесил на заборах и воротах.

Азеф и тут проявил смекалку: свои экземпляры он на всякий случай писал печатными буквами, а потом тщательно разорвал и выбросил в сортир: а то мало ли чего! Листовки сорвали обыватели, а вскоре разнеслась ужасная новость: арестован Нисан! Конечно, можно было надеяться, что он не расскажет о приятелях, но это все равно что надеяться на богатое наследство из Америки.

Азеф боялся страшных российских законов, а еще больше их исполнителей. Он заматался по городу, ища надежного убежища. Такое нашлось в доме Фишмана. Старик сам сходил куда надо, дал денег, сколько надо, и там обещали: «Твоего сына, жидовская морда, пока не тронем!»

Азеф жил в чужом доме, вкусно ел, но это очень тяжело – жить в чужом доме. Азеф сказал себе: «Евно, в России жить можно, но только если тебя не ищет полиция! Гораздо лучше из нее бежать. – И тут же задал вопрос: – А где взять гелд? Денег взять совершенно негде. На свете очень много денег, боюсь, что их такие горы, что страшно представить. Но у меня их нет даже чуть-чуть. Впрочем, если подумать лучше, таки эту задачку я могу решить...»

Математическая голова не подвела своего владельца. Азеф все правильно просчитал. Он познакомился с каким-то купцом из Мариуполя, обвел его вокруг пальца, получил кредит на восемьсот рублей и с помощью этих денег и старого Фишмана выправил заграничный паспорт. Путь на Запад был открыт.

Теперь у Евно Азефа начиналась совершенно новая жизнь.

Набег на Европу

Пиво с сушками

Столь приятное событие – бегство в Германию – произошло весной девяносто второго года.

Беглец разместился в столице герцогства Баденского, курортном местечке Карлсруэ. Здесь были, как положено, старинный замок и Шлоссплац – площадь, от которой во все стороны шли тридцать две улицы. Но главной площадью была Фридрихсплац. В обширном кирпичном здании находились громадная библиотека со ста пятьюдесятью тысячами книг и с хранилищем древних рукописей и, кроме того, театр драмы и оперы, а еще были политехникум и бронзовая пирамида-памятник основателю города маркграфу Карлу.

Азеф поселился в гостинице «Виктория», в самом дешевом номере, возле туалета. Нехороший запах проникал в жилище беглеца, но тот словно не замечал этого неудобства. Азеф усердно принялся за учебу в политехе и стал ежедневно посещать библиотеку. Вечера он весело проводил с молодежью, по разным причинам покинувшей Российскую империю и теперь получавшей заграничное образование. Почти каждый что-то натворил политическое и теперь издали показывал язык охранке.

Тут, среди прочих, были друзья Азефа из Ростова-на-Дону, именно те, что увлекались романтикой революции и которые успели убежать, прежде чем их отправили на тюремные нары.

Каждый вечер приятели собирались в пивнушке, кружками употребляли хмельной напиток и жарко спорили.

Азеф никогда не лез в дебаты, лишь молча пил пиво, если были деньги, да согласно покачивал громадной головой. Его товарищи глотали табачный дым и, перебивая друг друга, размахивали руками и выплевывали гневные слова в адрес проклятого русского самодержавия.

Любитель гимнастики по системе Мюллера Юделевич вдруг сказал:

– Только что я получил коллективное письмо из Ростова-на-Дону. Вот что пишут наши товарищи Дмитрий Фишман и Василий Алабышев: «Самое ужасное, что русский народ в своей массе доволен своим скотским существованием. Все его интересы сводятся лишь к тому, чтобы вкусно жрать и пить водку, а духовных запросов нет никаких. Правда, в интеллигентской среде все больше зреет ненависть к самодержавию, даже учителя гимназии говорят о необходимости свободы и равенства».

Ядовитый Меерович ехидно рассмеялся:

– Евно, тебе тоже, кажется, свобода не нужна. Ты счастлив, когда можешь свое брюхо досыта набить...

Юделевич криво усмехнулся:

– Если брюки продаст, то загул для нас всех устроит!

Тут все грохнули смехом, Азеф же с трудом сдержал себя, чтобы не стукнуть обидчика.

Дело было в том, что брюки и впрямь так изнашивались, обтерхались, что их давно надо было пустить на тряпки, и они уже стали предметом бесконечных насмешек. Вот и теперь Самойлович, изображая юродивого, встал перед Азефом на колени и протянул жалобным голосом:

– Позволь, о, могущественный Крез, в твоих брюках к любимой девушке на свидание сходить, свести ее с ума!

И снова все заготовали, но Азеф оставил и эту насмешку без внимания. Он вынужден был терпеть словесные экзекуции, ибо покажи, что обидные слова его ранят, так товарищи его бы заклевали окончательно. Поэтому Азеф, стараясь сохранять спокойствие, заговорил о другом:

– Теперь, товарищи, поговорим о важнейшем деле – о переводе на русский язык сочинения Каутского «Программа социал-демократической партии». Мне приятно, что на мое предложение охотно откликнулись товарищи Меерович, Петерс, Самойлович, Юделевич и Хуня Гольштейн. Каутского я разбил на фрагменты, и все названные товарищи сдали мне свои переводы. Задерживает нас лишь один – Самойлович. Мы в Германии отпечатаем этот труд и отправим нелегальным транспортом в Россию. Голосуем, все за?

Никто не возражал, все продолжали пить пиво. И в заключение вечера хором исполнили «Дубинушку», которая по какой-то причине считалась ужасно революционной, а затем полюбившуюся песенку «Письмо раввину Шнеерзону»: «У местечку Лядыню, Могилевской губерню, господину раввину, ай-ля-ля-ля-ля-ля! Шнеерзону!..»

* * *

Луна стояла высоко в небе. У кого были подруги – пошли на свидание, у кого не было подруг, но водились деньги – пошли в публичный дом. У кого не было ни того ни другого – как у Азефа – отправились в свои углы изучать библию пролетариата – «Капитал» Карла Маркса.

Азеф часа два сидел за «Капиталом», и ему в нос лез тошнотворный запах. Было скучно и противно. Затем в свете керосиновой лампы он долго глядел на себя в зеркало. Большой любитель сочинять афоризмы, он произнес:

– Нет, у меня не лицо, а ошибка анатомии! – Подумал и добавил, развеселившись: – Но есть верное средство, чтобы женщинам казаться красавцем: надо их глаза закрывать крупными купюрами. Придет день, и меня станут любить первые красавицы.

Часы на ратуше пробили двенадцать ночи.

Гениальный замысел

По странной причине почти все студенты-революционеры были из богатых семей и имели деньги, а Азеф с горьким юмором повторял:

– Я имею ангела-хранителя, но, стыдно сказать, я не имею шести марок на публичную девушку!

Азеф если и мог что получить от своего неграмотного папаши, так это лишь письмо, написанное каракулями. И снова Азеф сказал себе: «Почему все люди живут как порядочные, а меня, как этого, хотят выселить из гостиницы за неплатеж? Прелестная Анхен стоит за целый вечер шесть марок, да еще четыре марки уходят на ее угощение. Но она дарит свои ласки другим мужчинам, и я сгораю от ревности, и все лишь потому, что карман мой пуст. Тот же Меерович вчера вечером ушел к Анхен, а вернулся домой только утром, да еще, чтобы зенки его повылезали, расхваливал достоинства моей девушки. Я не глупей других, но товарищи меня презирают за бедность, не дружат. Что делать? Где все же взять денег? Карманные часы с серебряной цепью, которые мне подарил при расставании папа, я уже продал. Золотое колечко, которое мне для красоты отдала мама, я уже продал. Даже новую фуражку с лакированным козырьком я тоже продал. Я был бы рад продать последние брюки, тем более что они светятся и мои приятели смеются на мою бедность. Но что тогда продать? А продать надо, потому что без денег жить уже никак нельзя и все время есть почему-то хочется. Если бы я остался дома, то там мог зарабатывать приличные деньги. Ах, зачем я связался с этими аферистами-революционерами? А что, если...»

И тут в математическую голову пришла замечательная мысль: торговать теми, кто вовлек его в нынешнюю собачью жизнь и кто издевается над его рваными носками и стоптанными башмаками!

Азеф взял лист бумаги и прочертил вертикальную линию. Слева он вносил все то хорошее, что принесет ему задуманное предприятие; справа – то, что может стать плохим. Вышло, что выгода была очевидной. Многократно взвесив то и другое, решил: если торговать, то это не только прибыльно, но и очень увлекательно, поскольку напоминает игру в рулетку: есть риск потерять все, вплоть до собственной головы, но если этой головой хорошо думать, так можно остаться при хорошем гешефте. И он сказал себе: «Евно, в своем деле ты должен стать Наполеоном, но без Ватерлоо! Тебе ненавистны идеи революции? Так надо бороться с теми, кто жаждет кровопролития и беспорядков, – дело заманчивое! А теперь что? Даже нельзя в Россию нос сунуть и съездить к родителям, потому что уже на границе схватят».

Он тщательно разорвал листок, на котором определил свою судьбу, пошел в соседнее помещение и спустил его в унитаз.

...Ночью он спал тревожно, ибо в голову лезли разные мысли. На другой день Азеф ходил как в лихорадке, на вопросы приятелей отвечал невпопад, со всех сторон обдумывая стратегические маневры. Вечером, закрывшись на ключ в номере, приступил к исполнению гениальной задумки.

Опасный дебют

Секретные сочинения

Историческая дата: 6 апреля 1893 года. В этот день состоялся дебют Азефа.

Вставив в ручку новое перо, после пяти или шести черновиков он со всей старательностью закрипел по бумаге (соблюдаем все особенности оригинала):

«В жандармское управление г. Ростова н/Д

Заявление

Сим имею честь довести до сведения Жандармского управления, что в Ростове-на-Дону имеется кружок рабочих-социалистов, предводительствуемый некоторыми интеллигентными лицами, из которых гг. Фишман Дмитрий, Алабышев Василий состоят в переписке с здешним карлсруйским кружком революционеров, задающихся целью организовать революционные силы как за границей, так и в России, для таковой цели отсюда посылается в Ростов-на-Дону перевод сочинения Каутского „Программа социал-демократической партии“. Переписка ведется непосредственно с лицами Мееровичем, Самойловичем и Козиным. Если мои сведения окажутся Вам необходимыми в дальнейшем, то я не откажусь их сообщать.

Готовый к услугам покорный слуга *W. Sch. (poste restante)»*.

Четыре следующих дня Азеф пребывал в нетерпении, весь раздираемый мучительными сомнениями. Внешне он оставался самым собою: слушал в политехе лекции, гулял по Шлоссплацу перед ратушей, любуясь бездонным и по-весеннему чистым небом, сходил вместе с Самойловичем в театр, где смотрел пьеску «Шалости Казановы», шутил с товарищами, пил вечером красное вино, обсуждал программу революционных действий, в общем хоре пел «Письмо раввину Шнеерзону». Но в голове тревожным набатом билась мысль: «Придет ли ответ? А если и придет, будет ли он благоприятным? А что, если вдруг узнают мои заклятые приятели – просто побьют или сразу зарежут?»

Занял у Мееровича десять марок и целую ночь провел в доме под красным фонарем в объятиях лукавой прелестницы Анхен.

Но продажные ласки теперь мало приносили радости. Внутри Азефа все клокотало. То ему казалось, что его послание перехватят на почте и отдадут его же товарищам, то был уверен, что письмо ростовские жандармы выбросят за ненадобностью. «Во всяком случае, – успокаивал себя Азеф, – если я когда-либо окажусь в руках полиции, то заявлю, что был заодно с революционерами с единственной целью: быть полезным властям. И они будут обязаны отнестись ко мне со снисхождением». Тоскливо вздыхал: «Но хуже будет, если письмо каким-либо образом попадет к товарищам! Впрочем, это весьма вряд ли, а что точно, так это то, что мне до зарезу деньги нужны! И вообще, зачем меня черт дернул писать в Ростов-на-Дону? Что за город? Провинциальная дыра. Пожалуй, теперь же, незамедлительно следует направить еще одно письмо, прямо в Петербург. Дело будет верней!»

10 апреля начинающий борец с революцией вновь старательно скрипел пером. Теперя рапорт, повторяющий содержание предыдущего, был адресован самому «господину директору департамента». Фамилии его Азеф не знал. Сочинитель слезно повторил просьбу: коли сведения окажутся полезными, то уведомить заказным письмом до востребования. Но о главном – о деньгах – ни-ни, хотя именно в деньгах была вся суть.

И вот радость! 25 мая из столицы пришел ответ, датированный третьим числом. Мелкий чиновник Департамента полиции по фамилии Семякин словно окатил разгоряченного доносчика ушатом ледяной воды. Он равнодушным, сухим тоном извещал: департаменту все

известно о существовании революционного кружка в Карлсруэ. И если что-то в какой-то степени и может быть любопытно, то это сообщения о переправке в Россию транспортов революционной литературы.

Азеф сразу же перехватил инициативу и сумел поставить на место скудоумного чиновника:

«Милостивый государь! В ответ на Ваше письмо от 3 мая имею честь сообщить, что я со временем сумею доставлять Вам достоверные сведения о транспорте в Россию изданий нелегальных, так как кружок здешний задается целями завязать сношения с революционерами в России, для чего необходимо: объединить всех живущих по различным городам за границей русских, создать новую серию изданий рабочей литературы (первый выпуск выйдет в непродолжительном времени), препровождать эти издания в те места России, где имеются рабочие революционные кружки, и получать для всей этой деятельности материальные средства из России. Об этих целях кружка я сообщаю Вам потому, что, я полагаю, вряд ли Вам знакомы именно эти цели, несмотря на то, что Вам знакома деятельность кружка. Эту задачу поставил себе кружок сравнительно недавно. По моему мнению, сведения о том, как завязываются кружком сношения, с кем, посредством кого, в каких местах, кто из России сюда приезжает, кто отсюда едет в Россию для завязывания сношений и добываний средств, как эти средства доставляются, какая литература печатается, кто занимается этим делом и где в России есть революционные кружки, – все эти сведения, по-моему, гораздо важнее, чем достоверные и точные сведения о транспортах, которые бывают очень редки; обнаруживание одного транспорта прекращает на долгое время транспортирование, а печатный материал отдельными экземплярами перевозится единичными лицами. Все перечисленные сведения, весьма точные, не исключая и транспорта литературы (которого еще из Карлсруэ, по крайней мере за мое пребывание, не было, но в котором карлсруйцы будут участвовать, так как это главным образом и ставится целью деятельности кружка), я могу и желаю Вам сообщать под следующими условиями. 1) Чтобы мое имя было только известно лицу, ведущему со мной переписку. В противном случае может стать известным и здесь, а это помешает делу... и 2) Чтобы я получал ежемесячное вознаграждение в размере не меньше 50 рублей».

Вот тут-то дебютант допустил оплошку! Подобные услуги оплачивались гораздо дороже, но полсотни рублей для нищего студента деньги громадные, а осторожность – признак мудрости.

Департамент полиции быстро установил имя корреспондента. Сделали запрос, и ростовская полиция сообщила в Петербург необходимые сведения: «Евно Азеф человек неглупый, весьма пронырливый и имеющий обширные связи между проживающей за границей еврейской молодежью, а потому и в качестве агента может приносить существенную пользу, и надо ожидать, что, по своему корыстолюбию и современной нужде, он будет очень дорожить своей обязанностью».

Характеристика для кандидата в борцы с крамолой была прекрасной, хоть заказывай шампанское и оркестр.

Вдохновенные послания

Каждое утро, когда золотые солнечные лучи разбивались о могучие башни средневекового замка, Азеф заходил на почту – он с нетерпением ждал известий из Петербурга. И вот старый почтальон Гуго, с лицом замученной лошади, молча протянул конверт и, как показалось Азефу, с укоризной посмотрел на него.

Азеф теперь везде, повсюду, всегда видел подвох, кривую усмешку, испытывал неодолимый страх разоблачения. И этот страх заставлял его вполне искренне ненавидеть тех, на кого он доносил.

Азеф быстро спрятал конверт в карман, заспешил в «Викторию». Закрывшись на задвижку, два раза перечитал послание. Департамент полиции уже откровенно писал о своей заинтересованности в «фактических сведениях о революционерах» и обещал ничего не делать такого, что бросило бы тень на своего агента. И еще: департамент просил возможно подробнее обрисовать всех, кто входил в революционный кружок в Карлсруэ.

Азеф решил: «Сегодня пропущу занятия, надо срочно ответить на письмо! Дело ясное, скоро пришлют деньги».

* * *

Напрягая все литературные способности, тщетно пытаюсь местечковый язык перевести на высокий слог, он водил пером по бумаге. И вот вышел потрясающий документ. Одним словом, умри, Шекспир, замолкните, Музы, сам Евно с вдохновением творит!

«Милостивый государь Николай Петрович!

Письмо Ваше от 31 мая сего года получено и содержание замечено. Сведения по возможности буду доставлять достоверные и фактические, касающиеся сношений всяких местностей, как в России, так и в Западной Европе, и периодически. Деньги прошу высылать мне каждое 15-е число всякого месяца.

Из Ростова-на-Дону господином Фишманом (вероятно) доставлено сведение о том, что там, в Ростове, были обыски вследствие сообщения сведений, вероятно, из Карлсруэ; и обещано им, Фишманом, разузнать все точнее. Сообщал он члену кружка Мееровичу. Дабы не допустить проникнуть сюда более точных сведений, если таковые будут у г-на Фишмана, советую письма, адресованные в Карлсруэ на какое-нибудь имя из перечисляемых мною членом кружка: Мееровича, Самойловича, Петерса, Розенцвейга, Гольштейна (о нем у Вас сведений нет, – он кончил, живет здесь так), Баранова (вольнослушатель), Юделевича, – просматривать, если возможно, и сведения, может быть, обо мне – не допускать. К следующему разу я приготовлю Вам краткие характеристики членом кружка, согласно Вашему желанию. *Е. Азеф*».

Кривил душой славный разведчик! Он уже собрал богатый материал, но этот хитрый лис не торопился все сразу выкладывать департаменту.

Перемена обстоятельств

С июля девяносто третьего года Азеф стал получать за свой тяжкий труд жалованье штатного сотрудника Департамента полиции. Почтальон Гуго тщательно отсчитал деньги. В переводе это составляло более ста шестидесяти марок – и на пиво, и на Анхен хватает.

Получив первый гонорар, Азеф объяснил товарищам:

– Деньги прислал один добрый человек по фамилии Тимофеев. Это сын богатых купцов из Москвы, гостил у нас в Ростове, когда я еще в гимназии учился. Вот я назвал его, а он очень скромнен, просил имя его не разглашать.

Друзья не возражали: скромность украшает доброго человека. Азеф продолжал вдохновенно сочинять:

– И у отца дела в гору пошли, двадцатку прислал и обещает теперь слать ежемесячно. Теперь моя очередь всех вас напоить. Айда в трактир Карла Земпера!

Загул устроили широко, по-русски – натура Азефа была купеческой. Он сиял счастьем. Меерович поднимал кружку вверх и кричал:

– Мы высоко держим красное знамя русской революции!

Юделевич добавлял:

– Придет праздничный день, когда люди выйдут на улицы не с хоругвями и иконами, а с нашими портретами!

Стены трактира наполнились гимном революционеров, исполняемым, правда, с местечковой особенностью: «Многих песен слышать на родной стороне, в них за радость и горе мне пели...»

И когда уже ноги нетвердо держали молодых смутьянов, они с нетрезвым воодушевлением исполнили традиционное «Письмо раввину Шнеерзону». Тут подросли девушки, веселье забило через край.

* * *

Время бежало. Азеф писал в департамент, оттуда шли гонорары. Азеф однажды заявил друзьям:

– Я долго думал и понял, что надо перебираться в Дармштадт. В тамошнем электротехническом училище дают серьезные знания. А тут чему я могу научиться у профессоров, которые порой знают меньше меня?

Друзья задумчиво качали головами:

– Да, Евно, ты прав! Ты учишься превосходно.

Меерович протянул руку:

– И я с тобой!

Юделевич произнес:

– Надо нам держаться вместе!

...Вскоре Азеф оформил перевод, простился с Анхен и обещал любить вечно. Партийные товарищи потянулись за ним в Дармштадт.

Любовь нечаянно нагрянет

Сладкое тело

Дармштадт, столица герцогства Гессен-Дармштадтского, утонул в весеннем буйстве зелени виноградников, гор и холмов, поросших лесом и кустарником. Порой пролетал теплый, напитанный солнцем ветерок, и тогда особенно остро чувствовался запах молодой клейкой листвы.

На вершине горы, на Луизенплац, напротив памятника герцогу Людвигу, в маленьком чистеньком домике с островерхой крышей, покрытой красной черепицей, весной девяносто пятого года жил дворянин и пылкий революционер по фамилии Петерс.

Как сучки и кобели во время течки ищут встречи, так смутьянов и террористов всегда тянет друг к другу. В исторический для Азефа день 22 апреля упомянутый Петерс собрал у себя сообщников. Много пили виноградного вина, громко спорили по любому поводу и вообще радовались жизни.

Серьезными оставались лишь супруги Житловские. Они были людьми с большими амбициями, потому как дело сделали: сбили в кучку десяток-полтора единомышленников и кучку эту назвали партией – «Союз русских социалистов-революционеров за границей».

Хаим Житловский был в кружке старшим по возрасту и по ученому званию. Он родился в шестьдесят третьем году в Витебске и окончил Бернский университет со степенью доктора философии.

Теперь Житловский тянул в свои ряды всех, кто подворачивался под руку, полагая, что из количества образуется качество. Подвернулся и Азеф. Житловский зазвал его на вечеринку к Петерсу, и Азеф, надеясь извлечь из этого знакомства некий капитал, уклоняться не стал.

Никто не знает наперед, где обретет свою любовь. Так случилось и с Азефом. Среди немногочисленных гостей его внимание привлекла невысокого роста девица с густыми рыжеватыми волосами, у висков переходившими в мелкие завитки, веснушками на румяных щеках, с круглой мордашкой, крепкими грудями, округлостями бедер, залиvistым смехом и лукавыми изумрудными глазами, то и дело с интересом останавливавшимися на Азефе.

Когда зашла речь о благородной жертвенности тех, кто ступил на тропу революции, почти всегда хранивший молчание Азеф вдруг поднялся с бокалом в руке. Он горюю возвышался над столом, заставленным бутылками, фруктами и печеньем. Взглядом он то и дело встречался с рыжей девицей, и речь его была вдохновенна:

– Друзья, вслед за покойным поэтом воскликнем: «Священен наш союз!» По разным причинам сходятся люди. Чиновники объединяются в департаменты, чтобы лучше служить царю и чтобы удобнее было брать взятки. Капиталисты объединяются в картели и синдикаты, чтобы сподручней было сосать кровь из пролетариев. Разбойники сбиваются в шайки, чтобы лучше грабить и убивать на больших дорогах. А наш союз священен потому, что цель мы поставили великую, святую – освобождение народа от преступного самодержавия. Много мук терпели наши деды, начиная с декабристов. Их, передовых людей, вешали, расстреливали, гноили в тюрьмах... – Подумал и для образности добавил: – Подвешивали на дыбе и коптили на огне. Возможно, и нас теперь ожидают эти ужасные муки, но каждый из нас готов твердой поступью идти на плаху во имя равенства, свободы и братства.

Присутствующие, в едином порыве восторга, захлопали в ладоши. Рыжая девица даже крикнула:

– Это прекрасно!

Азеф с еще большим напряжением в голосе возглашал:

– Мы продолжим то великое, что создано блестящими умами наших великих предшественников – Герценом, Чернышевским, Добролюбовым, Лавровым, Михайловским и остальными. Выпьем за всех, кто презрел личное благо во имя общего счастья! Ура, товарищи!

– Ура! Ура! – отозвались гости.

Все выпили, Азеф в очередной раз бросил взгляд на рыжую девицу, и – боже! – впервые за двадцать пять лет жизни этот некрасивый человек увидел направленный на него взгляд, полный лучистого восторга, полный любви.

В груди все всколыхнулось: «Боже, как она прекрасна! А сколько в улыбке жажды телесного наслаждения... Все отдам за обладание ее сладким телом!»

Признание в чувствах

Спустя несколько минут они вышли вместе в сад, уселись на дальнюю скамейку. Они прижимались друг к другу плечами и оживленно болтали. Выяснилось, что девушку зовут Любовь Григорьевна Менкина. Хотя Люба не бедна – ее папа владелец хорошего магазина писчебумажных принадлежностей в Могилеве, – она служит портнихой в мастерской – чтобы быть ближе к пролетариату. Теперь, послушав речь Азефа, она твердо решила стать революционеркой.

Азеф отправился провожать Любу. Они болтали не умолкая. Они бродили под каменными аркадами, гуляли возле украшенных старинными фигурами фонтанов, стыли от любовного восторга на мосту через горную речушку, грозно шумевшую в темноте.

Азеф вдруг привлек к себе Любу и поцеловал ее в щеку. Она не рассердилась. Она безумным взглядом заглянула в его глаза и, словно выбирая судьбу, притянула его к себе и надолго впиалась в него жадными губами. Затем решительно сказала:

– Вы, товарищ Азеф, кажетесь мне замечательным революционером, который ставит для себя те же цели и задачи, что и я: свержение проклятого царизма в России. Вы позволяете мне, товарищ, быть полностью откровенной?

– Конечно, Любовь Григорьевна! Скажите мне всю правду...

– Товарищ Азеф, я слыхала о вас разное. Супруги Житловские считают вас человеком острого ума, исключительной честности и испытывают к вам беспредельное доверие. Но, не скрою, есть и другие мнения. Недоброжелатели и завистники называют вас злым на язык, а другие вас подозревают, не обижайтесь, в доносите. Теперь ясно вижу: вы, Евно, человек кристальный! – Протянула Азефу маленькую крепкую руку с короткими ногтями.

У Азефа, по склонности к анализу, мелькнула мысль: «Грызет ногти, неврастеничка! Но чертовски аппетитна, возбуждает».

Люба решительным тоном добавила:

– Давайте дружить! Вы мне очень нравитесь, товарищ Азеф!

Это прозвучало как «давайте спать вместе!». Азеф первый раз в жизни влюбился (публичная Анхен не в счет). Ночь они провели вместе в гостиничном номере Азефа.

Первый сигнал

Признание Любы, что некоторые из сподвижников считают его доносчиком, встревожило Азефа. Еще лежа в постели и с вождленным любопытством поглаживая ее чуть полноватое тело, стал осторожно выведывать:

– Кто именно и что именно говорит?

Люба, положив голову на его плечо, охотно поведала:

– Клевету распространяет Петерс. Он получил письмо из Ростова. Ваши бывшие товарищи утверждают: аресты местной революционной молодежи произведены исключительно по доносу Азефа.

Азеф закусил губу. Он подумал: «Ну, тупоумные головы из полиции! Что же они делают со мной? Ведь эти „товарищи“ могут мне глотку перерезать, ума у них хватит!» Стараясь быть как можно спокойнее, произнес:

– Ну а доводы, какие доводы у этого Петерса? И если я предатель, зачем он пригласил меня к себе?

– Я, мой друг, не умею объяснить ни слова Петерса, ни его поступки. Я вам скажу нечто, если вы поклянетесь об этом, – она прижала пальчик к губам, – ни гугу.

Азеф стукнул кулаком в грудь:

– Клянусь, Люба!

– Петерс на прошлой неделе в присутствии Житловского предлагал совершить над вами, Евно, революционный суд: зазвать в горы и столкнуть в пропасть, а потом заявить в полицию: «Наш товарищ сам упал, боже, какой несчастный случай!» Мы с Житловским возражали: «У нас нет доказательств предательства Азефа! Если по первому подозрению толкать людей в пропасть, так и революцию делать будет некому!» Однако Петерс повторял: «Аресты в Ростове произведены на основании доноса из-за границы!»

Азеф нашелся, рассмеялся:

– Если б Создатель жил на земле, люди выбили б ему все окна. – Это была еврейская поговорка. – Хорошо, что у меня нет своего дома с окнами.

Люба прижалась к Азефу:

– Ах, как я счастлива с вами!

Азеф решил: надо самому быть умнее и сообщать полицейским ищейкам только такие сведения, которые они при всем своем разгильдяйстве не сумеют использовать своему сотруднику во вред. Деньги, конечно, это всегда хорошо, но молодая жизнь гораздо лучше.

* * *

С того дня свои сообщения Азеф тщательно обдумывал. Словно шахматист хитрую комбинацию, он просчитывал дальнейшие ходы – свои и полиции. Порой его манипуляции напоминали действия шустрого человечка, ловко бегающего между дождевых струек и остающегося сухим под проливным дождем.

Но страх разоблачения, появившийся после первого доноса, навсегда поселился в сердце этого человека. И даже столь необходимые пятьдесят рублей, ежемесячно поступающие из Департамента полиции, и еще столько же к православной Пасхе, не заглушали тревогу.

К счастью для Азефа, расследованием невыгодных для него слухов никто серьезно не занимался. К тому же соратники постоянно менялись. Одни бросали учебу и уезжали, другие оканчивали политех и тоже отбывали восвояси.

Прибывали новички, становились на казавшийся им романтическим путь революционеров и с восторгом слушали речи старших товарищей, проникнутые пафосом борьбы против загнившего царизма. Азеф предпочитал отмалчиваться.

Он времени не терял: изучал электротехнику, русский язык и литературу, философию, историю. Поразительно быстро он научился грамотно писать и полностью избавился от местечкового произношения.

Душа общества

Однажды случилась новая крупная неприятность, которая могла бы сломать не только карьеру, но и жизнь Азефа.

В Карлсруэ появился новенький студент-украинец, ему было семнадцать лет, а его фамилия была Коробочкин. Он был сытенький, чистенький, ровненький, с румяной мордашкой и глазами, сиявшими наивностью и молодым счастьем.

У него были хорошие рекомендации от социалистов Киева и Харькова. По этой серьезной причине новичок был приглашен в пивнушку. Когда Коробочкин явился туда, студиозусы гуляли уже вовсю.

Малость захмелевшие товарищи приняли его тепло, всем хотелось знать свежие новости с родины. Все желали новичка посадить к себе поближе, налили шнапса. Юделевич обнял гостя:

– Познакомьтесь, это Люба Менкина, а это, рядом, ее друг и душа общества Евно Азеф. Азеф, добродушно улыбаясь, поднялся со стула.

Коробочкин, словно увидал прокаженного, отпрянул:

– Евно Азеф?

У Азефа внутри все похолодело. Меерович с удивлением спросил:

– А почему это вас удивило?

Азеф, стараясь скрыть волнение, улыбнулся:

– Моя слава так велика? – и протянул Коробочкину руку. Пухлая ладонь осталась висеть в воздухе.

Коробочкин сжал губы, подбоченился и вдруг нервным срывающимся голосом крикнул:

– Товарищи студенты! Знаете ли вы, что этот самый Азеф, – ткнул пальцем тому чуть не в глаз, – гнусный предатель? Именно он донес на группу социалистов в Ростове-на-Дону, именно он регулярно извещает Департамент полиции обо всем, что у вас происходит. Например, о том, что вы месяца два назад читали Кропоткина и Бакунина. Было это или, может, нет?

Все, крайне озадаченные, закивали согласно головами:

– Это было! Но откуда такие сведения у вас?

Коробочкин гневно продолжал:

– Вы думаете, что Азеф – друг? Вы ошибаетесь! Это законченный негодяй, потому что он фискал. Он ведет себя в высшей степени непорядочно!

Наступила тяжелая тишина. Азеф нервно сглотнул, прохрипел что-то невнятное, зато Меерович стальным тоном повторил:

– Сударь, я интересуюсь знать: откуда у вас такие сведения? Назовите источник, или вам придется отвечать за клевету.

Коробочкин сквозь нервические слезы выдавил:

– Простите, но я не могу вам сказать... Я дал слово... Но это сообщил очень осведомленный человек, это правда – Азеф доносчик. – Обличитель очень волновался и, видимо, по этой причине стал грызть ногти.

Теперь все вопросительно глядели на Азефа. И он сказал:

– Молодой человек, здесь принято грызть гранит науки, а не ногти!

После секундной паузы молодые революционеры разразились громовым хохотом, который, едва начав стихать, вдруг возобновлялся с новой силой. Меерович, держась за живот, едва не катался по полу:

– Ох, умру от смеха! Приехал сюда грызть ногти! Уф!..

Люба Менкина не смеялась, она презрительно смотрела на Коробочкина:

– Хорош гусь, оболгал, а доказать не желает! Так что это значит – ваши обвинения?

Азеф весело ответил:

– А это значит то, что этот славный господин связан с охранкой, имеет там друзей. И много, Коробочкин, вам там платят?

Коробочкин не обращал внимания на Азефа. Он, несколько успокоившись, произнес, глядя на Мееровича:

– И все же вы должны, товарищи, мне поверить! Мне сказал очень надежный человек, он хоть и полицейский, но сочувствует революции.

Люба прокурорским тоном крикнула:

– Фамилию полицейского назови!

Коробочкин вздохнул:

– Простите, назвать его не могу... Я дал слово.

Меерович, презрительно глядя на обличителя, сурово сдвинул брови:

– Последний раз спрашиваю: ничем свое обвинение подтвердить не можете? Евно Азеф – лучший среди нас, убежденный социалист. И сведения, которыми вы здесь оперируете, могут исходить только от охранки – с провокационной целью, чтобы в наших рядах посеять смуту. Приемчик старый!

Обличитель отрицательно помотал головой:

– Товарищи, я сказал правду! Придет день, и вы станете жалеть, что меня не слушали...

Юделевич указал на дверь:

– Как раз мы вас слушали. И заявляем: вы оболгали святого человека. Уйдите, клеветник! Мы не желаем общаться с агентами охранки!

Люба посоветовала:

– Грызите ногти в другом месте!

И вся компания опять весело загоготала.

Коробочкин положил на стол деньги за шнапс и пиво, к которым не успел притронуться, и безропотно направился к дверям. Теперь все глядели на Азефа, кто сочувственно, кто вопросительно. Азеф успел обрести внутреннее равновесие и вдруг вслед уходящему обличителю запел:

– Гадина, гадина! Сколько тебе дадено?

Общий хор подхватил, несколько раз повторил эти уничижительные слова. Так наивный обличитель был с позором изгнан из дружных рядов революционеров. Всякая правда должна быть своевременна, как снег зимой, а жара летом.

...Спустя несколько дней в складчину отметили брачный союз двух влюбленных сердец – Евно Азефа и Любы Менкиной. Много пили, всячески дурачились и веселились. Потом Мее-рович привел уличного скрипача. Тот играл веселую песенку. Молодые отчаянно выплясывали, и все дружно подпевали:

В семь-сорок он подъедет,
В семь-сорок он подъедет –
Наш старый, наш славный
Наш агиц ын паровоз.

Дорога дальняя

Смертельная тревога

Свадьбу отгуляли, и, как часто бывает, наступили тяжелые дни.

Азеф пребывал в не проходящей меланхолии. Оставив дома молодую жену, он сидел в одиночестве в пивнушке, пил янтарное баварское, горько ударявшее в нос хмелем, и рассуждал: «Еще один такой скандал, как с этим прохвостом Коробочкиным (ну и фамилия, почти по Гоголю!), и мне несдобровать. Эта революционная рвань словно с цепи сорвалась, ничего святого. Им бы в психиатрическую клинику, а они, вишь, обо мне могут рассуждать: „предатель – не предатель“! Болваны! Однако обстановочку освежить следует, бежать, бежать отсюда поскорей, целее буду! Но куда? Учебу бросать нельзя: диплом инженера всегда пригодится. Нет, надо здесь окончить училище, а потом устраиваться на хорошее место. И быть осторожней...»

* * *

В девяносто восьмом году Азеф окончил учиться на инженера-электротехника и был готов навсегда остаться в Германии. Ему предложили приличное место инженера в солидной фирме Шуккерта в Нюрнберге, и он не отказался.

Охранное отделение всполошилось. Революционеры, словно тараканы под печкой, плодились и множились, и число их прибывало с удивительной быстротой. С ними следовало бороться еще усиленнее, нежели прежде. А тут такой важный борец, как Азеф, видите ли, захотел мирной жизни. Нет, он нужен в России, этот крупный специалист, но не в электротехнике, а совсем в другом, государственной важности, деле!

Ключ к сердцу секретного сотрудника был известен – деньги. Решили: вызвать на родину и вдвое увеличить жалованье. Теперь оно составило сто рублей в месяц да премии в размере оклада к Рождеству, Пасхе и Троице, а еще были обещаны любовь и взаимопонимание. Плохо ли?

Азеф задумался. Служба у Шуккерта оказалась утомительной, и он уже успел поменять ее на временную работу в какой-то конторе. И все же в Россию возвращаться не хотелось – в Германии было спокойнее.

Из охраны снова писали, и в гораздо более жестких тонах. Азеф, верный привычке просчитывать последствия каждого поступка, с тоскою размышлял: «Ведь если я откажусь от требования охраны, так что получится? Эти негодяи очень могут сообщить о моей деятельности социалистам, а те... Да, у этих сумасшедших революционеров нет ничего святого. Если они собираются сотнями убивать чиновников, то меня прихлопнут, как блоху. Может, уехать в Америку? Прекрасная для еврея страна, только враги и там меня достанут. А у меня на руках Люба с ребеночком. Совершенно ужасный случай, потому что я в западне. Так что мне делать? И совет спросить не у кого».

Еще несколько дней ходил Азеф как потерянный, почти не ел, не спал. Наконец, не пренебрегая ни малейшей деталью, взвесив все за и против, принял решение и объявил его любимой супруге, кормившей грудью первенца:

– Люба, что нам эта Германия, что нам этот Нюрнберг? Тут нет никакой борьбы против самодержавия. Немцы жрут сосиски, дуют пиво, и о борьбе у них нету мыслей. А я, мой друг, хочу окупиться в самое, так сказать, пекло.

Любовь Григорьевна, погрузившаяся от сытой жизни, несколько остывшая от безумных порывов революционной юности, возражала:

– Радость моя, вы соскучились по погромам? Разве мы снова хотим слушать оскорбление жидом? Нам, мой друг, не нужно пекло, нам нужна ваша большая зарплата...

Азеф раздул щеки, подыскивая необходимые слова для своей красавицы: не мог же он ей сказать, что революционеры нужны им как раз для того, чтобы иметь хороший гешефт. Прижал супругу к животу, страстно зашептал:

– Тебя хочу, Люба!

Та стала брыкаться:

– Какой ненасытный, сколько можно! Уже один раз сегодня утром лежали, а маленький обжора опять сейчас станет грудь просить, заплачет, потерпите до вечера... Вы лучше мне скажите, почему категорически не желаете, чтобы нашему Леониду сделали обрезание?

Азеф вдруг взбеленился. Он размахивал руками, наступал на Любу и, казалось, вот-вот ее ударит:

– О чем ты говоришь, женщина? Зачем эта ритуальная дикость? Ты готова, чтобы твоему малышу причинили страшную боль? Чтобы у него началась гангрена? Ты этого хочешь, глупая женщина?

Люба очень чтит традиции своего народа. Она смело возразила:

– Ведь вы, Евно, крещены в иудейской вере, зачем же...

Азеф оборвал жену:

– Я уже крещен в православной вере. Правда, крестик не ношу, потому что вращаюсь меж иудеев.

Любе показалось, что на нее падает небо. Она схватилась за голову, застонала:

– Это разве правда? Зачем вы издеваетесь так?

– Ну сама рассуди: мы с тобой собираемся в Москву, а я, как иудей, не имею права на проживание там. А как православный – милости просим! У меня есть справка из православного храма в Карлсруэ.

Люба упала на кровать, закрыла лицо руками, ее плечи сотряслись от рыданий. Азеф сел рядом. Он долго и сладострастно гладил спину супруги, потом сказал:

– Не лейте понапрасну слезы! Я пошутил. Ну, что скажете насчет полежать?

Люба отмахнулась, как от назойливой мухи:

– Вы столько мне наговорили, и я уже совсем запуталась. Одно ответьте: для чего надо возвращаться в Россию? Я туда не желаю, мне там нехорошо.

Азеф был настоящим стратегом, и амурное предложение явилось лишь отвлекающим маневром. Азеф поцеловал супругу в губы и сказал:

– Птичка моя, маленькая, крошечная птичка! Ты права, если еврею сказать: «Ты что хочешь: вернуться в Россию или сидеть на колу?» – и, если еврей не убежал из сумасшедшего дома, он скажет: «Пусть лучше я буду мучиться на колу, тем более что поначалу будет неплохо!» И он будет прав. Но мы поедем туда. В Москве я сумею защититься в электротехническом институте, и у меня будет российский диплом. Но главное – в Москве обещают теплое место и солидное жалованье. – Прижался носом к уху: – Там начальник – знакомый еврей-революционер, он все сделает.

– А, тогда совсем другое дело! – согласилась Люба. – Если, конечно, хорошее жалованье. И потом всегда надо помнить: вы, Евно, выдающийся революционер. Вам нельзя погрязнуть в мещанском болоте.

– Да, мне простор нужен, как большому кораблю Черное море.

Люба потянула мужа за руку:

– Ну, вы что говорили насчет полежать? Идем, пока малыш уснул. Только осторожней, не сломайте кровать, как на той неделе.

Актеры и зрители

Москва театральная знает своих кумиров на сцене, знает и героев в партерах, ложах и за кулисы проходящих со сторублевыми букетами в корзинах с шелковыми лентами.

Один из первых в закулисном мире – всегда с иголки одетый, благоухающий изысканным одеколоном, красавец-мужчина, о подвигах которого боевым кавалеристом легенды ходят, а об амурных подвигах соперники с завистью говорят, – Леонид Александрович Ратаев.

Но ресторанные загулы, любовные приключения и театральные премьеры – одна сторона медали. Другая, куда более важная и постороннему взгляду недоступная, – деятельность служебная. Ратаев занимает пост важный – он заведует Особым отделом Департамента полиции, проще говоря – руководит всем делом политического сыска в империи.

И общаться Ратаеву приходится с самыми различными персонами. Одной из них с начала 1899 года стал проживающий в Германии Азеф. Донесения он теперь подписывал так: «Сотрудник Филипп Виноградов», а порой короче: «Иван». 3 февраля он писал:

«Леонид Александрович! Прошу выслать мне деньги за февраль и март и добавочные за январь, так как за январь я получил по-старому. Очень благодарен за Ваши хлопоты по увеличению оклада... Прошу прислать мне чек на предъявителя и на мой домашний адрес, который Вам, наверное, известен... Вообще дела не дурны».

Азеф, чувствуя искреннюю признательность и даже любовь к руке дающей, с особым усердием принялся за дело. А это дело и Ратаев требовали пребывания Азефа в империи.

Азеф стал собираться в путь-дорогу.

* * *

Хаим Житловский на прощание сказал:

– Нам не будет тебя хватать, Евно! Мы давно думаем насчет организовать боевой отряд! Но это опасно – идти с бомбой и взрывать человека. – Подумал, добавил: – Впрочем, взрывать будем не «человека», а чиновников-антисемитов, к тому же исключительно по приговору партии.

– Ну, если по приговору, тогда оно конечно, – усмехнулся Азеф. – А без приговора – ни-ни! – Он поднял взор к потолку. – Я готов стать метальщиком, броситься под ноги какого-нибудь тирана или даже сатрапа. Пусть моя кровь разбудит гнев миллионов трудящихся.

Житловский от умиления достал платок и вытер еще с минувшей весны слезящийся красный глаз. Он сказал:

– Я об тебе беспокоюсь, друг, и уже написал две рекомендации. Одна к руководителю Северного союза и Московской организации социал-революционеров Андрею Александровичу Аргунову.

Азеф подозрительно прищурил глаз:

– Я слышал о нем. Но надежен ли, не выдаст меня полиции?

– Надежней не бывает, прошел царскую тюрьму и ссылку, в Москву вернулся легально. Если я кому по-настоящему доверяю, то это только Аргунову и тебе, Евно. Запомни его адрес: улица Добрая Слободка, дом под номером три, владение Анны Петровны Фоминой. Это между Чистыми прудами и Садовой-Черногрязской, недалеко от Земляного вала. Трехэтажный дом. Возьми литературу, десятка два наших брошюрок, передашь Аргунову. Он испытывает острую нужду в революционной литературе и будет рад. Только соблюдай осторожность... Что побледнел? Испугался?

Азеф потряс кончиками пальцев, сухим голосом прошептал:

– Дай попить! – и опрокинул в красную пасть стакан. – Н-нет, я не боюсь. Я готов на любой подвиг ради освобождения трудящихся... – И с удовольствием подумал: «Каково я разыграл сценку! Хоть в Императорском театре выступи!»

Житловский успокоил:

– Не волнуйся, я тебе дам фибровый чемодан с прекрасным двойным дном. Чемодан неоднократно проверялся в деле и оправдал себя. Царские ищейки литературу не найдут.

Азеф отозвался:

– Это хорошо, если проверялся. Дорогой товарищ, я готов ради нашего дела идти на любые страдания, но хочется жизнь отдать дороже. Моя мечта, – сладострастно потер ладони, – ты сам знаешь, стать метальщиком. Давай рекомендации, – протянул пухлую руку с тонкой, чистой кожей.

– Рекомендацию направил Аргунову по почте. Он уже, поди, получил ее.

– Как – по почте?

– Да не пугайся, письмо шифрованное. Дал тебе кличку, запомни – Плантатор. Ты всем видом похож на плантатора! – Громко захохотал. – Тебе еще бы в руку хлыст. Когда назовешься этим именем – Плантатор, Аргунов удостоверится в твоей личности.

Азеф спросил:

– А вдруг Аргунова в Москве не окажется?

– Я уже все за тебя обдумал. В любом случае посети девицу Евгению Александровну Немчинову. Живет она в Москве на Остоженке, что тебе царица шамаханская – в собственном роскошном доме со слугами, поварами и выездом. Она, конечно, круглая дура, хоть и сочиняет сладенькие рассказы из жизни крестьянских детишек. Но тебе с ней труды Кропоткина не изучать. Главное – она очень красива. А что насчет нравов, так они у нее вовсе не строгие. – Подмигнул игриво. – Можешь пощекотать ей нежные места. Главное – девица она богатая, в голове у нее гуляют передовые идеи, а потому помогает нам денежно.

– Без хороших денег революцию не сделать! – согласился Азеф.

– Среди любовников Немчиновой – великий князь Константин Константинович Романов. Как вам такое нравится?

Азеф стукнул себя по лбу, кровожадно прошептал:

– Прекрасный случай – хлопнуть его прямо в постели с любовницей! Все узнают: такой бесстыжий тип! А? Совсем тиран разложился...

Житловский укоризненно покачал головой:

– Ты думай, Евно, что несешь! Это же гордость нации, знаменитый поэт К. Р. В журналах пишут, что талантом он не уступает нашим лучшим классикам. А ты «хлопнуть»! Тут вся империя на дыбы встанет: «Вот как жида над русскими измываются! Бей пархатых, спасай Россию!»

– Это меняет дело, – тяжело вздохнул Азеф. – Пусть живет и сочиняет.

Житловский назидательно сказал:

– Всякому овощу свое время! Надо обстановке созреть, так сказать, подготовить причины объективные и субъективные. А то живут михрютки, хлеб жрут, водку пьют, а об недовольстве у них полное отсутствие мыслей. – Погрозил куда-то в сторону двери кулаком. – А мыслей надо будить! Для этого следует издавать и распространять нелегальщину. Когда Россия забурлит, вот тогда и до царя доберемся. Это обязательно!

Азеф протянул собеседнику руку, восторженно произнес:

– Сколько в тебе, Хаим, мудрости! Ну, прощай! Давай письмо к этой самой Немчиновой.

– Нет, подожди. – Житловский помялся, словно раздумывая: говорить или нет, и решил: – У меня есть сильное подозрение на Аргунова, что он не всё мне, то есть партии, пересылает. Даже наверняка часть пожертвований Немчиновой прикарманивает.

– Так это будьте уверены! – воскликнул Азеф. – Там, где речь об гелде, революционное кипение слабеет. Даже удивительно, до чего бесстыжий народ пошел.

Житловский продолжал:

– Вот ты человек умный, понимаешь! – Испытующим, долгим взглядом уставился на Азефа. – Что, если тебе, Евно, поручить это серьезное дело – деньги получать?

Азеф скромно потупил взор:

– Доверие партии оправдаю!

– Не сомневаюсь, Евно. У меня на людей нюх собачий: сразу отличаю подлеца от порядочного. Мне больше сердце болит за Немчинову, – он помахал в воздухе конвертом, – чтобы она отправляла деньги только через тебя, а про Аргунова забыла. Наговори тары-бары, ручку чаще целуй или еще чего и деньги, которые она будет через тебя давать партийной кассе, переводы в банк сюда, на мое имя. Вот моя рекомендация. Я характеризую тебя положительно, а еще пишу о нашей нужде, которая сдерживает поступь революционного движения. Все понял?

– Как не понять! – Выдернул из рук Житловского письмо, быстро спрятал его в карман.

Азеф, довольный разговором, впился в губы товарища по партии затяжным прощальным поцелуем. Уж очень он любил целоваться!

Москва подпольная

Свет и тени

Москва жила полной жизнью. Повсюду: на гигантском Садовом кольце, в купеческом Зарядье, на респектабельной Волхонке, на шумной Тверской – дома стояли в строительных лесах. Даже из дальних губерний на паровиках в древнюю столицу катили люди в чуйках, сапогах, лаптях: крестьяне решили поменять свою жизнь на жизнь городскую, сладкую.

Ехали в одиночку, ехали семьями – большой город манил властно.

Люди были нужны везде, промышленники не отставали от строителей, норовили высоким жалованьем переманить пролетариев к себе. Но строительный труд на воздухе был все же ближе крестьянскому сердцу. Овладевали новым делом: кирпич класть, раствор готовить, отвес ставить, кровлю железом крыть. Русский человек, когда нужда подопрет, умеет ловко перенимать дело и хорошо трудиться, а терпения и привычки к физическому труду было не занимать.

Нескончаемые подводы подвозили каменные блоки, кирпичи, щебенку, мешки с портланд-цементом. Люди, как муравьи, шевелились, бегали, переругивались, но дело знали и трудились на совесть: то ли Бога боялись, то ли начальства опасались. Вот и вырастали дома-красавцы, от которых глаз не отвести: по пять, по шесть этажей, с балконами за узорчатыми решетками, с роскошными карнизами, лепниной, колоннами, пилястрами, причудливыми маскаронами на богатых фасадах.

Богатела империя, развивалась во всех направлениях. Работящие и трезвые люди богатели, все больше думали о грамотности и образовании, о просветлении души науками.

Смутьяны, называвшие себя революционерами, понимали: легко уловить сердце бродяги и ушкуйника, подбить на дурное дело – на воровство, убийство, неподчинение властям. И трудно охмурить, затянуть в свои пагубные тенета, увлечь зазывными ложными речами человека сытого, знающего цену своей голове и своим рукам.

Вот и усиливали революционеры дьявольскую, нечеловеческую энергию. Все больше от слов норовили перейти к делу. Тут и крестьянская жадность ко всякой копейке пригодилась, агитаторы знали, чем тронуть душу чернорабочего: «Мало платит тебе душегуб-хозяин, требуй прибавки к жалованью! Не захочет он простоя производства, себе в убыток станет с рабочим тягаться, вот и будешь в два раза больше получать, а работать меньше!»

Случалось, рабочие агитатору морду били, пенсне его на стеклышки разлеталось, а самого в участок отводили. Но в ином месте с любопытством лукавые речи слушали, и в сердце алчная надежда просыпалась: «А что, может, и правду козлобородый буровит? Может, к рублику полтину еще прибавят, если забастовку устроить? Где наша не пропадала, бастовать так бастовать!»

И бастовали, и полтину из хозяина вышибали, не понимая и не интересуясь тем, что эти полтины пошли бы на развитие промышленности, на строительство домов призрения для стариков, на строительство больниц и жилья для самих же рабочих.

Но не жалованье рабочих волновало смутьянов. Действительно, с какой стати им благо этих людишек с грубыми душами и заскорузлыми руками? У смутьянов была своя цель, сладкая, манящая, как греза юноши о прелестной красоте. Им страстно хотелось возвыситься над серой толпой, им хотелось власти.

Вот и мутили народ, и собой рисковали, и неопытную, с болезненной душой молодежь подбивали на дело страшное, кровавое: на убийство чиновников. Это вам уже не полтинничек, это уже потрясение умов, до полного затмения разума и совести!

И благополучная империя, одна из самых богатых и быстро развивающихся в Европе, если пока не закачалась, то почувствовала болезненные толчки.

Тем, кто был призван охранять устои государства, пришлось напрягать ум, усиливать деятельность в борьбе со зловерными элементами.

Полицейская стратегия

Москва понравилась Азефу. Бесперывное движение саней, карет, куда-то несущиеся толпы людей – просто замечательно, здесь легко раствориться, это не захолустный Карлсруэ, где живешь словно в аквариуме – весь на виду.

Уже в первый день пребывания в старой столице Азеф позвонил в охранное отделение, где как раз находился его непосредственный начальник – руководитель Особого отдела Ратаев. В Особом отделе служили двенадцать чиновников и три «машиниста», которые печатали материалы на пишущих машинках. Документов был океан, только секретных и совершенно секретных более двадцати тысяч в год, и поток их возрастал.

Ратаев сказал:

– Вам отведены конспиративные апартаменты в гостинице «Альпийская роза» на Софийке. Портъе назовете имя: Виноградов. Я буду у вас после шести. Ждите.

Ратаеву не терпелось поговорить с Азефом, но разговор с интересным агентом пришлось отложить до вечера. Дело в том, что Зубатов назначил совещание, на котором обещал присутствовать сам министр МВД Сипягин, прибывший из Петербурга для встречи с градоначальником великим князем Сергеем Александровичем.

* * *

Когда-то, за полтора десятилетия до описываемых событий, Зубатов, еще гимназистом, примкнул к революционному кружку, был задержан охранкой и быстро образумился. Поняв зловерность революционеров, он с легким сердцем поспешил всех их сдать.

Сережа Зубатов по окончании последнего, то есть седьмого, класса гимназии поступил на службу в полицию. Зубатов оказался человеком умным, страстно любившим полицейскую службу, а главное – он блистал великолепным организаторским даром.

Сам государь ставил в пример Зубатова, отличал его. И вот теперь в его кабинете появились важные персоны – Сипягин и его товарищ (заместитель) фон Плеве. За столом сидели еще с десятков чиновников.

Зубатов глядел в лицо министра и не опускался в кресло.

– Мы говорили о том, что, вопреки усилению работы по ликвидации, революционная обстановка накаляется, антиправительственное движение становится массовым, в недрах партий зреет террор. Надо что-то менять в нашей деятельности, иначе неизбежно грянет революция – страшная, кровавая, бессмысленная!

Сипягин был добродушным человеком. Вот и теперь он улыбнулся в пушистые седые усы:

– Террор – явление страшное, варварское. Но хочу слышать главное: что мы должны противопоставить? Усилить репрессии?

– И это тоже! Однако время упущено, теперь одними репрессиями не справиться. Толпа готова взбунтоваться, теперь нужны иные меры, более тонкие.

Сипягин шевельнул бровями:

– И что, Сергей Васильевич, вы предлагаете?

– Первое: необходимо разлагать революционное движение изнутри. Пусть возникнет взаимное недоверие, пусть пойдут склоки. Мы должны знать все, что происходит в революцион-

ных рядах, и предупреждать преступные намерения. Осознав свое бессилие и бесперспективность борьбы, многие отойдут от революции.

– А второе?

– Надо вбить клин между социалистами, которые замахиваются на святое – на самодержавный строй в России, и пролетариями. Этих прежде всего волнует экономическая сторона. Накорми досыта рабочих и крестьян, поддержи их требования по охране труда, сократи рабочий день, и революционеры останутся в одиночестве, без поддержки масс.

– А вы не пробовали вербовать или подкупать социалистов, вышедших из среды интеллигенции? – спросил хранивший до этого момента молчание Плеве.

– Чем интеллигентней человек, тем труднее с ним работать. А что делать, скажите, с людьми творческих профессий? Ведь порой, как поэт Бальмонт, напрямую призывают пролетариат к оружию. Теперь вообще стало поветрием, стадным инстинктом, гнусить по поводу «затхлой обстановки в обществе», вздыхать о якобы бесправных трудящихся.

Сипягин согласно кивнул:

– Да, такие, как Максим Горький, откровенно воспевают деклассированную рвань, которая якобы тоже задыхается «в душной атмосфере самодержавия». Хотя отлично знают, что подонки и уголовники будут существовать во все времена.

– И еще громадные гонорары получают за писанину, – поддакнул Ратаев.

Сипягин вопросительно посмотрел на Зубатова:

– И что конкретно вы намерены предпринять?

– Надо резко увеличить ассигнования на работу охранных отделений!

– Асси-гно-ва-ния! – протянул Плеве. – Каждый год в смету охранных отделений закладываются большие деньги, но агенты ваши слишком быстро идут в расход, ибо их разоблачают революционные товарищи. Только что в Тифлисе революционно настроенные рабочие расправились с двумя своими коллегами, осведомлявшими полицию, подобное произошло в Москве, Баку, Екатеринбурге, Саратове...

Сипягин согласно кивнул:

– Я тоже знаком с печальным списком разоблаченных агентов – он велик. Редко кто год-два осведомляет, а потом неизбежно следует провал: преступники получают достаточно фактов, чтобы высчитать агента. Стоит ли в них много вкладывать?

Зубатов рассмеялся:

– Вы, Дмитрий Сергеевич, и мой пример могли бы привести, я был быстро разоблачен. А знаете почему? Потому что наши следователи, желая добиться полного признания вины, выкладывают арестованным такие сведения, которые сдирают маску с агентов. Да, да, полицейские чины по скудоумию и неосторожности сами разоблачают секретных агентов. – И задушевым тоном продолжил: – Я учу подчиненных: вы должны смотреть на секретного сотрудника, как на любимую женщину, с которой находитесь в тайной связи. Берегите ее как зеницу ока. Один неосторожный шаг, и вы ее опозорите.

Ратаев поддержал:

– Именно так! Надо вербовать (или засылать) в революционные партии и кружки как можно больше секретных агентов и работать с ними с возможной осторожностью. Идеальный сотрудник – находящийся возле руководителей революционных партий, в полной мере владеющий их замыслами, но сам не входящий в это руководство.

– А почему не входящий в руководство? – спросил Плеве у Зубатова.

– Потому что мы в принципе против провокаций, а руководителю этого не избежать. Получится, что наш сотрудник назначает террористический акт, а мы арестуем исполнителей. Они, как чаще всего случается, все на следствии выкладывают и показывают на сотрудника. Что мы должны делать? Его, чтобы он не был разоблачен партией, тоже бросать за решетку?

Нет, наш человек должен быть рядом, но не должен принимать решений и отдавать приказы. Такой сотрудник имеет шансы долго оставаться незаблуженным.

В кабинете повисла тишина, все переваривали заявление Зубатова. Наконец, Сипягин отозвался:

– Запомните, господа, эти слова, в них много мудрости! Энергично работайте в этом направлении, и я в ближайшее время доложу государю о состоянии дел. Успехов вам на благо России. – За руку простился с Зубатовым, остальным отвесил поклон и вместе с Плеве удалился.

– Провожу начальство до саней! – сказал Ратаев.

Секрет успеха

Приятное знакомство

Ратаев вернулся в кабинет Зубатова. Тот пил чай, вылавливая ложечкой карамель из красной банки, увешанной золотыми гербами и украшенной надписью: «Товарищество А.И. Абрикосова и сыновей в Москве». Пригласил:

– Садитесь, выпейте чашечку.

– Спасибо, Сергей Васильевич, нет времени. С вашего позволения, отправлюсь на встречу с агентом...

– Кто такой?

Ратаев помялся, но произнес:

– В «Альпийской розе» меня ждет агент по кличке Иван Николаевич Виноградов.

– А, это тот самый, которому мы много платим? Постарайтесь выяснить через этого Виноградова, сколь успешно идет объединение эсеров, как построена партия, начиная с низов и кончая верхом? На какие низшие группы и ячейки она распадается? С какими партийными учреждениями находится в непосредственной связи? И главное: как обстоит с подготовкой терактов, на какой стадии и кто готовит?

Ратаев расхвстался:

– Да, я работаю в этом направлении, и мой агент дает очень любопытные сведения. И вообще, фигура эта весьма неординарная. Птица высокого полета!

Зубатов подумал: «Надо посмотреть, что это за фрукт». Вслух произнес:

– Леонид Александрович, не станете возражать, если мы вместе явимся на эту встречу? Не помешаю?

Ратаев положил себе правилом: со своими агентами начальство не знакомить, но изобразил на лице высшую степень счастья:

– О чем речь, Сергей Васильевич, буду рад! Кстати, агент требует премию за два месяца, а касса не дает, говорят: «Нынче денег нет!»

– Скажите, что я приказал выдать.

* * *

Полицейские начальники развалились в казенных санях, и старый извозчик Флегмон, лет сорок служивший в полицейском ведомстве, старательно укутал их ноги меховой полостью.

– На Софийку! – негромко приказал Ратаев.

Кучер все понял: к «кукушке», то есть к конспиративной квартире. Флегмон дернул вожжи, хлопнул по бокам сытого каракового жеребца. Тот, застоявшись, соскучившись по бегу, рванул с места, толкнул грудью валеки, стремительно понесся мимо трактиров, портерных, ресторанов, лавок, выбивая копытами частую дробь, швыряя задними ногами снежные комья, ритмично и весело затряс дугой.

Огромная людная Москва утопала в рождественском снегу, морозный ветер приятно трепал усы, охлаждал щеки. Витрины магазинов были ярко освещены, в канун праздника особенно красиво украшены. Наряженные в меха дамы, бережно поддерживаемые под локоть кавалерами, шли по тротуару. Сани с шумом скользили по Тверскому бульвару, подпрыгивая на ухабах и с коротким звуком хлопаясь на полозья. Мальчишки, выскочив на проезжую часть, норовили зацепиться за задок, и кучер притворно сердитым голосом кричал:

– Вот я вас, шельмецов! – и грозил кнутовищем.

Мальчишки с веселым визгом бросались врассыпную.

Зубатов, повернув голову к спутнику, сказал:

– Как прекрасна жизнь! И почему люди не хотят жить в мире, спокойствии, дружбе? До чего же мы нация беспокойная!

* * *

В «Альпийской розе» было чисто, благопристойно, хорошо освещено, большие зеркала на этажах заключены в красивые резные рамы. На втором этаже три номера арендовал Департамент полиции.

В угловом номере стол был придвинут к кожаному дивану с высокой спинкой и заставлен крымскими винами и фруктами: виноградом, ананасами, бананами. На диване, развалясь, сидел Азеф в шелковой цветастой жилетке. Он попыхивал гаванской сигарой. При виде гостей не торопясь, медленно поднялся.

Зубатов подумал: «Азеф – образина жуткая. Неужели женщины его могут любить? Впрочем, нет такого страшилища, которого не полюбила бы женщина, особенно если страшилище денег не жалеет». Протянул руку:

– Приятно познакомиться! Люблю вино, с вашего позволения, выпью бокал массандры...

Ратаев засуетился:

– Сергей Васильевич, вам «Ай-Сереза»? Хорошего урожая, семьдесят пятого годика.

– Наливайте, Леонид Александрович, да Ивана Николаевича не забывайте. Ах, какой прекрасный рубиновый цвет! – Пригубил, почмокал губами. – Вкус полный, с мягкими тонами кофе. Давайте выпьем за ваши успехи, дорогой Иван Николаевич, – звякнул о бокал Азефа.

Азеф сунул в бокал нос, долго сладострастно втягивал запах и затем медленно, с явным наслаждением выпил. Настроение у него было отличным: Ратаев выплатил свою задолженность. Глядя задушевно в глаза Зубатова, Азеф сказал:

– Времена наступили тяжелые! Социалисты научились конспирации. Друг друга подозревают, в постели с женой небось слова лишнего не скажут.

Ратаев согласно закивал:

– Разумеется, после стольких провалов революционеры ходят напуганными. Так что, сударь, ведите свою линию аккуратно, вопросов никогда не задавайте, явным образом к их разговорам не прислушивайтесь. Делайте вид, что вы относитесь к их партийным делам, как к детской забаве.

– Сейчас пытаются объединить все идеологически близкие кружки под эгидой Центрального комитета партии.

Зубатов встрепнулся:

– Вот-вот! Процесс этот крайне нежелателен. Убеждайте сподвижников, что идея объединения обречена на провал: чем крупнее партия, тем больше амбиций и склок, тем больше провокаторов и особенно возрастает риск провала.

Ратаев, желая напомнить о своей значимости, вставил слово:

– Влияйте в том направлении, чтобы социал-революционеры свой штаб вынесли за пределы империи. – Посмотрел на Зубатова. Тот согласно кивнул. – В этом случае руководить партией будет труднее. И повторяю: Иван Николаевич, будьте как можно осторожнее.

Азеф улыбнулся:

– Осторожность с террористами, как с женщиной, хороша лишь до определенных пределов! К успеху ведет решительность и смелость. – Подумал, добавил: – Но если от женщины можно схлопотать по физиономии, то террористы сразу головы лишат.

Зубатов рассмеялся, Ратаев интересовался новостями, Азеф отвечал.

Зубатову этот разговор доставлял истинное наслаждение. Он спросил:

– Кого сейчас эсеры подозревают в доносите́льстве?

– Александра Алексеевича Чепика.

– Кто такой?

– Один из руководителей московской группы эсеров. Сын, если не ошибаюсь, чиновника.

Ему лет тридцать с небольшим. Несмотря на солидный возраст, он все еще студент Демидовского лицея. Это очень энергичный парень, ловкий конспиратор. Он все время болтается по Европе, встречается с революционерами, во все вникает. Я уже писал Леониду Александровичу, – кивнул на Ратаева, – что следить за Чепиком почти невозможно, у него словно на спине глаза. Впрочем, Чепик собирается в Россию. Было анонимное письмо, в котором Чепик назывался «провокатором». Хаим Житловский пытался устроить за ним слежку, но тот сразу ушел от хвоста. Это еще более усилило подозрения. Об этом мне сам Житловский говорил.

Зубатов улыбнулся:

– Чтобы снять с революционера подозрения, его надо в тюрьму посадить.

– А еще лучше – повесить, – добавил Азеф. – У нас в Ростове жила тетя Циля. Она постоянно жаловалась на болезни, но ей никто не верил. Тетя Циля вдруг умерла. Тогда люди сказали: «А ведь и впрямь болела!»

Полицейские хохотнули: остроумие агента им пришлось по вкусу.

Доклад осведомителя нередко напоминает рассказ охотника: то же хвастовство, то же постоянное привирание, то же недоверие слушателей, которое они старательно скрывают, и большой общий интерес к этому самому разговору. Зубатов сыпал вопросами, как любознательный младенец:

– Не было ли слухов об организации каких-либо преступных актов? Где и какие образцы партийной литературы печатают или собираются печатать? Кто помогает эсерам деньгами? Нет ли у вас случайных сведений о замыслах уголовного порядка: о подготовке экспроприаций, убийств и прочего?

Азеф отвечал очень толково и кратко. Зубатов продолжал расспрашивать:

– А как, Иван Николаевич, у вас сейчас складываются отношения с руководством эсеров?

Азеф весело улыбнулся:

– Так они меня уже прозвали «бомбистом»! Я им объясняю: террористические акты – это самый короткий путь к свержению самодержавия! А у них уже только от этих слов сердце в пятки уходит, и смотрят на меня, как на безумца.

– Замечательно! Будьте другом революционеров, но сами таковым не становитесь.

Азеф согласно кивнул:

– Можно лечить холеру, но не надо ею заражаться!

– Нас больше всего интересуют два аспекта: организация террористических актов и создание подпольных типографий, – продолжал Зубатов.

Азеф закусил нижнюю губу, завел глаза к потолку, вдохновенно сочинял:

– Понимаю, понимаю... К примеру, Хаим Житловский, эта еврейская морда, подбивал меня пойти на убийство великого князя Константина Романова, это который поэт.

Ратаев удивился:

– К. Р.? Зачем? Великий князь так далек от политики...

– Я то же самое сказал Житловскому: «Это же национальное достояние, не хуже Семена Надсона!» Вроде пока что убедил. – Сделал страшную мину, вновь перешел на шепот: – И еще мне удалось Житловского напоить, и он проболтался: организация социалистов планирует убийство самого государя.

Зубатов весь подался вперед:

– Когда планируется акт? Каким образом? Кто? Где?

Азеф развел руками:

– Хотят купить аэроплан и сбросить на царя бомбу. – Поднял умные черные, как южная ночь, глаза на Зубатова. – Я собрался перевезти в Москву жену и сына, они пока в Берне. Однако у меня самого нет пока ни службы, ни разрешения на жительство, а я хочу сдать экстерном экзамен в электротехнический институт, чтобы иметь и российский диплом, а не только германский. – С укоризной произнес: – Когда меня в Германии на работу в контору Шуккерта на хорошую зарплату приглашали, так вы обещали теплое местечко в Москве. А теперь...

Азеф хитрил. Любе надо было закончить учебу в Берне, и они решили, что она вернется в Россию немного позже. Что касается Шуккерта, то читатель помнит, Азеф сам сбежал с этой службы.

Зубатов вопросительно взглянул на Ратаева. Тот утвердительно помотал головой:

– Устроим, на приличное место...

Ратаев обратился к Азефу:

– Вы привезли из Германии рекомендательные письма, которые помогут вам проникнуть в ряды местных социалистов?

– Я Хаиму Житловскому все уши прожужжал: хочу в Москве серьезно изучать марксизм! При моем отъезде он дал мне письменную рекомендацию к какой-то Немчиновой, что на Остоженке в своем доме живет, сказал, что у нее организован серьезный марксистский кружок. К ней приходит разнообразная интеллигентная публика, даже вице-губернатор Москвы бывает, устраиваются рефераты, диспуты.

Зубатов и Ратаев весело переглянулись. Последний сказал:

– Молодец, Иван Николаевич! Нас этот кружок очень интересуется. Туда, скажу вам по секрету, порой заглядывает один из великих князей. Девица Немчинова очень собой хороша, вот бы вам к ней пролезть.

Азеф приосанился:

– Под юбку? Если начальство прикажет, готов выполнить любое задание!

Ратаев счастливо улыбался, а Зубатов спросил:

– А других рекомендаций получить не удалось?

– А как же! – крикнул Азеф. – Обязательно удалось! Житловский мне сказал: «Человек вы, Иван Николаевич, серьезный, делу революции преданный. В самую главную точку направляю вас – к мозговому центру и руководителю Северного союза социалистов-революционеров Андрею Александровичу Аргунову. Я дал вам лестную характеристику. Учитесь у Аргунова, перенимайте опыт. За его плечами тюрьмы, каторги, ссылки. Трудности его закалили, он сделался крепким, как камень. Вы наша молодая смена. У вас все еще впереди – и допросы, и казематы, и эшафоты. Если мы не доживем, то вы обязаны увидеть светлое будущее!» – Азеф рассмеялся. – Я тут пошутил: «Увидим светлое, если нам царские сатрапы не сделают темную». Ха-ха! Этот Аргунов, как понимаю, в Москве социалистами хороводит, главный заправила.

– Рекомендательные письма при вас? – спросил Ратаев.

– К Немчиновой лежит между первым и вторым дном в чемодане. Там, кстати, и подбивная литература, которую я должен передать Немчиновой и Аргунову.

– Интересненько, очень интересненько! – потер руки Ратаев. – Передайте, а потом заберите, хотя бы часть, якобы для распространения. Мы сложим эти брошюры в полицейскую библиотеку.

Азеф продолжал:

– А что касается письма к Аргунову, так его Житловский отправил по обыкновенной почте. Письмо, понятно, шифрованное, но у меня есть ключ. Я однажды дождался Житловского, его жена меня чаем поила, а на столе, среди бумаг, увидел ихнюю секретную переписку и ключ. Я не удержался и переписал.

– Вот это зря! – поморщился Зубатов. – Слишком рискованно, и Житловский ведь мог проверять вас. Вы, скажем, переписывали шифр, а его жена наблюдала за вами через портьеру.

– Да, это моя оплошность! Но все от усердия, вот привез этот самый ключ к шифровкам.

Партийная рекомендация

Зубатов хитро посмотрел на Азефа:

– Иван Николаевич, хотите почитать собственную характеристику?

Азеф выкатил глаза:

– Как это?

– Мы сняли с письма, адресованного Аргунову, копию и расшифровали. – И стал открывать свой портфель. – Любопытно небось?

Азеф загорелся, аж заерзал на кресле:

– Желая! Ведь это ужасно любопытно – секреты чужие узнавать. У меня это в крови сидит. Однажды, когда я был еще женихом своей нынешней супруги Любы и она жила отдельно от меня, к ней погостить приехал из Крыма пятнадцатилетний племянник. Такой малолетний выжиг! Я знал, что Люба ведет дневник, и готов был отдать полжизни за то, чтобы заглянуть в девичьи секреты. Я подружился с племянником, показал десять франков: «Янкель, хочешь эти большие деньги? Вижу – хочешь! Люба ведет свой дневник и прячет в стол. Этот дневник принеси мне на час-другой завтра утром, когда Люба уйдет на учебу. А потом ты положишь его обратно. Вот и получишь денежки!» На другое утро этот сопляк притащил тайный девичий дневник. Признаюсь, читал с наслаждением, особенно страницы, где она восхищалась моими мужскими достоинствами.

Зубатов протянул лист бумаги:

– Ну-с, Иван Николаевич, читайте вслух, и будем наслаждаться вместе!

Азеф зашевелил губами:

– «Дорогой Андрей, вскоре в Москву прибудет Плантатор. У этого товарища своеобразная внешность, он очень схож с гиппопотамом. Он очень умен, начитан, великолепный аналитик, отличается превосходной памятью, молчалив, хотя при случае может удачно выступить перед аудиторией. По профессии инженер-электрик. В партию он пока не желает входить, мало интересуется ее делами, называя все это „пустой говорильней“. Он признает потребность одной террористической борьбы, физическое устранение главных чиновников и министров. Отрицательное отношение к другим видам партийной работы мотивирует тем, что они нецелесообразны ввиду тяжелых полицейских условий, невозможности строить какое-либо широкое и прочное предприятие, ибо всякую крупную организацию в России по причине множества доносчиков ждет скорый и неминуемый провал. Настоятельно рекомендует себя в метальщики, заявляя, что готов погибнуть за дело революции, думаю – врет, ибо достаточно умен, чтобы пойти на акт. Вынашивает фантастический план купить за границей подводную лодку и потопить яхту царя, когда тот будет кататься. Материально обеспечен плохо. Любит заглянуть в публичный дом, не промах хорошо выпить и вкусно поесть, особенно за чужой счет. Кажется, он мало любит людей, но высоко ставит собственные таланты. Я склонен ему доверять. Проверь его в деле. Целую, твой А.»». – Азеф с гневом отбросил письмо, сжал кулаки. – Ну и подлец Хаим!

Ратаев стал успокаивать:

– Вовсе нет, Иван Николаевич! Рекомендация эта прекрасна, ибо поможет внедрить вас в самое змеиное гнездо. Этот гостиничный номер нравится? Живите тут, все оплачено.

– Под каким именем мне жить?

– По паспорту, который мы вам оформили на имя Виноградова Ивана Николаевича.

Азеф задумчиво почмокал, почесал пальцем за ухом:

– Да-с, но как я товарищам по партии объясню, где взял такой паспорт?

– Скажите, что знаете умельца. Если кому еще понадобится, пусть к вам обращаются. – Ратаев засмеялся. – Мы поможем... Ну, отдыхайте сегодня, а завтра – за дело!

...Когда садились в сани, Зубатов обратился к Ратаеву:

– Этот агент совершенно замечательный тип. Умен, осторожен, видит перспективу. Если шею не сломает, сделает большую карьеру. Но что касается покушения на государя, то эти разговоры вызывают у меня тревогу. Азеф предложил идею подводной лодки как фантастическую, но террористы не остановятся ни перед какими фантазиями...

Начальник охранного отделения оказался прав: государь сделался постоянной желанной приманкой для политических убийц. В государе они видели главное препятствие на пути к свободе.

* * *

На следующий день Ратаев приехал в «Альпийскую розу» сразу после завтрака. Азеф читал газеты. Ратаев сказал:

– Нам удалось договориться с солидной фирмой. Она называется «Всеобщая компания электричества» и находится у Ильинских ворот, наискосок от памятника героям Плевны: Лубянский проезд, дом номер три. Фирма создана русскими предпринимателями совместно с германскими. Там наши люди. В электрической компании спросите начальника рекламного отдела Смирнова. Это очень толковый и надежный господин, он ждет вас. Кстати, он поможет вам подобрать удобную и недорогую квартиру для семьи. Гостиничным номером, где сейчас живете, можете пользоваться по собственному усмотрению.

Азеф повеселел и широко улыбнулся:

– Если потребует оперативная обстановка, даму могу привести сюда?

– Даже двух!

– Что ж, двоих женщин соблазнить одновременно еще проще, чем поодиночке, это мои, ха-ха, личные наблюдения.

На том и расстались.

Странные люди

Трудовые будни

Азеф отправился к Ильинским воротам. Легко отыскал «Всеобщую компанию электричества». Здесь руководителями были люди, связанные с делами разведки. В просьбе охранки они, разумеется, отказать не могли.

Без лишних разговоров «Иван Николаевич Виноградов» был зачислен на должность с расплывчатыми обязанностями – «консультантом», но с хорошим жалованьем в двести двадцать пять рублей в месяц.

Руководству очень пришелся по вкусу новый сотрудник, тем более что он в совершенстве владел немецким языком, достаточно знал французский и английский.

Статный красавец, напоминавший олимпийского атлета, отрекомендовавшийся Сергеем Алексеевичем Смирновым, доброжелательно улыбнулся и рокошующим баритоном барственно произнес:

– Мы заботимся о наших сотрудниках, как о близких родственниках! Для начала вам следует устроиться с жильем. Вот вам, Иван Николаевич, несколько адресов. Тут на выгодных условиях вы сможете снять квартиру и после этого приступите к исполнению служебных обязанностей.

...Азеф рекомендацией воспользовался. В одном из тихих переулков на Воздвиженке – в Нижнем Кисловском, 20, нашел для себя подходящую квартиру. Хозяйкой дома была поджарая дама со следами увядшей красоты. Ее звали Ольга Александровна.

Азеф галантно помусолил губами ее руку, долго, с почти натуральным восторгом глядел в ее лицо и наговорил кучу комплиментов.

Хозяйка кокетливо взмахнула кистью, унизанной кольцами.

– Ах, какой вы льстец! Вольно вам издеваться над пожилой женщиной... В октябре мне будет... тридцать девять.

Азеф, сам врун первостатейный, от такой лжи чуть не поперхнулся, однако рассыпался в уверениях: вам, сударыня, больше двадцати семи не дать.

После таких замечательных слов хозяйка готова была поселить столь галантного жильца хоть бесплатно. Поправив завиток на виске, томно протянула:

– Всегда я сдавала квартиру за пятьдесят рублей, но вы человек авантажный, для вас, Иван Николаевич, скошу до тридцати. Пойдемте, покажу!

По деревянной с резными перилами лестнице они поднялись наверх. Квартира оказалась чистенькой, трехкомнатной, с мебелью, роялем и канализацией.

Хозяйка, чтобы еще больше заинтересовать нового жильца, добавила:

– Если желаете, у вас будут две прислуги, ежемесячно станете им доплачивать по пять рублей каждой. – Взяла с комода колокольчик, погремела: – Маша, Вера!

Перед Азефом выросли две смазливые деревенские дурочки в цветастых сарафанах и с плутоватыми мордашками. Они с любопытством и некоторым ужасом глядели на страхолюдину – нового жильца, которого предстояло обслуживать – всячески.

Хозяйка приказала:

– Теперь Иван Николаевич будет жить здесь, угождайте!

Азеф достал портмоне, протянул каждой девушке по серебряному рублю:

– Вот вам на заколки!

Девчушки сделали книксен и на жильца уже поглядывали с интересом. В тот же день, ближе к вечеру, Азеф переехал на квартиру в Нижнем Кисловском.

Ценный работник

Итак, в электрической компании Сергей Алексеевич Смирнов определил место Азефу:

– Вот здесь, на третьем этаже. Позвольте представить сослуживцев... Тут ваш стол, вот ключи от шкафа, а это от ящиков стола. Для начала займемся творческой работой. Попрошу вас, Иван Николаевич, составить «Оптовый прейскурант электрических товаров». С рекламной целью! Описание отпечатаем в типографии тиражом двести экземпляров, разложим в крупнейших магазинах Москвы и Петербурга. Месяца вам хватит? – И положил на стол образец.

И тут Азеф поразил своего начальника. Он задумчиво полистал образец и отрицательно помотал головой:

– Сергей Алексеевич, это скучно! Каталог необходимо отпечатать на дорогой глянцевой бумаге и обязательно снабдить иллюстрациями.

Смирнов удивился:

– Какими?

– Дать изображения предметов, кои рекламируем. Те же телефонные аппараты – ведь это красавцы, это – Карл Брюллов! А сухое описание мало что дает потребителю.

Смирнов почесал ухо:

– Но это значительно удорожит работу...

– Все нет! Мы отпечатаем не двести – десять тысяч экземпляров. Первое: разложим каталог в крупнейших магазинах империи. Второе: по адресным книгам Москвы, Петербурга, Варшавы и Киева выявим самых зажиточных господ, разошлем им по почте или – это лучше – нарочные развезут наш каталог-красавец. Товар двинется к потребителю, сейфы компании будут ломиться от доходов! И как ближайшая перспектива: открыть в крупнейших городах наши магазины.

Смирнов с чувством пожал руку Азефа:

– Прекрасно! По совместительству зачисляю вас, Иван Николаевич, своим консультантом с прибавкой к основному жалованью еще двадцати пяти рублей.

Последнее было сделано по рекомендации самого Зубатова.

Потекли трудовые будни во «Всеобщей компании электричества», которые, впрочем, не очень утомляли Азефа: он приходил и уходил, когда хотел.

Испытывая странное удовольствие, он описывал абажуры для лампочек накаливания «с эдисоновыми винтами, лампы угольные, от 1 до 10 Вольт по цене тридцать пять копеек за штуку», динамо-машины, «вырабатывающие энергию для освещения», электрические карманные фонари, «оклеенные имитацией шагреновой кожи, с овальной осветительной линзой, с выключателем», кнопки для электрических звонков «заграничного производства с костяными поддавками черного дерева».

С особым вдохновением Азеф воспевал телефонные аппараты с индуктивной катушкой и без, «такие же лучшие с телефоном на ручке за одиннадцать рублей», настольные телефоны «с батарейным вызовом, с гудком, со звонком и индуктивной катушкой всего за тридцать три рубля пятьдесят копеек».

Отдельный раздел составили телефоны, которые назывались «автофоны с обратным и без обратного вызова, а также со звонками», – стоячие, лежачие, висячие. Два художника-графика делали штриховые рисунки для печати. Каталог получился великолепным.

Деньги водились, девушки любили Азефа, он их тоже, жизнь была прекрасной.

* * *

Жизнь была прекрасной, но одинокой. Две смазливые дурочки с первого этажа, которые порознь и вместе приятно разнообразили существование нового жильца, не могли заменить жену Любу. Хорошо, что ее учеба в Берне шла к завершению.

Как всякий человек, Азеф жаждал того, чего не имел. Сейчас ему очень хотелось семейного очага. Он предвкушал радость своей верной подруги, которая разинет от счастья рот, увидав уютное гнездышко, хороший достаток и прислугу. За Любой он собрался выехать в конце зимы.

А пока что он отправлял отцу в Ростов-на-Дону ежемесячно по двенадцать рублей пятьдесят копеек, а к праздничным дням – Рош ха-Шана, Дню искупления и Пасхе – добавлял еще по десятке. К папаше, пьянчужке и скандалисту, Азеф не чувствовал любви, но все же испытывал благодарность: тот все-таки сумел дать ему первоначальное образование.

Старый Фишель, получив на почте деньги, показывал квитанцию всей улице и даже на базаре. Он вытирал из больного глаза мутную слезу и убедительно говорил:

– Можете мне не поверить, но это большое счастье – хороший ребенок! Двенадцать с полтиной – с этого жить можно! – Надев шапочку кипу и повернувшись на восток, ежедневно молился за успехи сыночка.

Часть 2. Томление духа

Курьезная девица

Женские прелести

Потомственной дворянке, дочери надворного советника Женечке Немчиновой исполнилось двадцать три года. Она была богата и окружена ухажерами. Женечка порой печатала в журналах какие-то рассказы из жизни деревенских детей, у которых «щечки румянились, как яблочки на солнце...». Печатала и стихи вроде «Тихий день угасал, серебрился туман, с водопою стада возвращались...». Все это давало Женечке повод называться писательницей.

Ради истины скажем, что Женечка никакого следа в литературе не оставила, но зато была весьма хорошенькой, играла на фортепьяно, владела в Москве богатым домом, а в Нижегородской губернии обширными землями. Земли она сдавала в аренду и по этой причине имела доходы немалые.

Осенью 1899 года, после смерти своей тетушки, старшей сестры матери, получила громадное наследство и стала еще богаче.

Так что Немчинова жила в полном довольстве и, видимо, по этой причине и по примеру других людей ее круга страстно жаждала революционных перемен. Она, признаться, совершенно не понимала, какие такие перемены ей нужны, но, как бывает с людьми среднего разбора, лишенными в суждениях самостоятельности, попадала в струю общего настроения и начинала думать и действовать так, как думают и действуют окружающие.

Теперь под влиянием и даже нажимом своих друзей-социалистов Женечка затеяла организацию легального «Общедоступного техника», где под видом получения знаний велось бы разложение молодежи в социалистическом духе.

Все это девице казалось благородным, ибо отвечало прогрессивным чаяниям «передовых людей», которых она принимала в своем доме и среди которых выделяла за обширный ум своего нового знакомого – Азефа, которого знала как Ивана Николаевича Виноградова.

Женечка была принята в высшем обществе, более того – она сама составляла высшее общество. Именно там она и почерпнула свои передовые убеждения.

Дом Немчиновой на Остоженке, полный буржуазной роскоши, той самой, которую Женечка якобы презирала, служил салоном для знати обеих столиц. Сюда на рауты порой заглядывали важные персоны: великие князья, министры, знаменитые артисты, писатели и присяжные поверенные.

Светских гостей привлекала кроме прекрасного повара и замечательных трапез прекрасная внешность Женечки, умение так одеться, что все природные особенности форм ее неотразимой фигуры, узкой талии и округлости бедер были умело подчеркнуты. И эта внешность служила тому, что Женечка Немчинова всегда была в центре внимания мужчин – и молодых, и даже тех, кто хорошо помнил царствование Николая Павловича, но сохранял интерес к женским прелестям.

Пристрастия великого князя

Было еще нечто, что в глазах высшего общества поднимало эту девицу.

За Женечкой откровенно ухаживал великий князь Константин Константинович Романов, писавший превосходные стихи и печатавший их под псевдонимом К. Р. Был слух, что

ухаживание высокородного поэта имело свой результат и назвать его платоническим было бы ошибкой. И это вопреки тому, что великий князь имел болезненную склонность к мужскому полу, от которой, впрочем, искренне страдал и всячески старался избавиться.

Итак, порой великий князь навещал дом Немчиновой, но приходил только тогда, когда не было приемов. На этот раз Женечка уговорила великого князя посетить вечерний раут.

Желая казаться передовой, Женечка вела порой весьма фрондерские разговоры. Зная, что это красит ее хорошенькое личико, она надувала бантиком сочный ротик, причем нижняя пухлая губка мило выступала над верхней, поднимала к потолку томный взор и говорила что-нибудь этакое:

– Господа, ну, признайтесь: самодержавный строй – это все-таки не очень прогрессивно. Пришло время в помощь государю создать по английскому образцу палату лордов, то есть людей аристократического происхождения, и палату всех сословий – фабрикантов, артистов, журналистов, писателей и даже людей простых званий – купцов, ремесленников и крестьян...

Какой-нибудь скептик замечал:

– Этих нельзя – пить будут.

– А надо брать только трезвых!

Гости вздыхали:

– Где ж трезвых-то взять, целую палату? Слава богу, не в Англии живем...

У купчих считалось за счастье затащить в дом, усадить за стол и слушать откровения юродивых, дур и дураков или хотя бы просто людей странствующих. Зато в светские салоны, опять же согласно возникшей моде, теперь приглашали социалистов и прочих странных личностей, проповедовавших якобы самые прогрессивные идеи равенства и поголовного братства. Слушать этих забавных типов приходили многие.

Женечка, как человек передовой, шагавший в ногу со временем, употребила немало усилий, чтобы отыскать таких социалистов, которые теперь были нарасхват. Желая доставить удовольствие своим великосветским гостям, она позвала сразу нескольких типов, выделявшихся среди остальных, как пятна соуса на белой скатерти. Среди последних был Азеф.

Съезд на Остоженке

Хотя шел рождественский пост, в светских домах Москвы, даже там, где этот пост держали, всюду устраивали званые обеды с музыкой. Правда, для усердных постников повар-итальянец готовил блюда без мяса.

В декабрьский вечер 1899 года, уже за полночь, когда начался театральный разъезд, возле подъезда дома Немчиновой на Остоженке то и дело останавливались сани, кареты и кибитки, запряженные сытыми лошадьми.

Ливрейный лакей с поклонами растворял тяжеленную дубовую дверь, лакеи услужливо помогали снять гостям верхнюю одежду.

Хозяйка была в роскошном пюсовом платье из шелка в обтяжку от Тер-Матеузова из Петербурга за шесть сотен рублей. Она стояла у лестницы и говорила всем входящим одно и то же:

– Как приятно, что вы пришли! Очень рада вас видеть.

Гости подходили к хозяйке, кланяясь и улыбаясь. Мужчины целовали Женечке руки, одетые в длинные, по локоть, ажурные перчатки, женщины целовались в щеки. Все женщины были одеты по последней моде и с любопытством и ревностью оглядывали наряды других. Хозяйка вслух называла имена приехавших гостей, не забывая любезно спрашивать:

– Вы, конечно, знакомы?

И большинство гостей этого рода действительно давно знали друг друга, а многие были связаны по службе или родственными узами. И все они с восторгом останавливали взгляды на хозяйке, и общим приговором было: что за красавица!

По широкой мраморной лестнице, застланной бордовой ковровой дорожкой и украшенной венецианскими зеркалами и бронзовыми фигурами-светильниками, гости поднимались на второй этаж.

Здесь в большой гостиной вдоль стен стояли мраморные и бронзовые статуи, на стенах висели работы изысканных мастеров: Левицкого, Брюллова, Кипренского, Федора Васильева, работы голландцев. Негромко играл струнный квартет.

Гостиная постепенно заполнялась. Приходили друзья хозяйки. Это были офицеры в ладно сидевших мундирах и с орденами, знаменитые адвокаты, врачи, актеры и вообще люди свободных профессий, одетые в платье от лучших портных и с орденами на лентах, самоуверенные, переполненные чувством собственного достоинства, говорившие негромкими головами и обращавшиеся друг к другу с ласковыми улыбками истинных аристократов. Из дипломатического корпуса прибыл с супругою английский посланник, немолодой, высокий и все еще очень стройный.

Вот и Женечка поднялась в залу, еще раз, теперь всем сразу, счастливо улыбнулась. Гости стояли вдоль стен, теснились к входным дверям. Вполголоса говорили о том, что нынче ожидается приезд великого князя Константина Константиновича Романова и министра внутренних дел Сипягина.

Азеф с интересом разглядывал гостей. Его внимание вдруг привлекла женщина в скромном платье с толстой каштановой косой, с приятным круглым и улыбчивым лицом, на котором было написано крайнее смущение. Новая гостья была похожа на домашнюю учительницу, которой она, впрочем, и оказалась.

Женечка встретила ее с особой ласковостью, расцеловала, что-то сказала ей с улыбкой, кивнув в сторону социалистов, и почему-то повела именно к ним.

– Господа, вы не знакомы с Зинаидой Федоровной Жученко? Позвольте рекомендовать, приехала из Берлина, где преподает русский язык.

Азеф, спросив разрешения, взял под руку гостью и отошел с ней к дальнему углу, где не было сутолоки. Он был очарован новой знакомой и спешил задать ей вопросы, внимательно выслушивал ответы. Зинаида Федоровна сказала:

– Это правда, что мне сказала о вас Евгения Александровна? Что вы социалист?

– Да, разумеется! – важно помотал головой Азеф. – Почему вы покинули Россию?

– Думаю, с вами можно быть откровенной. За революционную деятельность я была выслана в девяносто пятом году в Кутаис. Когда срок ссылки прошел, сочла за благо покинуть Россию и теперь живу в Берлине.

– О России скучаете?

– Конечно, но я не имею состояния, а в Берлине у меня много уроков, поэтому придется еще там сколько-то пожить.

Азеф разглядывал лицо Зинаиды: большие миндалевидные глаза, изогнутые дугой густые брови, маленький скошенный подбородок и приятный рот. Азеф взял руку девушки и сказал:

– У вас очень красивые глаза! Я был бы рад глядеть в них всю жизнь... – И незаметно для других провел ладонью по шелковистой косе.

Зинаида рассмеялась и пожала руку Азефа:

– Вы очень добры.

Завязалась оживленная беседа. Азеф распространялся о восхитительных достоинствах Зинаиды, та млела и, как всякая девица, с удовольствием слушала льстивую чушь.

В залу решительными шагами вошли два человека. Один был в новом фраке и с безумно горящим взором. Хозяйка поспешила навстречу, громко сообщила гостям:

– Поэт Валерий Яковлевич Брюсов, одарен чрезвычайно!

Поэт, словно никого не замечая, чуть кивнул головой и, словно принохиваясь, вновь задрал подбородок и вдруг пролаял в нос:

– Я счастлив видеть вас, до радостных слез!

Его спутник, с рыжей кипой волос, одетый в прекрасно сшитый фрак, рассмеялся неожиданным детским смехом. Женечка представила знаменитость:

– Вождь русского символизма, неподражаемый Константин Бальмонт!

Брюсов невольно сделал гримасу – его всегда снедала зависть, – и пышно представление собрата по перу ему пришлось не по вкусу. Зато сам Бальмонт счастливо зарделся, раскланялся влево и вправо.

Кто-то захлопал, раздался истеричный женский крик:

– Бальмонт, вы гений! Вы – наша гордость!..

Политические враги

И вдруг все смолкли, взоры дружно обратились на новых гостей – высокого, представительного человека с короткой стрижкой на лысоватой голове и роскошной, разделенной надвое, бородой. Это был недавно заступивший на должность министра внутренних дел Дмитрий Сергеевич Сипягин. У него было благородное лицо с высоким лбом, внимательный и доброжелательный взгляд карих глаз с монгольским разрезом. Поговаривали, что кто-то из его предков был татарским мурзой. От Сипягина хорошо пахло дорогим одеколоном «Золотой сноп». Он держался очень прямо, лицо всегда сохраняло удивительное спокойствие.

Рядом с Сипягиным стоял товарищ министра МВД Плеве, человек лет под шестьдесят, болезненного вида, с усталым взглядом умных глаз, большими залысинами и седыми усами.

Женечка поспешила навстречу важным гостям, подставила для поцелуя руку.

Министр улыбнулся, со всеми важно раскланялся, и его взгляд остановился на несколько необычной для светских салонов кучке людей, державшихся с нарочитой независимостью и жавшихся друг к другу. Женечка поспешила сказать:

– Это наши социалисты. Это Александр Алексеевич Чепик – дворянин, студент Демидовского лицея, человек прогрессивных воззрений.

На министра хмуро глядел вечный студент, мужчина среднего возраста, невысокий, но крепкий в плечах, с глубокими, суровыми морщинами возле аскетического рта, бесформенным мясистым носом и холодным, ненавидящим взглядом бесцветных глаз.

Женечка продолжала:

– Дмитрий Сергеевич, а это наш новый друг, – указала на Азефа, – Иван Николаевич Виноградов. Он только что прибыл из Дармштадта, где выучился на инженера-электрика, жаждет трудиться на благо технического прогресса. И еще позвольте рекомендовать: Андрей Александрович Аргунов, железнодорожный служащий, – в голосе Женечки зазвучала горделивая нотка, – близко знаком с теоретиком анархизма Кропоткиным, в прошлом студент юридического факультета Московского университета...

– В далеком прошлом, – поправил Аргунов, худощавый человек лет тридцати пяти, узкоплечий, с высоким лбом на треугольном лице, хрящевидным носом и с волосами, гладко зачесанными назад. Он постоянно поглаживал усы и короткую козлиную бородку и время от времени издавал странный горловой звук – кхх! Вот и сейчас Аргунов иронично произнес: – Однако со второго курса, кхх, был отчислен, хотя ходил в круглых отличниках. По приказу господина Сипягина, который в те годы являлся московским губернатором, я был выслан из старой столицы...

Сипягин беззлобно заметил:

– Но ведь выслан, наверное, не без причины? – Испытующе посмотрел в лицо Аргунова. – Мне было жаль видеть, как погибает интеллигентная молодежь. В профессиональных революционерах поражает жажда разрушения, безжалостность...

Аргунов произнес:

– Вы, Дмитрий Сергеевич, мне поверите, если скажу, что не могу зарезать курицу? Мне страшен вид крови, мне отвратительна чужая смерть. Но смолоду готов был жертвовать собой ради высокой идеи, кхх.

Сипягин встрепнулся:

– Вот-вот, это-то и интересно! Ведь искренне жаль человека, который ради химер губит себя и окружающих. Иное дело – отдать жизнь за родину...

Аргунов перебил министра, произнес с легким презрением к человеку, который не понимает простых вещей:

– Все гораздо сложнее. Нельзя любить родину по приказу. Что такое родина? Место, где я родился? А если человек не рад, что родился в России?

Плеве, долго молчавший, грустно покачал седой головой:

– Такому несчастному надо сочувствовать! Так что ему мешает уехать, земля велика.

Зинаида явно робела, она прижалась к плечу Азефа. Казалось, можно отправляться в буфет, но тут Азеф решил показать своим товарищам смелость суждений. Он решительно возразил:

– Для блага трудящегося большинства можно и нужно применить самые жесткие меры. По какому праву помещики владеют землей? Революционеры – это вообще особая порода людей, это люди высоких идей. Революция им дороже дома, жены, детей. Их мечта – погибнуть за эту самую революцию.

– Но ведь это психическая болезнь, мания! – ужаснулся Плеве. – Как можно любить кровавые революции больше собственных детей? И разве не лучше жить самым простым человеком, иметь семью, дом, чем гнить в каземате?

В разговор влез Чепик, прохрипел:

– Только террором можно добиться перемен в таком рабском государстве, как Россия.

Сипягин вздрогнул, отрицательно покачал головой:

– Терроризм бессилён, если у революционеров нет средств низвергнуть правительство. Терроризм излишен, если эти средства есть. Но он крайне вреден в нравственном отношении, ибо внушает обществу мысль о доступности убийства, о том, что человеческая жизнь ничего не стоит. Своей волей лишая человека жизни, убийца идет против воли Бога, становится как бы его врагом. Почитайте записки бывшего террориста Льва Тихомирова, который прозрел и теперь проклинает революцию.

Женечка поняла, что пора переменить тему разговора. Она обратилась к Сипягину:

– Дмитрий Сергеевич, это правду газеты пишут, что у Льва Толстого опасная для жизни болезнь?

Сипягин согласился:

– Да, мне докладывали, что у Толстого желчнокаменная болезнь в тяжелой форме. Кстати, я уже подписал директиву о принятии мер по охране порядка, это на случай смерти великого старца. – Сипягин отправился вслед за Плеве, который подошел к дальнему окну и оперся на широкий мраморный подоконник.

Смешение народов

Возле Плеве стояла старая княгиня Гагарина, которую разорил покойный муж-картежник. Гагарина была одета в бархатное старомодное платье, и даже бриллиантовое кольцо, висев-

шее на морщинистой шее, не придавало ей элегантности. Она по-французски вполголоса обратилась к Плеве:

– Вячеслав Константинович, я удивляюсь нынешним временам. Кого только теперь не приглашают на светские рауты!

Плеве согласился:

– Да, публика здесь разная...

Гагарина плохо слышала. Прикрывая веером отсутствие зубов, переспросила:

– Как вы сказали? Заразные? Конечно, нынче всяких хватает. – Саркастически прошамкала: – Хозяйка, кажется, хотела собрать сюда всех жидов Привислянского края.

Плеве добродушно улыбнулся:

– Женечка еще молода, а кто смолodu не чудил, тот в старости мудрости не находил.

– Уж это обязательно, жидов теперь много расплодилось!

К Гагариной приблизился Сипягин, с галантной непринужденностью взял ее руку, поцеловал, спросил о здоровье и, не слушая ответа, пробасил, по-французски обращаясь к Плеве:

– Ну-с, сударь, вам все это не кажется ли забавным? Смешение народов и рас...

Плеве глубокомысленно покачал головой и тоже по-французски отвечал:

– Но это, должно быть, и впрямь веление времени: в одной компании бывший ссыльный и министр МВД, социалисты и дядя государя Константин...

Слово «социалисты» в его устах прозвучало как ругательное.

Сипягин подумал: «Только важное дело меня заставило сюда прийти, иначе моей бы ноги здесь не было! Другой раз Женечка меня не затащит. Впрочем, говорят, у нее отличный итальянский повар, может, хоть ужин скрасит вечер», – и добавил, вновь переходя на русский язык:

– Впрочем, Петр Великий на свои пирушки тоже собирал людей разных чинов, но империя от этого не рухнула.

Гагарина с комической миной произнесла:

– Как бы в гардеробе наши меховые шубы не пропали.

Сипягин вежливо улыбнулся. Струнный квартет, приглашенный из Большого театра, заиграл музыку Брамса. Гагарина вздохнула:

– Нынче и впрямь время странное. Меня ведь родная племянница, прощельга, отравить хотела. – Перекрестилась. – Не зря Иван Яковлевич¹, человек божий, предсказывал конец света в одна тысяча девятисотом году.

Сипягин возразил:

– Не уверен, княгиня, что конец света подошел, но что странные времена настали – это совершенно точно. А главное, нас, русских, хлебом не корми, но только позволь поспорить о политике. Тут у нас все знатоки...

К министру, сладко улыбаясь, подплыла неказистая Ольга Книппер. Хорошо поставленным голосом она обратилась к Сипягину:

– Дмитрий Сергеевич, это правда, что нынче будут великий князь Константин Романов и певец Шаляпин?

Сипягин был хорошо осведомлен о планах на этот вечер Константина Романова, но не счел нужным докладывать об этом актрисе, которую недолюбливал. Он неопределенно пожал плечами:

– Мне трудно судить о намерениях других, не зная их планов.

¹ И.Я. Корейша, знаменитый московский юридивый, обретавшийся в середине XIX в. в «безумном доме» и похороненный на Черкизовском кладбище. Могила сохраняется. Корейша поминается в произведениях Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, Н.С. Лескова, И.Ф. Горбунова и др.

Княгиня Гагарина, все время поворачивавшаяся к Сипягину левым ухом, которое лучше слышало, прошамкала:

– Да уж, трудная пошла жизнь... Евреи и социалисты обнаглели.

Несколькими днями раньше...

Сипягин прибыл к Немчиновой по воле случая. И все началось за несколько дней до раута, о котором мы ведем речь.

У Сипягина была в Москве любовница, муж которой считал себя поэтом. Любовница умоляла Сипягина помочь мужу. Тот жаждал стать почетным членом Российской академии наук, а президентом академии был Константин Романов. Сипягин скрепя сердце обещал обратиться с этой просьбой к великому князю.

Так счастливо случилось, что великий князь, которого близкие называли кратко К. Р. (именно так он подписывал свои сочинения), находился в Москве. Князь Феликс Юсупов, человек ума малого, но титулованный и богатый, с восьмидесяти шестого года адъютант великого князя Сергея Александровича, якобы по старой памяти приехал навестить Сипягина в его московской квартире. Но у этого визита тоже была причина: супруга Юсупова Зинаида Николаевна хотела просить Сипягина о смягчении наказания сыну няньки Юсуповых. Этот сын что-то натворил в деревне, и его теперь должны были судить.

Сипягин тут же позвонил по телефону своему дежурному офицеру и приказал в трехдневный срок сообщить ему суть заведенного дела, и если есть возможность, то и прекратить дело вовсе (что и было сделано).

Юсупов благодарил и, прощаясь, сказал:

– Приезжайте, Дмитрий Сергеевич, к нам в гости, в Архангельское. По субботам у меня игра.

– Но у вас, князь, есть нечто более заманчивое – великолепная итальянская опера!

– Да, голоса нынче ах какие подобрались! – с удовольствием откликнулся Юсупов. – Костюмера из Франции выписал. В среду ставим «Севильского цирюльника», буду рад видеть вас. Обещали быть Сергей Александрович с супругой Елизаветой Федоровной, его адъютант генерал Джунковский, молодой граф Аполлинарий Соколов – скандалист и задира, но весьма милый молодой человек. В эту субботу обещал непременно быть К. Р.

– К. Р.? – переспросил Сипягин. – Прекрасно! Обязательно буду!

* * *

Сипягин в Архангельское приехал под вечер. Величественный столетний сосновый лес стыл в остром морозном воздухе. Снежный наст искрился мириадами бриллиантов под косыми лучами заходящего солнца.

Сипягин сладко зажмурился, не выдержал, сдернул шапку.

– Ах, Господи, красота мира Твоего объемлет душу мою! – И на глазах пожилого чувствительного человека блеснула слеза.

Во дворце Юсуповых и впрямь собиралась теплая компания. Слегка перекусив и выпив по рюмке-другой, отправились в театр, где слушали фрагменты из «Севильского цирюльника».

К. Р. не появлялся.

Потом вдвоем с Юсуповым пошли гулять по заснеженному парку.

Высоко стояла полная луна, вокруг нее сказочной красотой светилось млечно-туманное кольцо. На ее лик белесой мутью быстро наплывали облака, в бездонной вышине мешались с чем-то могильно-черным и исчезали в безбрежном ночном пространстве. Холодные льдинки далеких звезд загадочно глядели из черной провальной неизведанности. Юсупов сказал:

– В этом парке любил гулять нынешний государь. После коронации и несчастных событий на Ходынском поле Ники с Александрой Федоровной пробыли у меня в Архангельском ровно три недели. Они часами бродили в сосновом лесу и по лугам, спускались к Москве-реке. Государь, покидая Архангельское, пожал мне руку и сказал: «Радость сердечная – попасть в это хорошее тихое место! Мы душой отошли тут».

Рванул студеный ветер. Закачались верхушки старых деревьев, с них посыпался снег. Набежали черные облака, полностью закрыли луну. Юсупов поежился и сказал:

– Однако морозит. Пойдемте в тепло! Может, К. Р. приехал?

И они вернулись во дворец, сиявший мрамором, бронзой, хранивший тот непередаваемый запах, который десятилетиями сохраняется лишь в богатых домах. Пылал камин, на нем весело раскачивали маятником громадные малахитовые часы, отделанные золоченой бронзой. На стенах висели шпалеры и громадных размеров ранние голландцы.

Великий князь еще не приезжал.

Затем ужинали, немного играли в вист. Сипягин досадовал, что понапрасну потерял время, и в начале двенадцатого раскланялся, спустился в мозаичный вестибюль. Он уже надел шубу, как прикатил Константин Романов. Он раскраснелся от мороза, был оживлен и любезен. Сипягин сказал:

– Константин Константинович, у меня к вам небольшое дело по Академии наук, и мне очень хотелось бы разрешить его. Когда можно вас навестить?

К. Р. сразу помрачнел – он не любил просителей, – но тут же с привычной светскостью скрыл досаду, любезно улыбнулся:

– А! Я очень рад услужить вам, Дмитрий Сергеевич. – Еще на миг задумался и решительно сказал: – Если дело небольшое, то, может, сейчас и решим?

Сипягин уже набрал в легкие воздух, чтобы кратко и задушевно изложить суть дела, но в этот момент на лестнице раздался высокий голос Феликса Юсупова, торопливо спускавшегося к гостю:

– Боже мой, какое счастье! Здравствуй, Костя...

К. Р. выразительно посмотрел на Сипягина, как бы говоря: «Вот видите, словом нельзя перекинуться!» Вдруг остроумная мысль пришла ему. Сказал:

– А вы, Дмитрий Сергеевич, завтра у красавицы Немчиновой на Остоженке будете?

– У меня, ваше высочество, нет приглашения!

К. Р. решительно заверил:

– Это пустяк. Завтра будет!

– Тогда уж и моему товарищу Плеве необходимо прислать.

– Обязательно! Там все и решим. – Великий князь протянул большую сухую ладонь и сразу переключил внимание на Юсупова, сыпля какими-то шутками.

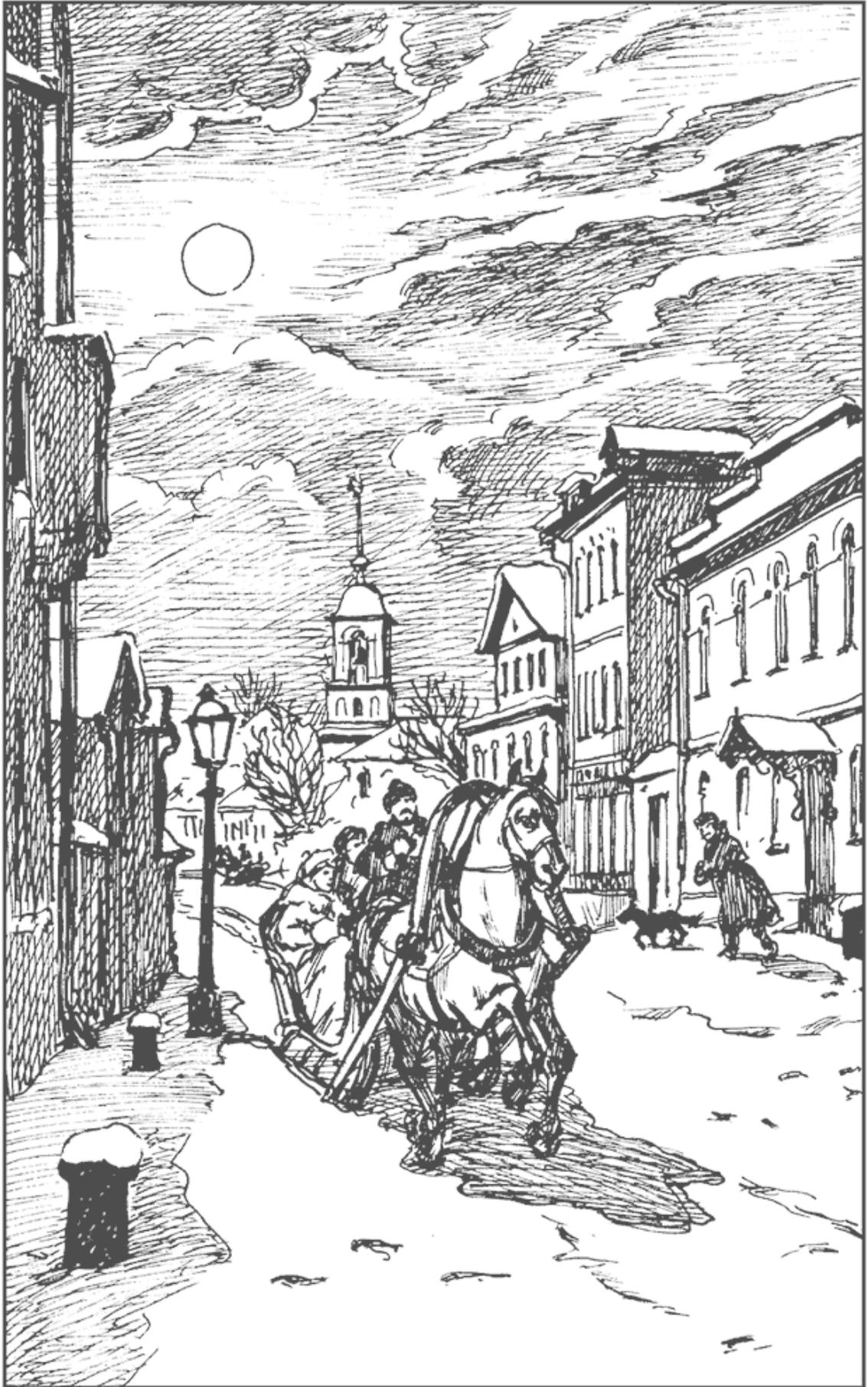
Сипягин вышел во двор, сел в сани, которые нынче предпочел карете. Кучер заботливо укутал министра меховой шкурой. Над головой раскинулся беспредельный шатер ночного неба, усыпанный мириадами далеких холодных льдинок, посылающих загадочный свет на грешную и прекрасную землю.

Сани заскрипели по насту, сытые, застоявшиеся лошади понеслись как бешеные.

...На другой день, разбирая утреннюю корреспонденцию, Сипягин увидел небольшой конверт с золотым вензелем «ЕН». Это было приглашение Немчиновой. Так министр попал на курьезный вечер, о котором наш рассказ.

Отвлеченный вопрос

Ужин не начинали, ибо ждали великого князя Константина Романова. Говорили, что он нынче отправился на спектакль в Малый театр, где у него абонирована ложа. Вместе с ним поехал молодой красавец, дуэлянт и дебошир граф Аполлинарий Соколов.

Так что в ожидании призыва к закуске гости разбились на несколько кружков и оживленно беседовали. Негромко, среди своих, сплетничали о том, что К. Р., согласно молве, крутит роман с хозяйкой сегодняшнего вечера – Женечкой Немчиновой. Больше того: с этой же Женечкой уже второй месяц делятся амурные отношения и молодого графа-красавца Соколова. В Москве ничего не скроешь!

У социалистов составилась свой кружок. К ним подошел энергичный, весь как на пружинах, Плеве и обратился почему-то к Азефу, возможно, потому, что тот был на полголовы выше своих товарищей.

– Признаюсь, я плохо разбираюсь в революционных программах. Скажите... – Плеве покрутил пальцами.

Азеф подсказал:

– Меня зовут Иван Николаевич.

– Гм, Иван Николаевич, вы можете ответить мне на отвлеченный вопрос? Предположим на мгновение, что ваши друзья-социалисты пришли к власти. И что они сделали бы в первую очередь?

Вокруг стали собираться гости, с интересом прислушиваясь к разговору товарища министра с какими-то разночинцами. Азеф откашлялся и нравоучительно начал:

– Беда вся в том, что верхи, – ткнул пальцем куда-то в сторону хрустальной люстры, – совершенно не знают жизни народа. А раз не знают, так и не могут управлять этим народом. Чтобы исправить положение, я создал бы наблюдательный совет из самых простых людей всех сословий. И эти люди диктовали бы законы верховному правителю.

Плеве скептически улыбнулся:

– Это несбыточная фантазия. Попав во власть, эти «простые люди» быстро потеряли бы связь с теми социальными кругами, откуда вышли. И началось бы то же самое... И землю можно поделить справедливо.

Подошедший Сипягин поддержал:

– О чем, господа, вы спорите? Земли у нас, слава богу, сколько угодно. В Сибири на десятки верст – ни хаты, ни огонька в окошке. А все жмутся к столицам, а многие из мужиков вообще норовят сбежать от земли в города, чтобы там жить при фабриках, порой в неприглядных условиях.

– А почему так? – спросила Женечка. – В деревне и воздух здоровый, и молоко парное. Живи с семьей в собственном домике, наслаждайся...

– А потому, – отвечал Сипягин, – что крестьянский труд тяжелый, а в городе – трактиры, ипподромы, дома терпимости, всякие увеселения, вот пейзажи и предпочитают нездоровую городскую жизнь этому самому крестьянскому труду, тяжелому, но полезному для души и тела.

Чепик затрясся хриплым смехом:

– Хе-хе, а что же, извиняйте, вы сами не крестьянствуете, хотя бы в роли, скажем, агронома?

– Но я городской житель, и у меня нет навыков крестьянской или помещичьей жизни в деревне.

Плеве взял под локоть министра, желая закончить неприлично жаркий спор. Мирлолюбивым тоном произнес:

– Надо, господа, знать статистику. Нынче крестьянам в России принадлежит почти восемьдесят процентов обрабатываемых земель. Вы поняли меня? Во-семь-десят! А все разговоры, которые, извините, ведут социалисты и всякого рода ниспровергатели, – ложь, чтобы баламутить общество. Ложь – это оружие революционеров.

Азеф горячо возразил:

– Простите, господин Плеве, вы считаете, что революционеры, как вы изволили выразиться, лишь общество баламутят? А ради чего эти святые жертвы? – Он говорил, все более

одушевляясь. – Вспомним имена прекрасных юношей и девушек – Фроленко, Валериана Осинского, братьев Ивичевых, Брандтнера, Игнатия Гринивецкого, Веру Фигнер, Желябова! Эти герои гнили в сырых камерах, поднимались на эшафот с гордо поднятой головой. Для чего, а? Вот, вы молчите, вам нечего ответить. А я скажу: они жертвовали своей жизнью не ради денег или славы – ради всеобщего счастья на земле, ради равноправия.

Плеве удивленно округлил глаза.

– Какое «всеобщее»? Разве можно всех сделать счастливыми? Каждый человек счастье понимает по-своему. К тому же ни я, ни мои друзья и близкие не просили, чтобы их жизнь улучшали революционеры. Ведь социалисты себя-то обустроить не могут, живут кое-как, без кола и без двора. И вдруг нате вам – «всеобщее счастье»! И какой ценой? Эти типы просто ненавидят людей, ненавидят жизнь. Всё! – Повернулся к Женечке, укоризненно покачал головой, словно говоря: «Кого вы пригласили? Это просто какие-то недоумки!»

Зинаида восхищалась смелостью Азефа. Тот поманил пальцем лакея с подносом:

– Эй, любезный! Подыдем, друзья, тост за социальную революцию! И еще, Зинаида Федоровна, пьем за вашу красоту!

Зинаида с восторгом глядела на своего нового товарища.

Царственный поэт

Насмешка над лошадьми

В этот момент мажордом раскрыл двери и провозгласил:

– Великий князь Константин Константинович!

В зале все мгновенно замерли, взоры обратились к дверям. На пороге появился изящного сложения человек во фраке. Это был дядя и первый советчик государя, поэт, драматург, президент Академии наук знаменитый К. Р. Всем обликом он соответствовал своему поэтическому призванию: высокий, стройный, вдохновенное лицо в обрамлении пушистых бакенбард, лучистые серые глаза, благожелательная улыбка на устах.

На шаг сзади держался двадцатидевятилетний атлет-красавец полковник Преображенского полка Аполлинарий Соколов. На нем ладно сидели парадный мундир с эполетами, галифе с крыльями и короткие сапожки с щегольскими серебряными шпорами, при каждом шаге издававшие тонкий, приятный для уха звук.

Азеф слышал о Соколове, о его атлетических забавах и выходках. Сейчас он с любопытством и почему-то с некоторым страхом бросал взгляды на атлета: необъятная ширина плеч, громадный рост, озорной блеск глаз, мужественное лицо произвели на Азефа сильное впечатление.

Вошедшие отвесили общий поклон, и после этого Константин Романов направился к Женечке. Поймав ее руку, с нежностью прижался губами.

– Женская красота, – говорил великий князь по-французски, не отпуская руку Женечки, – самая великая и всепобеждающая сила. Сегодня, Евгения Александровна, вы – само совершенство. Благодарю за приглашение на этот прекрасный раут.

Женечка сделала книксен.

Соколов бодрым голосом произнес:

– Сейчас около буфета нам встретились Сипягин и Плевэ. Шли очень сердитые. Что случилось?

Женечка тихонько и радостно засмеялась:

– Да у нас тут от споров всегда жарко!

Соколов весело продолжал:

– Мы, русские, удивительные люди, минуты без политики жить не можем и придерживаемся самых крайних взглядов – это уж непременно. Кстати, с Константином Константиновичем мы только что из Малого театра, там премьера – «Идиот» по Достоевскому. Мы сидели в одной ложе с великим князем Сергеем Александровичем. Он считает, что никаких послаблений власть не должна давать. И привел удачный пример: если из фундамента могучего здания начать вынимать камни, то это здание рухнет. Так, по мнению нашего губернатора, и с самодержавием: дай сегодня одно послабление, завтра революционеры потребуют десять. И чем им будем больше уступать, тем они сильнее будут раскачивать основы империи. До той поры, пока все государственное сооружение не рухнет.

Тут Соколов заметил социалистов и с откровенным любопытством, словно в зоопарке, начал разглядывать эти комичные фигуры, удивляясь: «Откуда эти чучела взялись на светском рауте? Ах, это небось все причуды Женечки!»

Азеф хотя и робел атлета, но, желая и тут отличиться перед своими товарищами, все же заставил себя задиристо спросить:

– И что же вы, полковник, предлагаете государству коснеть в средневековых порядках? Может, и крепостное право отменять не следовало?

Соколов решил потешиться. Он принял самый серьезный вид:

– Конечно нет!

Аргунов ужаснулся:

– Как, вы, господин полковник, крепостник?

– Мы, сударь, все крепостники, ибо находимся за крепостными стенами гостеприимного дома Евгении Александровны.

Аргунов продолжал наступать:

– Вы, господин Соколов, увиливаете от ответа!

Соколов принял покаянный вид:

– Ну, крепостник, я крепостник заклятый, и ничего со мной не поделаешь. Одним словом – ретроград!

Великий князь слушал этот разговор с легкой иронической улыбкой.

Пока Аргунов раздувал щеки, придумывая, как ловчее подцепить знаменитого графа, у того мелькнула замечательная идея. Соколов задумчиво произнес:

– Танцев сегодня, к сожалению, не будет. По этой причине можно употреблять шампанское. Давайте, господа передовые мыслители, выпьем для хорошего настроения. – Соколов поманил пальцем лакея с подносом.

Все выпили по бокалу, в том числе и великий князь.

Аргунов с язвительностью произнес:

– Граф, помнится, я читал в газетах, что вы после своей свадьбы в Исаакиевском соборе приказали всех поить шампанским: прохожих, кучеров и даже лошадей. Разве это не насмешка?

– Над кем – над лошадьми? – лениво спросил Соколов.

– Нет, над трудящимися! Подобное издевательство – разнузданный разгул, когда трудящиеся живут в нужде, удар по человеческому достоинству пролетариев.

Соколов уперся парализующим взглядом в Аргунова и насмешливо сказал:

– Господин социалист, судя по вашим нахальным речам, вы скорее получите удар по голове, чем по своему достоинству.

Стоявшие рядом дамы весело засмеялись.

Актерская зависть

Аргунов малость оторопел, он собрался с мыслями, хотел что-то ответить и не успел: к великому князю подлетела Ольга Книппер. Она зашебетала:

– Скажите, пожалуйста, ваше высочество, Константин Константинович, вы были в Малом театре на премьере «Идиота»? Говорят, госпожа Яблочкина провалила роль Аглаи, так ли это? Помните, еще лет пятнадцать тому назад она сыграла в театре Корша Софью в «Горе от ума», это было неплохо. Но теперь, когда даме уже под сорок, а она бездарно кривляется, изображает молодую девицу, дочь генерала Епанчина... Нет, я этого не понимаю! Всему есть мера.

К. Р. сдержал усмешку: Яблочкина была почти ровесницей Книппер. Он умиротворяюще произнес:

– Позвольте, Ольга Леонардовна, с вами не согласиться. У Александры Александровны прекрасная внешность, великолепная грация, отточенность жестов, да и до сорока ей еще жить да жить. Играла она Аглаю превосходно, зал без конца ей бисировал. Мы с графом, – посмотрел на Соколова, – отправили актрисе громадную корзину цветов. – И перешел на другую тему: – А как вам, Ольга Леонардовна, показалась Ермолова в роли Настасьи Филипповны? Согласитесь, она превосходна!

Книппер, словно делая одолжение великому князю, выдавила:

– Недурна, но порой переигрывает...

Страшная месть

Пушкин и слабительное

Соколов не дослушал, выскользнул из залы, сбежал в вестибюль. Он твердо решил прочить нахалов. Приказал швейцару:

– Позови-ка, братец, моего кучера.

Швейцар изогнулся:

– Слушаюсь, ваше сиятельство! – и зашпешил на мороз.

Через минуту он вернулся в сопровождении молодого парня в синем кучерском армяке.

Соколов вполголоса приказал:

– Егор, вот тебе пять рублей, поезжай в ближайшую аптеку, купи четыре дозы снотворного и быстро возвращайся.

– Будет сделано! – Егор стремительно удалился, а Соколов вновь отправился наверх.

Теперь всех ожидал спектакль, которого прежде никогда и никто не видел и о котором долгие годы вспоминали в старой столице.

Князь Дундук

Едва Соколов оказался в зале, как к нему заторопилась старая княгиня Гагарина:

– Как ваш батюшка? Он все еще в Государственном совете заседает?

– Заседает! Я по этому поводу вспоминаю проникновенные строки поэта Пушкина.

– Чего-чего?

– В адрес Дондукова-Корсакова.

– А-а!..

– Это председатель Цензурного комитета в тридцатые годы, немало насоливший поэту.

А еще Дондуков был вице-президентом Академии наук.

Услыхав про Академию наук, Константин Романов, а также вернувшийся из буфета, где пропустил две рюмки водки, Сипягин сразу заинтересовались. К. Р. спросил:

– Так что писал поэт?

Соколов всегда притягивал внимание окружающих, и сейчас вокруг него сбились любопытные. Он сказал:

– Итак, четверостишие известного Пушкина, столетие рождения которого с некоторыми из вас нынешним летом гуляли в ресторане «Яр»:

В Академии наук
Заседает князь Дундук.
Отчего такая честь?
Оттого, что жопа есть.

Гагарина переспросила:

– Чего-чего есть?

Гости весело засмеялись, а Книппер фыркнула:

– Фи, это так грубо!

– Сударыня, все претензии к покойному поэту, – парировал Соколов.

Книппер защебетала:

– Вы, граф, человек военный, наверное, знаете: якобы в Америке для России построили большой корабль. Это что ж, война, что ль, будет?

– Это вы о крейсере «Варяг»? Я читал об этом в газетах. Еще в октябре в Филадельфии его спустили на воду, и он сделан по заказу нашего Морского министерства. Это чудо техники. Все спасательные шлюпки из особо прочной и легкой стали.

Книппер продолжала любопытствовать:

– А что, и впрямь этот крейсер очень велик?

– Да, по грузовой линии четыреста двадцать футов.

Книппер знала, что такое «фунт», но о футах понятия не имела. Однако сделала значительное лицо:

– Надо же, как техника далеко ушла!

Аргунов с ехидством спросил Соколова:

– Но этот самый «Варяг» будет защищать Российскую империю?

– Будет!

– Тем самым он станет защищать царское самодержавие и бесправие народов. – Аргунов судорожно подергал себя за козлиную бородку, нервно вскрикнул: – Не радоваться надо – скорбеть: боевая мощь империи увеличилась, горе, кхх, угнетенных народов возросло.

Соколов сделал наивное лицо:

– Так, значит, следует Россию сделать как можно слабее? Пусть она будет нищей и беспомощной?

Чепик не выдержал, самоуверенно захрипел:

– Именно так! И если это поняли вы – полковник-преображенец, – стало быть, прогрессивные веяния дошли и до правящих верхов. Они-то, верхи, правды знать никогда не желали.

Соколов подумал: «Господи, какой же зануда!» Он хотел ответить как надо, да не успел – к нему подошел лакей, почтительно поклонился:

– Ваше сиятельство, простите, вас спрашивают внизу...

Соколов пробрался сквозь толпу гостей, сбежал с лестницы, перепрыгивая через ступеньки. В вестибюле, украшенном зеркалами и статуями, увидел кучера Егора. Тот протянул на ладони две коробочки:

– Вот, Аполлинарий Николаевич, аптекарь дал.

Соколов прочитал на облатке: «Люминал – производное веронала, обладает сильным снотворным действием. Люминал подвергнут клиническому и экспериментальному исследованиям в психиатрической клинике Лейпцигского университета. Обычная доза – 0,4 грамма, то есть две таблетки. При более высокой дозировке часто наблюдается побочное явление – расстройство психической деятельности». Соколов улыбнулся, подумал: «Прекрасно! Дадим социалистам двойную дозу. А тут что?» На другой облатке было напечатано: «Фалликулин – сильное слабительное средство. Действует неотразимо и быстро». Спросил:

– А зачем слабительное?

– Много денег от пятерки оставалось, а тут аптекарь советует: купи, дескать, всегда в хозяйстве от запора пригодится. Ну, я и взял, извиняйте, для поноса.

Соколов перекрестился:

– Господи прости, знать, счастье такое социалистам выпало! Сдачу, Егор, оставь себе, детям фиников купи. Эй, лакей, – окликнул пробежавшего мимо с подносом официанта, – скользи сюда! – Граф взял бокал, протянул засмущавшемуся кучеру: – Пей, пей, французское! Это тебе, Егор, не водку лакать, это напиток утонченный.

– Ох, хороша, спасибочки вам, Аполлинарий Николаевич, прямо в ноздрю шибает! – Ладонью вытер рот и бороду. – Сей квасок, однако, против казенной никак не устоит – силы в ём нет. Для чего такие капиталы за него платят, на трезвую голову не поймешь.

Хитрости буфетного мужика

Соколов отправился в буфет. За прилавком действовал широкий в плечах парень с круглым румяным лицом, густыми рыжеватыми баками и коротко, по последней моде, подстриженной бородкой. Буфетный мужик при виде Соколова расплылся в счастливой улыбке:

– Рад вас видеть, ваше сиятельство!

Соколов пророкотал:

– Ну, Семен, у тебя морда круглая стала! Сразу видно, что на паперти не стоишь, питаешься вовсе не сухой корочкой.

– Это точно, Аполлинарий Николаевич, живу отлично-с, грех Бога гневить. Чем прикажете угостить?

– Пока ничем! – Соколов просто, как об обыденном, сказал: – Я сейчас приду с четырьмя мужиками, будем пить шампанское из пивных кружек. Ты загодя высыпи снотворное и слабительное, на водке все раствори, а когда я их приведу, ты шампанского и долешь. Понял?

Семен заробел:

– Ваше сиятельство, простите, рад бы, да рука не подымается. Ведь меня за такие порошки в Сибирь отправить могут. И кандалы еще нацепят.

– Ну, доктор Гааз, тюремный доктор, царствие небесное этому доброму человеку, на немецком кладбище прах его с миром лежит, кандалы против прежних времен сделал совсем легкими да на прикрепах кожей мягкой обитой. Так что против старого времени таскать их стало много легче. Однако, Семен, ты не трусь, я тебя в обиду не дам. Ведь не яд подсыпаешь, а обычные лекарства. Желудки прочистят, проспятся – еще здоровее станут. И жаловаться на тебя не будут, а радоваться за себя станут. А чтобы тебе интерес в деле появился, возьми на память денежную награду. Бери, бери! Здесь двадцать рубликов – не шутка.

Семен решительно тряхнул рыжеватыми кудрями:

– Коли надо, сделаем все, как вы приказали, Аполлинарий Николаевич.

Соколов погрозил кулаком:

– Семен, ты кружки не перепутай, не сунь мне слабительного! Если чего, то я тебя... Ну, понял? Тогда точно тебя отправлю кандалами греметь, а на Сахалине тебе полголовы выбреют.

– Как можно, ваше сиятельство! Вручу, что положено.

– Ну, действуй! – И побежал вверх – приводить приговор в исполнение.

Брызги шампанского

Пока Соколов готовил для социалистов неприятность, Сипягину удалось изложить великому князю свою просьбу относительно поэта, который очень желал стать почетным академиком. К. Р. заверил:

– Я дам этому делу ход, и будем надеяться, что на ближайшей сессии Академии ваш поэт станет нашим почетным, так сказать, членом, – и улыбнулся.

У Соколова были свои хлопоты. Он отыскал революционных товарищей, жавшихся в углу, сказал:

– Господа ниспровергатели, Виссариона Белинского уважаете?

– Разумеется! – ответил Азеф. – Это великий глашатай демократии.

– Так вот, этот глашатай, имея в виду наказание смутьянов, говаривал в кругу друзей: «Нет, господа, что бы вы ни толковали, а ради поддержания порядка мать святая гильотина – хорошая вещь». Впрочем, вы сегодня столько ужасов наговорили, что мурашки по спине бегают. Не знаю, как вам, а мне захотелось выпить – просто невтерпеж. Приглашаю всех в буфет!

Азеф поцеловал руку Зинаиде и спросил:

– Вы позволите мне отлучиться на три минуты?

– Конечно, Иван Николаевич! – И нежно шепнула: – Я очень буду ждать...

У революционеров давно подвело животы. Они с охотой двинулись за графом – сами не решились бы. Буфетчик Семен, увидав гостей, стал воплощенной любезностью:

– Что прикажете налить?

Аргунов скромненько предложил:

– Может, господа, по рюмке водочки?

Чепик заинтересовался:

– Вот и бутербродики есть с икоркой-с...

Соколов решительно возразил:

– Какая водочка, какие бутербродики! Пьем, господа революционеры, по-гвардейски!

Азеф полюбопытствовал:

– Это как?

Соколов гаркнул:

– Буфетчик! Для моих заклятых друзей – самое дорогое шампанское! – Цыкнул на Чепика: – Да куда ты клешню тянешь, не фужерами – пивными кружками! Кто не пьет по-гвардейски – тот негодяй и фискал. Эй, буфетчик, что медлишь? Не жалея для прогрессивных товарищей, страдающих от самодержавной деспотии, откупоривай французское! У тебя, шельмец, точно ли шампанское самое лучшее?

– Самое значительное-с – редерер, ваше сиятельство! Брали у Елисеева по семь с полтиной за бутылку, дороже нынче не бывает-с...

– Прекрасно, лей редерер в пивные кружки, да с верхом.

Семен стал таскать из ящика шампанское, только пробки полетели к потолку. Потом он повернулся к буфету, начал наливать по самый край, струйки весело скатывались по стеклу. Соколову протянул отдельно. Тот сказал:

– Пьем, господа ниспровергатели, за ваше здоровье... умственное!

Все подняли кружки, у революционеров в глазах огонь запылал: буржуазный напиток в таком количестве, да еще на дармовщинку!

Пили жадно, взахлеб. Азеф, этот замечательный математик, на сей раз не сумел рассчитать ход классового врага – Соколова. Он выпил и крякнул:

– Ух, хорошо! Забирает всего. Ну, друзья, пошли в залу, поговорим о перспективах российской революции.

– Да, Россию следует разрушить до основания! – прогундосил Чепик. – И вот на ее развалинах, на ее скрижалях, ик, начертят наши имена. Ох, и впрямь в ноги ударило, а голова... голова даже очень... хоть куда, свежая... Ик!

Аргунов, пьяница со стажем, захмелел сразу и сильно. С нетрезвой важностью выдал из себя:

– Когда, судари мои, сделаем революцию, кхх, каждый прота-про-проле-карий будет на ужин иметь... бутылку.

– Этот тезис занести в программу – обязательно! – одобрил Азеф. – И повсюду повесим лозунги: «Каждому пролетарию – по бутылке!»

– Пусть лакают, – согласился Соколов и весело подмигнул буфетчику.

Революционеры заплетающейся походкой вошли в гостиную. Они направились к громадному дивану с резной спинкой и плюхнулись так, что пружины застонали. Соколов проводил их веселым взглядом, предвкушая замечательное зрелище.

Зинаида смотрела на своего нового друга с недоумением.

Вынос тел

Задумчивые социалисты

Женечка, как всегда, была окружена поклонниками, но, увидав идущего к ней графа, сама устремилась навстречу ему, влюбленными глазами смотрела в его лицо и страстно говорила:

– Аполлинарий Николаевич, куда же вы пропали? Почему ко мне вторую неделю глаз не кажете? – Она взяла его за руку.

Соколов кивнул на социалистов:

– Женечка, откуда на светском рауте у тебя какая-то рвань?

– Не сердитесь. Они милые, очень занятные люди.

Соколов сказал:

– Но говорят они совсем не о забавном, а о весьма страшном.

– Ах, все это наша пустая российская болтовня. Но, граф, признайтесь: ведь надо улучшать государственную систему...

– Зачем?

Женечка удивилась. Такой вопрос никогда прежде ей не приходил в голову. Знакомые социалисты постоянно твердили, что «самодержавие прогнило» и по этой причине его следует заменить «более прогрессивным демократическим устройством». Женечка не хотела отставать от прогрессивных людей, она хотела казаться умной, идущей в ногу со временем и поэтому разделяла передовые воззрения. Она азартно проговорила:

– Как – зачем? Ну, этого требует прогресс... Когда-то люди обитали в пещерах, но благодаря развитию цивилизации теперь живут в благоустроенных домах с лифтом, водопроводом и канализацией.

Соколов отвечал:

– Это произошло не потому, что случались революции, а только потому, что люди работали руками и головой. А от революций бывают только кровь и разрушения. И твои социалисты призывают именно к разрушениям и убийствам. Надо улучшать только одно – собственную душу.

Женечка уставилась на социалистов и с умилением произнесла:

– Аполлинарий Николаевич, посмотрите, как славно наши социалисты на диванчике привалились! И головы они как-то свесили, словно думу глубокую думают.

Соколов весело рассмеялся:

– Ну конечно, о простом народе печалются. Народ им нужен, как воробью граммофон. – И жестко добавил: – О тебе, Женечка, уже ходят слухи, что ты революционеров привечаешь, большие деньги на свержение «деспотии» даешь.

– Но они такие несчастные! Страдали по ссылкам, были в заграничном изгнании, как Иван Николаевич. Теперь, когда тетушкино наследство получила, хочу создать техникум для людей, обойденных судьбой. Пусть учатся. И вообще, революционеры не совсем глупы, порой умные вещи говорят.

– Умные слова раз в год даже попугай произносит, – заключил Соколов.

Мороз крепчал

В это время к роялю подошел, словно петь собрался, поэт Брюсов. Был он плоский и невзрачный, словно сушеная тарань. Гости захлопали в ладоши:

– Просим, прочтите что-нибудь! Просим...

Брюсов наклонил голову, словно задумался, и вдруг залаял в нос:

Юноша бледный со взором горящим,
Ныне даю я тебе три завета:
Первый прими: не живи настоящим,
Только грядущее – область поэта.
Помни второй: никому не сочувствуй,
Сам же себя полюби беспредельно.
Третий храни: поклоняйся искусству,
Только ему безраздумно, бесцельно.

Раздались аплодисменты, правда жидковатые. Соколову не понравились ни стихи, ни их автор. Он на всю гостиную сказал:

– Поэт, вы даете самые дурные советы! Что это за «юноша бледный»? Может, лучше читать: «Онанист малокровный со взором горящим». Или он у вас чахоточный, что ль?

Брюсов взвизгнул:

– Вы даже не знаете, как выглядят пораженные туберкулезом! У них на щеках горит румянец, хоть и болезненный!

Соколов рассмеялся:

– Признаюсь, в чахотке вы лучше меня разбираетесь. Но зачем юноше давать столь вредный совет – «полюбить себя беспредельно»? Чехов точно заметил: кто любит себя, у того нет соперников. Согласитесь, нет на свете более противных людей, чем самовлюбленные.

Брюсов нервно дернул головой:

– Это поэзия, это... это... понимать надо.

– Зачем же поклоняться искусству «безраздумно, бесцельно»? Ну, если только в голове у автора полная пустота, то, конечно, его занятия искусством будут вполне бесцельными и никому не нужными.

Бальмонт посмеивался, а Брюсов нервно задрожал, он хотел сказать что-то, возразить, лякнул зубами, выпулил:

– Полковник, вы... вы – опричник самодержавия!

Соколов удивленно поднял бровь:

– Вот как? Стреляться со мной, догадываюсь, вы не можете по причинам ненависти к самодержавию и собственной трусости?

Немчинова, желая замять начинающуюся ссору, засуетилась, заторопилась. Сказала Бальмонту:

– Константин Дмитриевич, вы обещали порадовать нас своим новым шедевром. Просим вас!

Гости захлопали в ладоши:

– Просим, просим!

Бальмонт вышел вперед, одергивая на себе фрак. Манерно замер, прикрыл глаза ладонью, словно что-то вспоминая. В зале воцарилась гробовая тишина. И вдруг откинул движением головы рыжие волосы и важно произнес:

– «Песня о царе». – Снова выдержал паузу и начал читать с площадной дерзостью:

Наш царь – убожество слепое,
Тюрьма и кнут, подсуд, расстрел,
Царь висельник...
Он трус, он чувствует с запинкой,

Но будет, час расплаты ждет!
Ты был ничтожный человек!
Царь губошлепствует...
О мерзость мерзостей! Распад, зловонье гноя,
Нарыв уже напух и, пухлый, ждет ножа.

Некоторые из гостей восторженно закричали:

– Бис! Браво!

Выделялся голос Книппер:

– Какая смелость! Константин Дмитриевич – вы наш герой!

Бальмонт низко поклонился.

Соколов, ни слова не говоря, прошел к балконным дверям, повернул бронзовую ручку замка, открыл обе высокие половинки. Ворвались клубы морозного воздуха. Все невольно отпрянули в глубь залы.

Соколов подошел к поэтам, с оторопью взиравшим на атлета. Он вдруг схватил поэтов за шиворот, оторвал от пола и понес на балкон.

Поэты болтали ногами, размахивали руками, пытались вырваться из железных клещей Соколова. Бальмонт зарычал:

– Да как вы смеете? Я пренебрегаю вашей дерзостью, отпустите немедленно!..

Из залы раздались крики ужаса:

– Не бросайте их вниз, граф! Разобьются!..

Соколов цыкнул на защитников, путавшихся под ногами, и швырнул несчастных крикунов на балконный пол, засыпанный снегом.

– Не выйдете, пока насмерть не замерзнете! – Наглухо закрыл обе створки дверей и встал возле, скрестив на груди руки и не позволяя вызволить поэтов, вывалявшихся в снегу и отчаянно стучавших в стекла. Сквозь двойную раму доносились жалобные голоса:

– Сейчас же выпустите, не безобразничайте! Караул, по-мо-ги-те!

Некоторые из гостей смеялись, другие, во главе с Книппер, возмущались и наседали на Соколова:

– Граф! Как вы можете позволять себе такое! Что же это такое, знаменитые поэты замерзнут. На дворе лютый мороз! И с улицы народ видит, смеется...

Соколов равнодушно отвечал:

– Замерзнут, туда им и дорога.

Книппер волновалась:

– Но за такие проделки вас, граф, на каторгу упекут!

– Не думаю! Я встал на защиту чести моего государя, и мне стыдно за тех, кто аплодировал гнусным стишкам.

– У нас свободное государство, и каждый волен высказывать свои мысли.

Соколов резонно возразил:

– Если у нас уже есть свобода, так чего добиваются эти и подобные визгуны?

За своей спиной Соколов услышал звон разбитого стекла. Это Бальмонт так стукнул ладонью, что полетели осколки, а рука обагрилась кровью.

Женечка жалобно простонала:

– Милый Аполлинарий Николаевич! Не надо в моем доме устраивать скандалы. Пусть каждый говорит что хочет. Тем более поэты. Они вольны излагать свои фантазии...

Соколов перебил:

– Они вольны оскорблять моего государя?

В голосе Женечки послышались слезы.

– Прошу, умоляю, граф, откройте двери...

– Только ради вас. – Соколов смилостивился, распахнул двери. – Выходите, полоумные. Еще раз узнаю, что мараете честь государя, утоплю в проруби. Прямо напротив Кремля, в Москве-реке. При всех заявляю: я слово сдержу.

Закоченевшие поэты ввалились в гостиную. На них было жалко смотреть: вываленные в снегу, скрюченные от мороза. Бальмонт непримиримо потряс в воздухе кулаком:

– Все равно рухнет ярмо самодержавия!

Соколов сделал (явно в шутку!) угрожающее движение:

– Что такое?

Поэты бросились вон из дома, где типы в военных мундирах настолько серы, что не понимают высокой поэзии. Красавец Бальмонт все же не успокоится, он будет писать ругательные стихи и печатать их. В 1901 году суд запретит ему проживать в столичных городах. Придет день, и мечта поэта осуществится – самодержавие падет. Теперь Бальмонт на своей поэтической шкуре испытает все прелести революции: голод, ужасы расправы, реквизиции. Он бросится спасаться в буржуазную Францию, где и помрет с признаками помешательства в приюте для бедных в 1942 году.

Брюсов умрет много раньше, воспевая Ленина, большевиков и их кровавые деяния.

Командировка в участок

Женечка, желая перевести вечер в другое русло, послала лакея на кухню:

– Беги, скажи, что пора начинать ужин. – Вдруг она страшно удивилась: – Боже мой! Взгляните, граф, на диван. Мои социалисты уже вовсю храпят. Что с ними?

– Перепили, не иначе, – притворно вздохнул Соколов. – Такие славные ребята! Им только кистени – да на большую дорогу.

Мимо проплыла княгиня Гагарина, держа возле носа платок:

– Фи, какой омерзительный аэр!

Женечка со вздохом согласилась:

– Да, запах идет кошмарный.

– Перейдем в другое помещение! – Соколов увлек за собой хозяйку.

Гости уже откровенно потешались над перепившими социалистами, морщили носы и отходили подальше от дивана. Женечка жалобно сказала:

– Аполлинарий Николаевич, зачем вы гостей обижаете? Прошу, не надо...

Соколов укоризненно заметил:

– Другой раз всякую рвань приглашать не станешь!

Женечка вздохнула, ничего не ответила, лишь с мольбой сказала:

– Приезжайте, дорогой граф, завтра в одиннадцать утра, мы будем вдвоем. – Прошептала: – Хорошо, милый?

– Приеду, если на наше randevu не пригласишь социалистов, чтобы они стали давать нам советы относительно революционно-классовых позиций! И конкурентов не приглашай...

Женечка изумилась:

– О чем вы, граф! Я люблю только вас, и вы это отлично знаете.

Соколов с оскорбленным видом возразил:

– Ну а как же великий князь К. Р.? Признайтесь, сударыня, вы ему тоже в ласках не отказываете?

Женечка досадливо наморщила прелестный носик.

– Граф, зачем вы так? Я вам верна. – И с женской непоследовательностью добавила: – Надо знать все обстоятельства и тогда судить человека. К. Р. все-таки великий поэт. Не зря государь его считает талантом не ниже самого Пушкина.

– С этим я не спорю! К. Р. очень талантлив. А еще, что для женского сердца важно, – он великий князь.

– Какой вы, однако, ревнивец... На нас уже обращают внимание. Вот завтра приедете, мы обо всем поговорим.

* * *

В это время старший лакей провозгласил:

– Закуски поданы! Прошу в трапезную.

Все неспешно зашевелились, не желая показывать свой аппетит и желание скорее усесться за стол. Лишь жертвы интриг Соколова в непринужденных позах раскинулись на широком диване.

Гости поглядывали на них и откровенно веселились. Женечка, напротив, казалось, вот-вот расплачется.

– И что я должна с ними делать? Не могу же я их в спальню устроить, и тут оставлять нет возможности.

Соколов великодушно сказал:

– Иди к гостям, я сам их устрою.

Он поманил к себе лакеев, что-то сказал. Те сбегали на улицу, остановили ломового извозчика, наверх явились дворник и лакеи. Начался вынос тел.

Всех бесчувственных стали стаскивать вниз и класть в сани. Соколов передал извозчику записку дежурному Пресненского полицейского участка: «На ночь нетрезвых приютить, утром отпустить!»

Один из лакеев тряпкой вытирал на паркете сырость, оставшуюся от социалистов.

В это время Зинаида Жученко подошла к дворнику, который поудобней прилаживался, чтобы тащить грузного Азефа. Она протянула ему двугривенный и, покраснев, сказала:

– Это мой родственник, я отвезу его домой! Только помогите до саней донести...

Зинаида, не прощаясь, торопливо сошла вниз, оделась и вышла на улицу. Она остановила ваньку, Азеф был погружен в сани, накрыт ободранной медвежьей шкурой и доставлен на Мясницкую, 17, в маленькую квартирку, в которой остановилась гостья из Берлина.

Она раздела бесчувственного друга, помыла его, одежду выстирала и повесила сушить.

Утром Азеф мало что помнил о происшедшем, но горячо благодарил свою спасительницу.

Пробежит несколько лет, Азеф снова встретит Зинаиду, и эта встреча сулит весьма необычное приключение, вошедшее даже в русскую историю. Об этом, впрочем, расскажем в своем месте.

Пугающая беспределность

Гости вошли в столовую.

Впереди был великий князь Константин Романов, он вел под руку хозяйку – Женечку Немчинову. За ними следовали министр Сипягин с глухой княгиней Гагариной, затем Плеве с Ольгой Книппер.

Соколов повел какую-то молодую даму, весьма рослую, с тем особым костяком лица, который нередко бывает у певиц. Она недавно поступила в труппу Большого театра, сладострастным взглядом облизывала Соколова и что-то басыла о Шаляпине, который якобы хвалил ее голос и пытался назначить свидание.

Официанты зашевелились, стулья задвигались по зеркальному паркету. На сцене музыканты заиграли Чайковского – «Времена года». Почему-то начали сразу с «Декабря».

Впрочем, божественный Чайковский не заглушил звуки серебряных ножей и вилок, тонкий звон хрустальных бокалов. Официанты хлопотали возле гостей.

Но вот с бокалом в руке поднялся великий князь Константин Романов, и все сразу стихло. К. Р. мягким, задушевным тоном произнес:

– Дорогие друзья! В наш сухой, рассудочный век приятно встретить на жизненном пути такого отзывчивого человека, как наша очаровательная хозяйка. Она не только на редкость красива, она переполнена благородных чувств, она альтруистична, она помогает бедным людям, а ее взгляды на жизнь самые передовые. Подыдем первый бокал в честь удивительного творения Божия – пьем за Евгению Александровну! Виват, друзья!

– Виват, виват! – Выпили дружно, налегли на закуску.

Затем говорил Сипягин:

– Наступает новый век, век технических революций и социальных перемен. Предлагаю выпить за государя, который, уверен, осуществит те перемены, к которым его призывают лучшие люди России.

Со всех концов стола послышались крики:

– Ура! Да здравствуют демократические перемены!

Когда все выпили, поднялась Ольга Книппер, заверещала:

– Я, ваше высочество, в восторге от ваших последних стихов. Я в «Ниве» их видела и переписала себе. Позвольте познакомить с ними присутствующих?

– Буду польщен.

Книппер прижала руки к груди и проникновенно прочитала действительно прекрасные строки:

Люблю, о, ночь, я погружаться взором
В безоблачность небесной глубины.
Какая чистота! Как с вышины
Ласкаешь ты лазоревым убором!
Ты так светла, что меркнет лик луны,
Пустыней горнею плывя дозором,
И сонмы звезд бледнеющим узором
Двойной зари сияньем спалены.
О, нежная. Прозрачно-голубая!
Гляжу, с тебя очей не отрывая,
Лицом к лицу пред тайною твоей.
Дай от тебя, о, ночь, мне научиться
Средь дольной тьмы душою становиться,
Как ты сама, все чище и светлей!

Гости в искреннем порыве захлопали в ладоши:

– Какие замечательные стихи.

Соколов согласился:

– Всяким бальмонтам и брюсовым далеко до К. Р.!

Великий князь был растроган.

– Я эти стихи написал в нынешнем июле, когда был в Новгороде, ушел один ночью гулять. Кругом меня все спало, и я загляделся в эту беспредельную глубину неба, и вдруг по его черному бархату прокатилась яркая огненная комета. С необыкновенной и прежде не испытанной силой я ощутил всю пугающую беспредельность космоса. Вернулся в дом, сел за стол и почти сразу, без помарок записал.

Соколов сказал:

– Пьем за великого князя и за великого поэта, дорогого К. Р.!
Дружно осушили бокалы. За столом сделалось уютно. Званный ужин пошел далее как по маслу.

Любовь и революция

Мудрость секретного сотрудника

На другой день Азеф отправился в Добрую Слободку, что между Чистыми прудами и Садовой-Черногрязской.

Супруги Аргуновы жили в большой, удобной квартире на третьем, последнем этаже старинного кирпичного дома с телефоном и водопроводом.

Жена Аргунова, Мария Евгеньевна, крупная женщина с обширным бюстом, чистым, белым лицом, – дама из тех, которых называют русскими красавицами. Она радушно улыбнулась:

– Какой приятный молодой человек! Я много слыхала о вас положительного! Как вас прикажете называть?

Азеф важно кивнул:

– Называйте меня просто – Иван Николаевич.

– За стол, за стол, – заворковала Мария Евгеньевна. – Грибки, селедочка с горячей картошкой, прошу!

Аргунов плотоядно потер ладоши:

– Мамочка, эта закуска провокационная, кхх-кхх!

Мария Евгеньевна подозрительно посмотрела на мужа:

– То есть?

– Провоцирует выпить! Под такую закуску по рюмочке чистой пропустить – эх, восторг чувств... Ну, мамочка, не жмоться, в честь гостя поставь графинчик.

– Вот, кувшин пива стоит!

– Пиво микробы не убивает, а размножает! Принеси графинчик, мамочка...

Азеф поддержал:

– Не повредит – по рюмке!

Мария Евгеньевна боялась за мужа – он не знал меры, и порой с ним случались казусы неприятного рода. Вздохнула, ушла на кухню, в потайном углу взяла бутылку перцовой, отбила сургуч с пробки и перелила в графин. Выпили по первой:

– За свободную Россию!

Обедали, играли в карты, привычно ругали правительство. Аргунов, запивая домашний окорок светлым пивом, говорил:

– Первоочередная задача – объединение всех кружков, разделяющих нашу социальную программу, кхх.

Азеф поинтересовался:

– А что, программа уже выработана?

Аргунов замялся:

– Как сказать? Так, некоторые наметки.

Азеф, ритмично рубя воздух вилкой, изрек:

– Программу надо разбить на три основных раздела. Первый – политическая и правовая области. Тут мы обязаны провозгласить полную свободу во всех областях человеческой деятельности: свободу передвижения, слова, бесцензурную печать, свободу стачек и забастовок, неприкосновенность личности и жилища.

Аргунов спросил:

– А как с избирательным правом?

Азеф глубококомысленно ответил:

– Нужно провозгласить всеобщее и равное избирательное право для всякого гражданина, не моложе двадцати лет, и закрытую подачу голосов. Каждая нация имеет право на самоопределение и пропорциональное представительство в парламенте. – Азеф почесал ноздрю. – Что еще? Ах, мы едва не забыли про государственную и финансовую политику.

– Тут необходимо ввести прогрессивный налог на доходы и наследство, – добавил Аргунов. – Богатых надо прижимать – всячески и везде. Богатые вредны уже тем, что вызывают раздражение окружающих. Не исключаю, что все богатства следует изъять в пользу бедных.

Азеф продолжил:

– Надо декларировать заботу о физическом и психическом здоровье трудящихся. Продолжительность рабочего дня, условия проживания, питание – все эти вопросы надо включить в программу нашей партии.

Аргунов восхищенно смотрел на Азефа:

– Какая же у вас замечательная голова! А мы с товарищами много спорили по поводу программы, но толку было мало. А вот вы – раз, и готово! Важнейший документ обрел зримые формы. Я сейчас же запишу ваши мысли, кхх.

Азеф самодовольно крикнул, подумал: «Какие же вы, революционеры, тупые, а беретесь судьбу империи изменить!»

Аргунов, забыв про перцовку, торопливо мелким, с большим наклоном вправо, но все же удобочитаемым почерком исписал страничку. Протянул ее Азефу:

– Иван Николаевич, сделайте милость, отредактируйте!

...В основу программы эсеров действительно был положен черновик Азефа. Так что на сохранившемся по сей день доме под номером три в бывшей Доброй Слободке, теперь это улица Машкова, вполне уместно повесить мемориальную доску: «Здесь была составлена партийная программа социал-революционеров, свергавших самодержавие, а власть отдавших большевикам...»

Клетка для народов

Через два дня Азеф снова посетил дом Немчиновой на Остоженке. На этот раз были новые лица: Григорий Соломон – дворянин, богатый домовладелец и социал-демократ, студент юридического факультета университета Артур Блюм, супруги-дворяне Покровские – она дочь действительного статского советника, он помощник присяжного поверенного, Аргунов с супругой и другие. Сначала обедали. Мужчины пили водку, дамы – ликеры, потом вкушали чай с печеньем и тортом, затем, собравшись в малой гостиной и удалив прислугу, ругали самодержавие, говорили о необходимости свергнуть существующий проклятый строй. Фармацевт Левинсон мечтал о том, чтобы отравить царя, и вызывался доставить самый страшный яд. Григорий Соломон и Артур Блюм горячо возражали, предпочитая яду хорошую большую бомбу.

Самым ярким революционером оказался Аргунов. Выпив водки, он клеймил «позорный царизм и Россию – клетку для народов». Заключая свою яркую речь, Аргунов погрозил кулаком куда-то в окно:

– Революция – это беспощадный террор! Всего лишь несколько дней назад в этом же доме мы общались с двумя столпами самодержавия – Сипягиным и Плеве. Если партия мне позволит стать метальщиком, я вот этими руками приведу приговор в исполнение, ликвидирую негодяев.

Гости захлопали в ладоши, зато Азеф добавил:

– И туда же буржуазного прихвостня графа Соколова, а то я сам с ним рассчитаюсь...

Мария Евгеньевна заботливо сказала:

– Нет, вам рисковать нельзя, вы очень нужны нам как организатор!

Аргунов горячо поддержал супругу:

– На роль метальщиков у нас есть несколько кандидатур, один студент Покотиллов чего стоит! А вот без вас, Иван Николаевич, партия осиротеет. Ваш авторитет велик, кхх, вы должны стать организатором, вдохновителем идей...

Азеф поднялся со стула, прижал руку к сердцу, сладким голосом произнес:

– Спасибо, спасибо за теплые слова! Но, друзья, я ведь даже не член, так сказать, партии. Меня еще никто в нашу славную партию не принимал. Пока что я на положении сочувствующего.

Аргунов протянул вперед руку:

– Вы своей работой, своей беззаветной преданностью делу революции фактически уже давно член партии. Теперь, как руководитель Северного союза эсеров, торжественно заявляю: Иван Николаевич Виноградов – член нашей партии.

Все дружно захлопали в ладоши, бросились обнимать Азефа:

– Поздравляем, поздравляем!

Азеф выволок из кармана носовой платок, потер глаза:

– Ах, спасибо! Я растроган до глубины души...

И снова хлопки в ладоши. Григорий Соломон громко крикнул:

– Ура! Долой проклятый царизм! Пьем за освобождение трудящихся.

После революции Соломон будет спасаться во Франции. Там он напишет толстый труд, в котором будет восхвалять большевиков и «любимца народных масс товарища Сталина».

Наживка

Улучив удобный момент, Азеф усадил Женечку на тот самый кожаный диван, на котором дрых позавчера. Согласно инструкциям Житловского и по велению сердца, время от времени целовал ее хорошо ухоженные руки с чистыми и прозрачными, словно фарфоровыми, пальцами и говорил:

– Мы непременно свергнем проклятый царизм, не сомневайтесь, Евгения Александровна.

Женечка согласно кивала и деловито говорила:

– У нашей группы большие планы. Я затеваю демократический журнал «Общедоступный техник», а вы, как специалист, могли бы вести раздел и помогать советами. И вообще, журнал, прикрываясь пропагандой технических знаний, будет проводить плехановские и марксистские идеи.

Азеф понимающе заверил:

– Я ваш сотрудник – навек! Даже готов стать членом вашего кружка, пусть мне грозят каторга и кандалный звон.

Женечка не поняла двусмысленности слов и воскликнула:

– Я благодарю вас!..

– Не за что, это мой гражданский долг! Если мы не жалеем себя, нравственно ли другим жалеть для революции деньги? Нет, это стыдно и даже позорно. Право, на очах моих навертываются большие слезы.

Немчинова простодушно проговорила:

– Но я Аргунову уже дала приличную сумму...

Азеф хитро прищурил глаз:

– Это на закупку динамита?

– Нет, – замаялась. – Вы никому не скажете? Деньги пошли на типографию, которую недавно поставили в Финляндии.

У Азефа заколотилось сердце так, словно он на удочку подцепил золотую рыбку. Он моментально нашелся:

– Эх, ваши деньги пропали, они ничего путного там не напечатали...

Женечка замахала руками:

– Все нет! Разве вы не видели два первых номера «Революционной России»? Я могу дать вам, только найти надо, куда-то засунула...

– А как насчет пожертвования?

Женечка, смущаясь, спросила:

– Иван Николаевич, сколько вам надо для революции?

Азеф в очередной раз прильнул с поцелуем к руке Женечки и страстно проговорил:

– Революция в России – мероприятие дорогостоящее. Здесь скупиться нельзя, ибо отдача будет безмерная – свобода и равноправие.

– Ах, скорей бы! Я задыхаюсь от самодержавной деспотии.

– Не только вы, Женечка, все передовые люди задыхаются! Пожертвуйте на свержение сколько не жалко! Тем более что теперь деньги для наших зарубежных товарищей будут идти через меня.

– Я знаю, мне Житловский писал об этом.

– Деньги нужны срочно, иначе безвозвратно пострадает дело революции.

– Я уже приготовила для вас.

Она на минуту вышла в соседнюю комнату и вернулась с плотной тяжелой пачкой, сказала:

– Тут две тысячи.

У Азефа от волнения пересохло в гортани. Он прижал палец к губам:

– Тсс! – Оглянулся, зачем-то заглянул за шторы и громко прошептал: – Уже готовится очередной номер газеты «Революционная Россия». Можете, Женечка, принять участие или статьями, или деньгами.

Да не оскудеет рука берущего!

Предложение писать в журнал моментально разбудило интерес у Женечки. Она спросила:

– А можно написать пьесу из жизни рабочих? У меня есть замысел: русская деревня, нищета, бесправие, урядник, крыша, крытая соломой. Бедный дом, тощая корова, дети плачут по лавкам от голода. Мать снаряжает в дорогу малолетнего сына – очаровательного мальчика с голубыми глазами, с восторгом и надеждой глядящего на мир Божий, жаждущего счастья. Старый дед стоит на пороге, крестит малыша: «Все одним ртом в доме меньше будет!»

Азеф, с трудом сдерживая зевоту, уперся тяжелым взглядом в Женечку, изобразил полное внимание. Та продолжала, все более одушевляясь:

– Шумный город, вывески, городские, дамы под зонтиками, аристократы в котелках. Мальчик с доверием смотрит на незнакомый ему мир. Проходная завода. Заводчик – пузатый, нахальный эксплуататор. Мать кланяется ему в ноги: «Не откажите, возьмите хоть на побегушки! В доме кормить нечем!» Заводчик кидает ей пятиалтынный, она ползает на коленях, ищет монету в дорожной пыли. Заводчик говорит: «Будет работать за харч!» Мать кланяется, еще раз обнимает малыша, убегает вся в слезах.

Азеф, предвидя трагическую развязку, начал загодя вытягивать из брючного кармана платок. Женечка, сама едва не плача, продолжала:

– Заводской двор, груды металла, мартеновская печь. Непосильный труд, голодное существование, понукания заводчика. Все это подрывает слабое здоровье мальчугана. Он все время тоскует о своей матушке, рассказывает друзьям-пролетариям о деревенской жизни, которая по сравнению с заводской ему теперь кажется счастливой. Так случилось, что его матушка получила крупное наследство, они теперь богаты и счастливы! Матушка тоже все время тосковала о дорогом малыше. Теперь она ходит в дорогих одеждах, покупает у старосты боль-

шой дом и пять коров. И вот, справив дела, она на крыльях любви летит в город за дорогим дитем. Но судьба была сурова. Малыш не выдержал эксплуатации, долго кашлял и умер. Когда гробик с малышом выносят из заводских ворот, прибегает его матушка. Она обнимает хладное тельце, горькие слезы льются из ее глаз. И тут появляется заводчик. Он сует матери три рубля: «Возьми, купи себе пряников!» Мать плюет в лицо эксплуататора, а рабочие устраивают демонстрацию, заводчик спасается бегством. – Женечка с любопытством посмотрела на Азефа. – Ну как, вам понравилось?

Азеф, едва не корчась от подступившего смеха, делал вид, что вытирает слезы.

– Замечательная трагедия! Такое не снилось ни Шекспиру, ни Достоевскому с Максимом Горьким. Вы, Женечка, гений! Позвольте, сударыня, прильнуть к вашей ручке... М-м-м, божественный дар ваш восхищает! Это надо печатать – срочно! Это разбудит классовое самознание. Это всколыхнет народные массы.

Женечкино личико загорелось от счастья.

– Вы так думаете?

– Я это знаю! Но для этого нужны деньги.

– Конечно, конечно! Вот еще, тут пятьсот рублей. Моя посильная лепта...

Но сегодня Азеф был непреклонен. Он решительно произнес:

– Вашу пьесу мы напечатаем, поставим в Художественном театре, будет все прекрасно: театр полон, ложи блещут! Овации, шампанское, раздача автографов! Но теперь надо помочь нашим товарищам в Женеве, которые умирают от голода, нужно оплатить контрабандистов, таскающих через границу транспорты с нелегалщиной. Хотя бы еще рубликов пятьсот...

Женечка помялась, но сказала:

– Сейчас при мне нет, завтра к вечеру достану...

– Спасибо, демократическая Россия, сбросившая ярмо деспотии, вас не забудет. На обломках самовластья золотом напишут ваше замечательное имя – «Евгения Немчинова»! – Азеф поднял вверх палец. – Только договоримся раз и навсегда: о ваших пожертвованиях – никому ни гугу. Этого требует конспирация и ваша личная безопасность.

– Ясно! – прошептала, леденя от восторга, Женечка.

Азеф выскочил на улицу, ему хотелось петь, ликовать: он разбогател в мгновение ока! Счастливо улыбнулся, прошептал:

– Хаим Житловский, вы из этих денег не получите ни копейки. Учитесь зарабатывать честным трудом, а не побираться. Так-то! Ну а теперь на Тверскую, к сладким девочкам Иды Кремер! Развернусь во всю ширь! На такой капитал и пошуметь не грех...

Главное – напугать

Утром Азеф сидел в кабинете Ратаева. Тот широко улыбался, подливал Азефу коньяку и был счастлив. Охранка прежде ничего не знала о глубоко подпольной типографии. Побарабанил пальцами по столу:

– Типография, типография! Надо выявить, где ее поставили. Мы знаем только то, что она в Финляндии, а это все равно что выловить премудрого карася в Финском заливе. И другая задача: даже если выясним ее нахождение, то оставлять ее нельзя и арестовывать нельзя. Вам известно, что финны не приняли закон о выдаче политических преступников? Как быть?

– Надо напугать!

– То есть? – Ратаев вперил любопытный взор в Азефа. – Каким образом напугать?

Азеф сказал:

– Это так просто! Проставьте на почтовом конверте штемпели княжества Финского и опустите в почтовый ящик Аргунова.

– Пустой конверт? – изумился Ратаев.

– Зачем пустой? – Азеф с грустью посмотрел на собеседника. – С запиской, желательно на финском языке: «Шпики пронюхали о типографии, грозят серьезные неприятности. Доброжелатель». И осторожно следите за Аргуновым. Как только он найдет какого-нибудь чухонца (их в Москве сотни!), который ему переведет текст или, вероятнее, сделает перевод с помощью словаря, так тут же отправит в Финляндию шифрованную телеграмму: «Демонтируйте!» Так узнаете адрес типографии, и, вероятнее всего, она перестанет существовать.

– Гениально! – Ратаев обнял Азефа, расцеловал. – Что коньяк не пьете? Прошу, шустовский!

* * *

В тот же день специалист-график фальсифицировал почтовые штемпели на конверте. На другое утро письмо лежало в ящике у Аргунова. Не прошло и суток, как в Хельсинки полетела шифрованная телеграмма: «Типография провалена, срочно демонтируйте!»

Аргунов, Чепик и самая красивая девушка партии, с которой Азефу только предстояло познакомиться, – Дора Бриллиант, собравшись в Доброй Слободке, ломали головы: какой благодетель прислал письмо? Предположений было много, верного ответа – ни одного. Пришли к выводу: это кто-то из полицейских, сочувствующих революции.

* * *

Ратаев занимался любимым делом: самостоятельно и весьма ловко печатал на ремингтоне «Агентурные сведения» в Петербург:

«21 декабря 1899 г.

Коснусь теперь деятельности нового Приятеля (одна из агентурных кличек Азефа. – *В. Л.*). Помимо Немчиновой, Соломона, Артура Блюма, он познакомился со стародавними нашими знакомыми... Покровскими, крестником Особого отдела Левинсоном (фармацевтом); проник в общество вспомоществования лицам интеллигентных профессий...; принят в сотрудники затеваемого Немчиновой „Общедоступного техника“... и, наконец, зачислен в издательскую немчиновскую группу, которая образовалась после получения Немчиновыми громадного наследства... Словом, перспектива рисуется у него (Азефа) прекрасная...»

* * *

Тем временем в Финляндии начался переполох. Решили срочно типографию демонтировать и подыскать для нее другое место, а именно в сибирской глухомани.

...Авторитет Азефа в глазах охранки подскочил до верхнего предела. Замыслы Азефа действительно были гениальные. Великий агент приступил к осуществлению задуманного.

Тяжелая наследственность

Семейная война

Во «Всеобщей компании электричества» Азеф быстро завоевал авторитет. Он был толковым и энергичным работником, его голову распирали неожиданные и смелые идеи, которые шли на пользу дела. Жалованье выросло до ста семидесяти пяти рублей.

В среду 18 февраля девятисотого года Азеф сел в международный вагон на Брест-Литовском вокзале и отправился в Германию. Это была служебная командировка.

На обратном пути завернул в Могилев. Тут, в доме своих родителей, ждала Люба. Она еще более прибавила в весе, лицо стало круглее, а ростом словно сделалась еще ниже, бедра раздались – в глазах Азефа, женщине это только добавило очарования. Люба приехала сюда из Швейцарии.

Азеф, возвышавшийся горой над Любой, нежно расцеловал ее и вопросительно огляделся:

– Где мой Леня, прелестный ребенок, похожий на свою очаровательную маму? Я соскучился о нем...

Люба, как о каком-то пустяке, заметила:

– Это же не слыхано – путешествовать с малышом! Я его пока оставила друзьям, у них шале под Лозанной.

– Надо было взять няньку... – начал было Азеф.

Люба его резко оборвала:

– Что с этого было бы, Евно? Няньки – это буржуазная отрыжка, эксплуатация трудящихся.

– Но как можно бросить малыша у чужих людей? – продолжал возмущаться Азеф.

Люба, видимо, решила сразу показать, кто в семье главный. Она подбоченилась и снизу вверх взглянула в лицо мужа:

– Евно, я дам вам адрес, вы можете хоть сегодня отправляться за Леней и воспитывать его сами. Как дважды два.

– Но у меня служба! – задохнулся от возмущения Азеф.

– Правильно, вот вы и командуйте в своей электрической компании, а Леню я буду воспитывать сама. И попрошу вас, Евно, впредь в женские дела не лезть. Лучше дайте денег.

На другое утро супруги Азеф сели на поезд до Москвы, и колеса бодро стучали на стыках – открывалась новая страница жизни.

Беспорядок в голове, беспорядок в квартире

Все люди – плоды наследственности и привычек.

Отец Любы имел хорошие деньги, но был отчаянным скрягой, дрожал над каждой копеей, словно собирался жить Мафусаилов век. Домашним выдавались гроши, одевались они немногим лучше, чем бродяги. Большой дом Григория Ефимовича Менкина представлял печальное зрелище: он всегда был неубранным, невымытым, неуютным. Носильные вещи, грязные тарелки с остатками еды находились где придется.

Так что Люба с детства не имела привычки к порядку. Ей по нраву был неприхотливый студенческий быт. Более того, скудность этого быта считалась как бы необходимостью для всякого, кто называл себя революционером.

Оказавшись в трехкомнатной квартире Азефа на Воздвиженке, Люба была поражена блестящим паркетом, роялем, резной дубовой мебелью, хрустальной люстрой, коврами на полу и картинами на стенах. Маша и Вера, под надзором Азефа, навели тут замечательный порядок.

Надо заметить, что последние недели перед выездом за Любой Азеф бегал за покупками на Сухаревский рынок, где по случаю приобрел несколько живописных полотен, которыми украсил стены. Он не то что любил жену, но считал ее принадлежностью своей жизни, порой скучал о ее обширном и сладком теле и теперь ждал ее восторгов и благодарных слов.

Но вышло все иначе. Люба боялась уюта и порядка. Сами эти понятия были несовместимы с ее хаотичной натурой. Поэтому она строго, как городской на нищего, посмотрела на мужа:

– Евно, что это за несчастье? Камин, экран, бронзовые фигуры, штофы, черное дерево. Здесь музей или что? А две девки-горничные, которые зачем-то мелькают сюда и туда? Тьфу, мещанство, от которого тошнит. Революционер обязан жить без всяких роялей, слуг и выкрутасов. Давайте срочно съедем отсюда!

Азефу горько было слышать сетования супруги. Он с укоризной посмотрел на нее:

– Перестаньте скандалить, вас слышно в переулке. Зачем клеймить меня как пособника буржуазии? Люба, крошка моя, ведь я все это делал для тебя, для нашего малыша. Люба, хочу видеть тебя счастливой, и вот нате вам! – Азеф совсем не желал ссориться, привлек жену к себе, обнял, миролюбиво заурчал: – Мой цыпленок, я так хорошо теперь зарабатываю, а эта квартирка нам обходится сущие пустяки. И потом, по московским меркам, это очень скромное жилище. Ведь наш домик – современник пророка Моисея, когда тот на Синай восходил. Вот я был у Аргуновых, так у них нисколько не хуже, а он – один из руководителей партии...

– Перестаньте заикаться об том! Плевала я на вашего Аргунова. Дело не в деньгах, а в принципе. Неужели вы, Евно, совсем не понимаете? Я не желаю буржуазной роскоши. Если у вас зашевелились лишние деньги, так сдайте их в партийную кассу. – И Люба зарыдала, повалилась лицом, утопла в теплых и остро пахнувших потом объятиях Азефа.

Азеф ожидал чего угодно, но только не этого. Он гладил ее густые рыжие волосы и думал: «Я люблю комфорт, удобства, уют. Люба по своей природе неряха. У нас теперь могут начаться безобразные скандалы, каких я наглядился в свое время в отцовском доме. Как быть? А как тратить деньги? Если прежде я только на людях изображал из себя нищего, а дома пировал вовсю, то теперь и дома я обязан притворяться безденежным? Ох, беда! Что за жизнь? И что делать? Надо схитрить, пообещать, а там она привыкнет...»

Люба решительно произнесла:

– Все, я возвращаюсь к родителям!

Громадные глаза Азефа наполнились печальной иронией.

– Люба, малышка моя нежная! Тебе здесь не нравится? Прекрасно, подберем что-нибудь другое, более демократичное. В Москве сдается много жилья, можно выбрать любое захолустье с видом на помойку. Я готов нюхать отбросы, лишь бы тебе, моя радость, было приятно.

Люба с недоумением посмотрела на мужа:

– Помойка? В каком смысле, Евно?

– В прямом. Живут же разные пьяницы, воры и бродяги где придется, ну и мы, люди с хорошим образованием, с утонченными манерами, умеющие устрицу отличить от эскарго – съедобной улитки, давай опустимся до уровня деклассированных элементов. Люба, ты меня любишь?

– Кстати да! Я влюбилась в тебя, Евно, за твою жажду социальных перемен! Я... – Люба страстно замахала в воздухе кулачками. Она еще что-то выкрикивала голосом, полным обличительного гнева, а Азеф смотрел на нее, наполняясь жадой обладания и размышлял: «Моя жена – полная дура. В революцию идут расчетливые люди, это как работа, опасная, но увлекательная, азартная, хорошо оплачиваемая. Разумеется, порой идут и другие – откровенные

психи вроде Желябова или Перовской. Люба, душа моя, как ты тупа, почему ты не понимаешь этого?»

Люба продолжала сквозь слезы выкрикивать:

– Я вас спрашиваю вопрос: если Карл Маркс говорил за эксплуатацию миллионов трудящихся...

Азеф мягко возражал:

– Малышка, тебе надо, чтобы наши животы были пустыми, как духовой инструмент? Пролетарии не придут нас накормить, а если придут, так для того, чтобы устроить еще один еврейский погром. Кстати, сам Карл Маркс жил в буржуазной роскоши, у него было два десятка слуг, три громадных дома...

– Ах, где святые идеалы? Евно, вы их попираете. Что вы скажете на это несчастье?

Азеф начал сердиться по-настоящему. Он прошипел:

– Ты, Люба, училась в Европе, но у тебя такое местечковое произношение, словно ты всю жизнь провела в Одессе или, хуже того, в Могилеве. Избавляйся от этого. А где твоя красота, которая когда-то меня так поразила?

Он сказал правду, а правда всегда ранит больно. Люба зашлась в рыданиях, ее всю трясло. Азеф не выносил женских слез. Он поцелует заткнул рот Любы и после паузы с притворным смирением сказал:

– На Солянке, в Малом Ивановском переулке, я смотрел двухкомнатную квартирку в подвале. Там жил сапожник, и он недавно с перепоя повесился. В квартирке стены мокрые, по ним ползают какие-то отвратительные насекомые, – показал пальцами, – брр, дневного света почти не видно, только в узкое окошко над тротуаром ноги в сапогах и туфлях – шмыг-шмыг, шмыг-шмыг! А вечером – представь картину! – какой-нибудь пьяница мочится в наше окно. Ну и что? Он ведь пролетарий, ведущий класс революции, ему дозволено. Замечательное жилье, потому что хуже не бывает! Тебе, малышка, там понравится. Давай завтра утром сходим на Солянку и снимем эту замечательную трущобу. Если у нас туберкулез легких начнется, ну и что? Зато заживем по-пролетарски, не стыдно будет посмотреть в глаза Житловского, Аргунова, Чепика и остальных товарищей-социалистов! Впрочем, нашему малышу нужен свежий воздух, на лето я хочу снять дачу. Ты, моя рыбка, не возражаешь?

Люба упрямо повторила:

– Завтра будем искать другого жилья.

Азеф облегченно вздохнул:

– Вот и отлично! Только за тридцать рублей, что я тут плачу, ничего удобного не найдем. – Он опять прильнул к ее губам и опрокинул Любу на диван. Она, как всегда, отдалась со страстностью влюбленной, исступленно, забывая всяческую стыдливость.

Перемирие состоялось.

* * *

Азеф рассудил верно. Люба быстро смирилась и с камином, и с коврами, и даже с фальшивым Айвазовским в золотой раме. Не сошлись только в одном.

– Этих девок, прислужниц капитала, чтобы в квартире моей не было! – Люба сказала резко, не поспоришь. Она откровенно ревновала мужа.

Пришлось отказаться от услуг девиц, которые мыли квартиру, наводили порядок, готовили еду. Азеф малость расстроился: уж очень хороши были эти деревенские дурочки! Но утешился мыслью: «Пройдет немного времени, и Люба сама вернет их обратно. И потом, девицы все равно под боком, в клетушке на первом этаже...»

...Люба была неряхой. Это что-то вроде тяжелой и неизлечимой болезни. По этой печальной причине квартира сразу приобрела неважный вид. На стульях и на полу были разбросаны

одежда, детские вещи, игрушки, книги, а рояль стал подставкой для мусора. Обувь теперь валялась в прихожей нечищенной, брюки Азефа никто не гладил, раковину завалили немойтой посудой. Использованные пеленки валялись по всей квартире, и от них несло мочой.

Азеф поначалу сдерживал гнев. Он весьма мягко пытался вразумить супругу, заставить ее убираться, но та резко отвечала:

– Я всегда мечтала об революции, а не об домашнем хозяйстве.

– Но мне в доме не нужно устраивать революций!

– У меня, если вы еще видите, совсем не сорок рук! – И плюнула в угол. – Каждый человек должен иметь свои неприятности, вот и терпите.

...Для прогулок с малышом была приглашена старушка няня, а сама Люба целыми днями или спала, или читала модные, вполне буржуазные журналы. Одевалась она небрежно, до полудня ходила нерасчесанной, из халата выглядывало тело, оплывшее желтым жиром. Зато о переезде в трущобу больше не вспоминала.

Обедать и ужинать Азеф теперь ходил в трактиры. И все же он продолжал любить свою маленькую неряшку.

Впрочем, желая разнообразия в чувствах, Азеф чаще стал заглядывать на Цветной бульвар, в знаменитое скопище публичных домов. Не зря москвичи выражались: «Дамочка эта, того, с Цветного бульвара!» И всем было ясно, о чем идет речь. Азеф теперь предпочитал богатые публичные дома. Перед серьезными делами нужен был хороший отдых.

Наступала эра террора.

Азефа ожидали неслыханные приключения.

Юные безобразники

Бесстыдство в манеже

В Москве бушевала весна.

На теневой стороне еще было прохладно, а на солнечной, сбросив шинели, бегали гимназисты. С утра прогремела, прошумела по мокрым крышам первая гроза. И теперь под ярким солнцем нестерпимо ярко блестели ручьи и лужи. Набухшие почки лопнули и выбросили клейкую изумрудную зелень. Гремели по чисто промытым булыжникам коляски и возы. Как-то особенно весело разносился металлический цокот копыт, и во всех направлениях двигалась, шумела веселая толпа, уже по-особому нарядная, праздничная.

Азеф прибыл на конспиративную сходку к Аргунову.

В столовой помогала накрывать стол миниатюрная девица с толстой смолянистой косой и в бархатном платье вишневого цвета. На груди был смелый вырез, откуда заманчиво выглядывали крепкие мячики груди, на шее переливалось богатое кольцо. Громадные черные глаза искрились молодой энергией, сочные губы маленького рта приветливо улыбались. Она была полна особого рода женственности, которая так волнует мужчин, – образец еврейской красоты.

Аргунов с откровенным удовольствием представил:

– Дора Владимировна Бриллиант, кхх!

Азеф с энтузиазмом откликнулся:

– Это имя окружено всеобщей любовью. Товарищи по партии говорят о вас, Дора, как о первой красавице и о самом надежном товарище.

При этом Азеф умолчал о том, что это уважение многократно усиливает некоторый пустяк: отец Доры был богатым купцом из Херсона, и Дора делала партии внушительные денежные вливания. Однажды, когда Азеф гулял в «Яре» с Максимом Горьким, тот сказал:

– Никто так не любит богатых людей, как те, кто борется с капиталом! – И это было истинной правдой.

Дора чуть кокетливо улыбнулась, протянула руку. Азеф задержал ее, лаская, и с неуместной страстностью поцеловал. Он был очарован девицей.

Аргунов, как никогда, выглядел встревоженным. Озабоченно спросил:

– Иван Николаевич, слезки за вами не было?

– Нет, а что случилось?

– Плохие дела! У Немчиновой – обыск.

У Азефа от этой дурной новости вытянулось лицо.

– Обыск?! Ее арестовали?

– Пока вроде нет. Наверное, оставили как подсадную утку. Небось весь дом шпиками обложили и смотрят, кто в гости пожалует.

– Что-нибудь нашли?

– Не знаю, поэтому и волнуюсь. – У Аргунова и впрямь чуть дрожали кончики пальцев. – Я только теперь с ужасом вспомнил, что оставлял у нее для распространения «Революционную Россию». Боюсь, что она по своей рассеянности забыла о партийном задании, не распространила, а куда-нибудь сунула. Моя вина – забыл спросить! – Схватился за голову, застонал: – Ах, что делать, что делать?

Бриллиант, раскладывая на столе приборы, с укоризной посмотрела на Аргунова:

– Немчинова – девушка неопытная, наивная. Что ж, теперь она должна по вашей неосмотрительности каторжную лямку тянуть?

Азеф подумал: «Жаль, если эту красивую дурочку Женечку арестуют». Вслух произнес:

– А я сегодня видел нечто потрясающее... Решил к вам пешком дойти из дома. Дорога моя лежит мимо университета...

Бриллиант прекратила накрывать на стол и устала на Азефа. Супруги Аргуновы тоже внимательно слушали.

– Смотрю, глазам не верю: весь университетский дворик забит студентами, из него полицейские никого не выпускают. Оцеплен и конный манеж, туда через средние ворота вводят арестованных студентов – девушек и юношей.

Дора вставила слово:

– Обычное весеннее наступление на самодержавие! Каждый год теперь случается. Нынче первыми бунтовать начали студенты Петербурга и Харькова, газеты пишут, что много арестованных...

– Вот-вот, а вчера беспорядки перекинулись в Московский университет, – продолжил Азеф. – Думаю: дай-ка зайду в манеж, революционным словом поддержу молодую поросль. Как пройти? Туда-сюда, нигде не пускают! Тут меня осенило. Вижу, молодой офицерик стоит, иду к нему, говорю негромко: «Я по службе, от Спиридовича, прикажите меня пропустить!» Он согласно мотнул головой и провел меня в манеж.

Аргунов рассмеялся:

– Как же, как же! Спиридович мой давний заклятый друг, обыск у меня делал, хотел и Марию Евгеньевну в ссылку отправить, да дело у него развалилось. И что, Иван Николаевич, вы увидели в манеже?

– Вошел я, и от гама уши заложило: крики, свист, пение. Кто пляшет, кто речь произносит, кто на кулачках английским боксом занимается, кое-где пытаются костры из опилок, пол которыми усыпан, разжечь. Но это, как выяснилось, пустяки. В левом от входа углу что-то странное: юноши и девушки сцепились за руки, сделали круг и дико гогочут. Подошел ближе, заглянул в круг, глазам не поверил: с десятков пар – не меньше! – на глазах у всех бесстыдством занимаются. Где совесть? Я не ханжа, но плюнул на опилки и вышел на воздух... Вот вам и молодые «революционеры»!²

Супруги Аргуновы неодобрительно покачали головами, а Бриллиант усмехнулась:

– Иван Николаевич, вам сколько лет? Вот, больше тридцати, вы просто устарели. Сейчас молодежь пошла без предрассудков, девушки эмансипированы. Так что не осуждайте!

Аргунов добавил:

– Нынешней весной, кхх, особенно велик подъем революционного движения среди студентов.

– Причина – выстрел социал-революционера Карповича? – спросил Азеф.

– Да, наш товарищ по партии Карпович вовремя застрелил министра народного просвещения Боголепова, – сказала Бриллиант. – Студенчество во всех крупных городах империи тут же откликнулось массовыми выступлениями. А то, что студенткам их же товарищи под юбку залезли, – это тоже признак революционных перемен!

Азеф не выдержал, расхохотался, а Мария Евгеньевна пригласила:

– Милости прошу к столу!

...Как всегда бывает в начале застолья, разговоры смолкли, ножи и вилки застучали, челюсти заработали. Выпили под закуску, потом под борщ.

Аргунов сказал:

– Близится время безжалостного массового террора, кхх, который всколыхнет всю Россию. Студенты – первые ласточки революции. И нам, эсерам, надо организовать этот террор.

Азеф, то и дело бросавший на Дору вожделенные взгляды, спросил:

– Дора, а как вы относитесь к террору?

² Об этом, в частности, писал очевидец – А. Спиридович (см.: Записки жандарма. М., 1991. С. 840).

Она мягким, бархатным голоском сказала:

– Каждый из нас должен быть готов пожертвовать собой! Мы обязаны унаследовать принцип «Народной воли»: цель оправдывает средства. – Мило улыбнулась. – Надо убивать и убивать чиновников, помещиков, полицейских, убивать без числа и без жалости. Надо всколыхнуть весь народ, и тогда царизм рухнет. Так говорил мне Гершуни, а я преклоняюсь перед этим великим революционером. Только в борьбе мы обретем право свое.

«Погребальный список»

Азеф говорил мало, Аргунов рассуждал масштабно, Дора горячо возражала, Мария Евгеньевна почти все время молчала и совершала рейды из столовой на кухню: Аргуновы с некоторых пор не держали кухарку, потому что боялись доноса.

Спорили над путями, которыми следует идти к расширению террора и объединению множества кружков социал-революционной направленности, разбросанных по всей империи.

Вдруг Азеф хлопнул себя по лбу, начал сочинять:

– Едва не забыл ошеломляющую новость! Мой знакомый инженер с механического завода сказал, что руководители нашей партии составили некий «Погребальный список».

У Аргунова брови поползли на лоб.

– «Погребальный список»? Как интересно! Но почему я ничего об этом не слышал.

Дора ела глазами Азефа:

– Что это за список?

– В этот список включены сто самых зловредных царских сатрапов, приговоренных к смертной казни.

– Сто?! – поразился Аргунов.

– Именно! На первом месте – царь...

– И по праву! – воскликнула Бриллиант. Ей очень хотелось казаться осведомленной и поддеть Аргунова, поэтому она соврала: – Я тоже краем уха слышала об этом списке...

Аргунов подергал себя за бородку.

– Кхх, список – хорошо, но почему Гоц и Гершуни не спрашивают нашего мнения? Это меня возмущает. Они в Женеве чувствуют себя китайскими богдыханами, что хотят, то и воруют.

Азеф подлил масла в огонь: перед ним Департамент полиции поставил задачу – вбить клин между руководителями партии и Аргуновым.

– Могли бы посоветоваться с таким заслуженным революционером, как вы, Андрей Александрович. Руководитель многочисленного Северного союза, нельзя об этом забывать.

Аргунов испытующе взглянул на Азефа:

– Когда вы меня познакомите с вашим инженером?

– Познакомлю обязательно, но позже. Инженер очень осторожен. – Азеф поскреб пальцем переносицу. – Но что касается списка, я сомневаюсь в его реальности. У нас нет столько динамита...

Бриллиант решительно сказала:

– Зря сомневаетесь! Я готова изготовлять взрывчатку в лабораторных условиях. Была бы воля! Что касается списка... А что мешает такой составить? – Она притушила в пепельнице папиросу. – Ничто и никто не мешает! Когда партия осуществит свой последний, сотый приговор, самодержавие рухнет, как карточный домик. И в этом будет великая историческая справедливость!

Аргунов задумчиво дергал себя за бородку.

– Досадно, что, кхх, мимо нас, не обсуждая... – Просяще взглянул на Азефа: – Если можно, принесите хоть на полчаса «Погребальный список». Это очень важно!

– Сделаю все возможное! – заверил Азеф. Он подумал: «Надо предложить Доре навестить Немчинову, выяснить, что и к чему. Но разве она согласится? Конечно нет, испугается. Тогда эту героическую миссию исполню я. Ведь мне этот визит ничем не грозит. Получится весьма самоотверженно...» Озабоченным тоном Азеф произнес:

– Товарищи, кто-нибудь из нас должен сходить к Женечке. Может, ей какая-нибудь помощь нужна? – Азеф вопросительно посмотрел на Бриллиант: – Как, Дора, вы относитесь к моему предложению – в минуту несчастья навестить одинокую девушку?

Бриллиант надула губы:

– Для чего я полезу на рожон? Я все-таки химик, могу изготавливать бомбы, да и сгожусь для исполнения террористического акта.

Азеф испытал удовольствие: «Первый раз в жизни меня радует отказ женщины! Теперь надо доиграть героическую роль, в дом Немчиновой я войду спокойно и с парадного входа. Доре станет за себя неудобно, начнет проситься идти со мной». Он притворно вздохнул, завел глазички к потолку, словно тягостно раздумывая, а затем решительно сказал:

– Что ж, раз дело требует, я сам посету Немчинову, узнаю, как прошел допрос, чего изъяли при обыске, не нашли ли «Революционную Россию»? И сделаю это срочно, сегодня же.

Дора почувствовала себя уязвленной, фыркнула. Теперь она пожалела, что отказалась от предложения Азефа. Она боялась в глазах товарищей показаться трусливой. Неожиданно для себя произнесла:

– Я тоже пойду с вами, Иван Николаевич!

У Азефа ответ был наготове:

– Дора, вы только начинаете жить, вам надо беречь себя. Вы красивы и умны, вам надо рожать много крепких еврейских детей.

Бриллиант с благодарностью посмотрела на Азефа, положила свою мягкую и теплую руку с небольшими слабыми ногтями на его кисть:

– Спасибо, товарищ!

Азеф этот знак понял по-своему и хитро подмигнул девице, заторопился:

– Мне пора, я к Немчиновой. Что ей передать?

Дора промурлыкала:

– Скажите, пусть держится мужественней, ни в чем не признается и, самое главное, не предает товарищей. – Подняла на Азефа агатовые глаза. – У нас длинные руки. Предателей, которые выдают своих товарищей, мы из-под земли достанем. Попугайте ее!

Аргунов с надеждой посмотрел на Азефа:

– Да, да, Иван Николаевич! Вы уж ее попугайте, а сами вот осторожней будьте, на Остоженке оглядитесь, нет ли шпииков.

Азеф усмехнулся:

– Попадья с конюхом Иваном была осторожной, да и то забрюхатела. Я труса праздновать не буду. Для меня, товарищи, главное – честно исполненный революционный долг. В случае чего наряжусь под татарина, сборщика тряпья или трубочистом, но в дом пролезу, проникну, будьте уверены.

Бриллиант проводила Азефа до двери:

– Иван Николаевич, буду счастлива работать вместе с вами!

Азеф уже мысленно раздел эту роскошную девицу и живо представил ее крепкие груди с набухшими розовыми сосками, округлость бедер, пухлую горку лобка. Он зазывно взглянул в темные, как омуты, глазички Доры:

– Сердце мое, приходите ко мне в гости!

– Зачем?

Азеф с женщинами предпочитал прямолинейность (если откажет, так не надо попусту тратить время и деньги). Он с обезоруживающей улыбкой сказал:

– Мадам Дора, божественная, мы полежим на кушетке!

Бриллиант фыркнула:

– Еще чего! – И, словно колокольчик, раскатилась смехом. – Может, вы меня в манеж поведете на опилках полежать?

На этом и расстались. Ответ красавицы Азефа не огорчил. Он рассуждал математически: «На свете множество девиц, и даже если десять откажут, то одиннадцатая обязательно согласится! В этом деле самое важное – хотеть!»

Осада

Азеф вышел к Чистым прудам. На крытом помосте играл духовой оркестр, рядом толпились няни с детьми, из-за крыш приземистых домов выглядывала Меншикова башня, построенная светлейшим князем в самом начале XVIII века и бывшая в то время самым высоким сооружением в Москве.

Азеф думал: «Умно я сделал: пустил слух о „Погребальном списке“. Аргунов надулся на Гершуни и Гоца – это хорошо, это ведет к склокам в партии. Кто автор слуха – забудется быстро, а слух будет витать и обязательно дойдет до департамента! А мне это и надо, я должен запугивать и давить Ратаева: пусть дорожит мной и увеличивает жалованье!»

Солнце стояло высоко, было тепло. Азеф снял с головы кожаную пролетарскую кепку. Подумал: «Неужели сегодня увижу Женечку Немчинову, прелестную и легкомысленную? Вот такую жену иметь бы! Я вмиг вытряс бы из ее хорошей головки революционную пыль, родила бы мне человек пять-шесть детишек, и самой стало бы стыдно вспоминать о дурацких увлечениях социализмом. А я сильно ее хочу, пожалуй, так, как никого никогда не хотел! Зачем Ратаев, дубина стоеросовая, меня не послушался и произвел у нее обыск?»

Азеф зашел в цветочную лавку, купил корзину цветов, перевязанную шелковыми лентами, свистнул извозчика и полетел по Мясницкой:

– На Остоженку! Да погоняй, оглобля немереная! Рубль подарю...

Извозчик оголтело заорал на сытую караковую лошадку:

– Не спать, красавица! Шевели копытами, уважь их благородие!

Лошадка понеслась, разбрызгивая лужи и цокая подковами по булыжной мостовой.

...Возле дома Немчиновой Азеф привычным глазом заметил трех филеров: двое прохаживались с торцов дома, третий стоял на противоположной стороне. Азеф подумал: «Вот как бедную Женечку обложили!»

Он вошел в дом.

Желанный друг

Вещественные доказательства

Дремавший на стуле возле дверей старый слуга, услышав от Азефа его имя, поднялся, болезненно разгибая спину, закричал:

– Евгению Александровну? Она теперь занимается у себя в кабинете... Позвольте подождать, доложу о вас.

Через минуту слуга вернулся:

– Пожалуйста, сударь!

Азеф сбросил ему на руки макинтош, бодро поднялся по знакомой мраморной лестнице, застланной зеленой ковровой дорожкой.

Женечка Немчинова сидела в громадном кабинете за широким и длинным столом. На столе лежало множество книг, журналов и газет. На основательном малахитовом плато стоял бронзовый чернильный прибор. Вдоль стен высились застекленные книжные шкафы со старинными книгами в кожаных переплетах и с ключами в дверцах. Когда вошел Азеф, хозяйка печатала на ундервуде свои творения про сельских малышей, буренок, идущих стадом с пастбищ, жужжащих мохнатых шмелей и порхающих бабочек.

На Женечке было простое домашнее платье из цветастого китайского шелка с множеством оборочек, с глубоким декольте и узкой длинной юбкой, которая приятно подчеркивала узкую талию, делала девицу особенно соблазнительной. Но глаза на прелестном личике были печальны.

– Что случилось, божественная? – говорил Азеф, целуя ее руки. – Могу ли я чем помочь вам? Вот, цветочки возьмите, самые лучшие искал.

– Спасибо! – едва пошевелила губами. И вдруг Женечка припала к плечу гостя и разрыдалась.

Азеф с нежностью гладил ее пышные волосы, падавшие волнами на спину, целовал их и терпеливо ждал, когда Женечка успокоится.

Утишив рыдания, Женечка сказала:

– Позавчера в мой дом нагрянула полиция, обыскивали...

Азеф сделал вид, что ничего не знает:

– Вот как! И что-нибудь нашли?

– Нашли пачку «Революционной России», это второй номер, отпечатанный в Финляндии. В пачке тридцать экземпляров. Я ее положила в книжный шкаф, во второй ряд, заставила книгами и, вот истинный крест, забыла думать о газетах. А полицейские нашли. И еще кто-то донес – с этого все началось, – что я дала Чепику пять тысяч рублей на приобретение динамита и оружия. И динамит якобы предназначался для покушения на государя... – Женечка опять разрыдалась.

– Но вы на свободе, это уже хорошо!

– Меня продержали целую ночь в участке. Потом приехал заведующий Особым отделом Ратаев, допрашивал.

Азеф напрягся:

– И что вы показали?

Женечка капризно надула губки:

– Что я могла показать? Я никогда не скрывала своих взглядов. Сказала все, как было: «Революционную Россию» передал мне Аргунов – для распространения, а деньги я давала Чепику, который говорил, что это «для помощи детям сосланных революционеров». А что

выяснилось? Оказывается, что это для покушения на самого государя. Если бы я знала, разве я пошла бы против государя, с которым я знакома, я два раза была на царских приемах в Зимнем дворце. Я все это объяснила Ратаеву, он записал в протокол и дал мне расписаться.

Полезный совет

Азеф ужасно огорчился. Из-за показания глупой девчонки теперь рушилась вся его, Азефа, стратегия отношений с Аргуновым: после таких показаний надо обязательно того арестовывать, а кто будет протезировать его, Азефа, руководству партии? Ведь все это уже обсудили в охранке, Ратаев согласился, что нельзя пока арестовывать Аргунова, и на тебе.

Азеф принял простое решение. Он строгим тоном сказал:

– Вас отпустили, и это здорово, это означает, что не все потеряно. А насчет Аргунова вы зря показали, ведь вы, Женечка, его на каторгу отправите. Неужели не жалко?

Женечка растерялась:

– На каторгу? За такой пустяк?

– Нелегальщина – это не пустяк. Изготовление или хранение подрывной литературы на первый раз – ссылка, а на второй – каторга. Аргунов уже был и в ссылке, и на каторге. А он совсем больной человек, у него легкие слабые. Неужели вы желаете его смерти?

Женечка перекрестилась:

– Ужас какой, господи прости!

– Да и вас могут посадить в тюрьму.

Женечка изумилась:

– В тюрьму? За что? За то, что я давала свои деньги, чтобы империя стала еще лучше? Чтобы демократических свобод стало больше? За это сидеть в тюрьме? – Она с мольбой и надеждой посмотрела на Азефа. – А что теперь делать?

– Надо завтра с утра пораньше ехать в охранку.

У Женечки от удивления округлились глаза.

– В охранку? К Ратаеву?

– Именно к нему, к сердечному, на Тверской бульвар, дом номер двадцать два. Вы ему скажете: я, дескать, волновалась и ошиблась, оговорила напрасно Аргунова. Кто-то передал газеты, а кто, мол, не помню. Ведь у меня так много народу бывает! И в протокол потребуйте внести исправления. Вот дело для Аргунова и обойдется. – Заглянул в красивые глаза Женечки. – Запомните, в охранке на вас будут давить: ласково уговаривать, обещать свободу и каторгой угрожать, – не поддавайтесь, стойте на своем: «Не помню, и все тут! И никакую крамолу я не распространяла!»

Женечка враз повеселела, обхватила руками голову Азефа, чмокнула его в губы:

– Я ваша должница, вы мой спаситель. Как я сама прежде не догадалась? Ну да, Ратаев мне все твердил: «Говорите только правду, тогда поверим вам и судить не будем!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.